

Кутузова Елена

**ИНКУБ
КОРОЛЕВСКОГО ДОМА**

Спящая цинкда

Инкуб королевского Дома. Спящая цикада

Желтый лист плывет.
 У какого берега, цикада,
 Вдруг проснешься ты?
 Басё

— Анна Сергеевна, вы как?

— Ничего.

Анна Сергеевна, врач выездной бригады Скорой помощи привычно устроилась в кабине «Газели», пристегнулась, откинулась на спинку и прикрыла глаза. Хлопок двери заставил поморщиться — начинала болеть голова, и любой звук казался слишком громким.

— Все явились? — водитель заглянул в окошечко между кабиной и салоном, убедился, что фельдшер на месте и повернул в замке зажигания ключ. Белая с красным крестом машина медленно выехала из гаража.

Вечер стал продолжением дня. Вызовы разнообразием не отличались: гипертонические кризы, головная боль, температура. Ближе к ночи добавились любители протрезветь на свежем воздухе — добросердечные прохожие набирали ноль три, беспокоясь о прикорнувших в кустах нетрезвых согражданах.

Одних госпитализировали, другим оказывали помощь сразу. На станцию не возвращались, после каждого вызова Анна Сергеевна отзванивалась по рации и получала следующий. Бригада уже давно перевыполнила норму, но кого это волновало!

Фельдшер поставила металлическую укладку в специальное гнездо и высунулась в окошко:

— Анна Сергеевна! Надо вернуться, ящик заполнить.

— Ну, значит, возвращаемся.

Гараж пустовал, как всегда в это время. Люди возвращались с работы, и наступала пора недомоганий. Петр, водитель, покачал головой:

— Не успею термос залить.

— Успеешь. Я пока бумажки заполню.

Фельдшер потащила тяжелый ящик к окошку выдачи лекарств, а Анна Сергеевна пошла к регистратуре. Ей предстояло заполнить листы вызовов, которых набралась немаленькая куча.

— Вы как? — фельдшер-регистратор кинула взгляд на подошедшего врача и снова застучала по клавиатуре. — Бледная все еще.

— Ничего, держись. Сегодня последняя смена.

— Может, вызов оформить? Хоть отдохнете часок.

— Не надо. Машенька, постой! Дай, пожалуйста, градусник.

Фельдшер, тащившая укладку в машину, повернулась к регистратуре.

— Совсем плохо?

— Нормально. Угораздило же летом простыть. Хоть на больничный иди, перед отпуском-то. — Анна Сергеевна вернула градусник фельдшеру. — Сделаешь тройчатку?

— А может — домой?

— Я и так до двенадцати.

Укола хватило на несколько вызовов. Потом Анна Сергеевна сдала смену. Переделалась и собралась выходить.

— Подождите, может, сейчас вызов будет в вашу сторону! — ночью работы не стало меньше, разве что машины возвращались после каждого выезда, люди надеялись перехватить хоть пару часов сна.

— Нет, я пройтись хочу. Тут всего-то квартал. Да и не поздно еще, народу много на улице.

Он она переоценила свои силы. Прошла парк, пересекла двор. А у крыльца родного подъезда резко закружилась голова. В глазах потемнело, и Анна потеряла сознание.

Белый потолок, заклеенный обоями. Уголок справа отклеился, и с завитка свисала тонкая полоска паутины. Анна не убирала её — паучок был единственным существом, которому она позволила разделить с ней жильё.

Сегодня правило одиночества оказалось грубо нарушено. На кухне слышались шаги, кто-то старался не греметь посудой, но получалось плохо.

Анна лежала в собственной кровати и лихорадочно соображала, что же произошло. Потом, решившись выяснить все сразу, откинула теплое одеяло, которое почему-то укутывало её вместо легкого пледа, и попыталась встать. В глазах потемнело.

— Очнулись? — тихий голос произнес это слово с легким акцентом.

В дверях стоял незнакомый мужчина. Анна, не понимая, что чужак делает в её квартире, рассматривала его.

Высокий. Стройный... Спину держит очень ровно, как танцор или военный — Анна не смогла определить сразу. Судя по тому, как сидит одежда — джинсы с широким ремнем и облегающая футболка, незваный гость относился к разряду первых. Слишком уж тщательно подобранным казался наряд.

А мужчина, не смущаясь тем, что его так откровенно разглядывают, продолжал:

— Прошу прощение за вторжение. Но вы в буквальном смысле свалились прямо на меня, так что я счел своим долгом...

— Значит, дома я оказалась с вашей помощью?

— Да.

— А...

— Ключ лежал в кармашке сумочки. Адрес — в паспорте.

— Вы копались... — Анна задохнулась от возмущения. Но её негодование стало еще сильнее, когда она поняла, что одета в ночную сорочку. — И... кто меня передел?

— Увы! — мужчина поставил поднос, который все это время держал в руках и пожал плечами. — Ничего другого мне не оставалось. У вас был жар, считайте, я первую помощь оказывал.

— И какую же? — испуг прошел, сменяясь злостью.

— Намочил ткань в холодной воде, сделал обтирание... Не вставайте так резко, голова закружится!

Он оказался прав. Откинувшись на подушку, возмущенная самоуправством Анна процедила:

— Я вам очень благодарна. Но, поверьте, моя признательность не будет иметь границ, если вы сейчас закроете за собой входную дверь. Замок сам захлопнется, а ключи, пожалуйста, положите на стол.

Мужчина улыбнулся и наклонился над ней, поправляя подушку:

— Мы поговорим об этом потом. Сейчас вам нужно поесть.

Анна вздрогнула и попыталась отстраниться. Получилось плохо. Мужчина наклонился ниже, окутав легкой дымкой аромата.

Приятной. И ненавязчивой. Одежда простая, а туалетная вода дорогая, качественная. Анне нравились такие вот запахи: обволакивающие, спокойные. Они создавали ощущение защищенности. Но не в этой ситуации.

— Вы...

— Мы поговорим после того, как вы позавтракаете. Хорошо?

Мужчина взял с подноса пиалу.

— Давайте, я покормлю.

— Может, я сама? — Анна лихорадочно вспоминала курс психологии. Ни в коем случае не злить сумасшедшего! Она уже начала сомневаться в здравом уме собеседника.

— Позвольте мне, — мужчина зачерпнул из пиалы и подул на ложку.

Глядя, как непринужденно он устроился на краю кровати, Анна решила, что первое впечатление оказалось верным — танцор. Вон, как держит чашку... и ложку. Грациозные движения завораживали, заставляя забывать о том, что человек может оказаться маньяком.

Анна очнулась только, когда край ложки раздвинул враз пересохшие губы:

— Это... что?

— Суп. Тут креветки и морская капуста. Хорошо силы восстанавливает.

Анна с опаской попробовала. Вкус удивил. Пряный, приятный. Но вот к какой кухне относится, определить не удалось. А мужчина снова протянул полную ложку.

Пришлось есть. Глотая наваристый бульон, Анна смогла хорошо рассмотреть того, в чьей власти оказалась.

Чужак оказался очень красив. Идеальная стрижка подчеркивала правильный овал лица. В безупречных чертах проскальзывало что-то азиатское, но очень слабо. Ровно настолько, чтобы придать облику мужчины пикантность, не испортив общее впечатление совершенства.

Но выражение лица казалось необычным. Анна присмотрелась.

Глаза. Иссиня-черные, бездонные. Солнце, проникающее сквозь щели жалюзи, высекало в них холодные искры. Они придавали мужчине неприступный вид.

— Вы так смотрите... Я вам нравлюсь?

— Ну... — Анна вытерла рот салфеткой. — Скажем: могли бы. Но меня не интересуют мужчины.

— Вам нравятся женщины? — он встревоженно вскинул на неё взгляд.

— Нет, — Анна спокойно взяла из его рук стакан с соком и, не торопясь, выпила. — Они меня тоже не интересуют.

— Разве так бывает? — мужчина выглядел озадаченным.

— Конечно. Но давайте перестанем обсуждать мои сексуальные предпочтения, хорошо? Я поела. Теперь, как и договаривались, закройте дверь снаружи.

— Да-да, разумеется, — он аккуратно поставил посуду обратно на поднос. — Но вам нездоровится. Я не могу оставить вас одну в таком состоянии. Отдохните, а потом поговорим... Хорошо? Отдыхайте.

Анна хотела возмутиться. Даже вскочить, чтобы своими руками вытолкнуть нахала за дверь. Но мягкий голос обволакивал уютным пледом, заставляя истому разливаться по утомленному борьбой с болезнью телу. Сил не хватило даже одеяло откинуть.

Незванный гость что-то говорил, а Анна не вслушивалась в слова, она позволила приятному тембру влиться в жилы, убаюкать. Тревогу сменил покой, веки налились сладкой негой и Анна заснула.

Пробуждение было внезапным. Анна потянулась, вспоминая ночной кошмар. И замерла: если это сон, то что она делала, придя домой? Возвращение совсем не запомнилось! И этот незнакомец... Приснился? Словно прочитав мысли, мужчина возник на пороге.

— Как вы себя чувствуете?

— Х-х-хорошо. А вы... еще тут?

Анна чуть не застонала от отчаяния — не сон!

— Куда же я от вас? — он улыбнулся и расправил халат, который держал в руках. — Угодно будет встать?

— Угодно, но... может, вы выйдете?

— Зачем? — незнакомец искренне удивился. — Я тут второй день. Ухаживал за вами. Лечил. Неужели все еще стесняетесь?

— Представьте себе — да.

Он не настаивал. Пожал плечами, положил халат на кровать и вышел. Дверь, однако, оставил открытой. В щель хорошо была видная его спина.

Анна молниеносно выскользнула из-под одеяла, накинула одежду и завязала пояс. А мужчина, все еще отвернувшись, поинтересовался:

— Может, приготовить купель?

— О Господи, за что это мне? — Анна отстранила его с дороги, выходя из спальни. — С этим я сама разберусь. Сейчас меня интересует, кто вы такой!

— О, это моя оплошность. Прошу прощения! — он направился за ней в большую комнату, встав так, чтобы отрезать Анну от телефона. — Меня зовут Эйр Аккон.

— Иностранец?

Уточнять было не обязательно — внешность и акцент говорили сами за себя.

— Можно и так сказать. Я демон.

Анна вздохнула и потерла лоб. Почему-то так лучше думалось.

Эйр тут же встревожился:

— Жар?

Прохладная рука накрыла её ладонь. Затем пальцы невесомо прошли вдоль щеки. От нежного прикосновения по телу пробежал озноб.

— Температуры нет. Вам плохо? Голова кружится?

Анна вздохнула еще раз. Это не бред. Она действительно в одной квартире с сумасшедшим. А вызвать милицию нереально — Эйр постоянно находился между ней и телефоном. Обойти его Анна опасалась — сумасшедших нельзя злить, они непредсказуемы. Выход один — взять сумку, в которой лежит сотовый, и постараться позвонить с него. Санузел вполне подойдет.

Она заставила себя улыбнуться, принимая правила игры:

— Нет, все в порядке. Пожалуй, я все же приму душ.

— Как скажете.

Эйр подошел к шкафу и достал чистое полотенце. Анна разозлилась: слишком похозяйски ведет себя в её доме этот мужчина. Даже в вещах копается. Но показать недовольство не посмела. Улыбнулась, приняла протянутое полотенце и, прихватив по

дороге сумочку, направилась к ванной.

— Я помогу?

— Спинку потрете? Спасибо, я сама справлюсь.

Он серьезно кивнул. Но прежде, чем дверь закрылась, объявил:

— Пожалуйста, не запирайтесь. Я не должен терять вас из виду.

Анна растянула губы в улыбке и задвинула шпингалет.

Вода, ударяясь о ванну, скрывала звуки. Анна пошарила в кармашке, где носила телефон. Пусто. Сунула в другое отделение?

Она перебрала содержимое сумки раз, другой. Потом резко перевернула её над стиральной машинкой. Эйр услышал стук зеркала о поверхность и встревожился.

— Все в порядке! Я шампунь уронила! — поспешила успокоить его Анна.

Отчаянно боясь, что сторож ворвется в ванну, она лихорадочно перебирала вещи. Расческа, зеркало, помада, куча салфеток и разных нужных мелочей. А телефона нет. Неужели... Зло посмотрев на дверь, скинула халат и залезла в ванну. Конспирацию никто не отменял, незачем вызывать подозрения. Кто знает, что в голове этого безумца.

Упругие струи ударили по плечам. Анна подкрутила вентиль, так, что вода стала обжигающей. Когда кожа запылала, и кипяток показался нестерпимым, женщина резко выключила горячую воду.

Ледяной поток обжег, но вскоре сменился приятной прохладой. Мимоходом лаская розовеющие плечи, обогнул небольшую грудь и устремился ниже. Но вместе с водой пришел холод. Он заморозил даже намек на желание, и Анна с наслаждением поставила лицо навстречу водяным струям — в голове прояснилось. Вскоре она снова смогла мыслить трезво.

— С вами все в порядке? — донеслось из-за двери.

— Да, скоро выйду! — ответила Анна и выключила воду.

Вытиралась торопливо, опасаясь разозлить мужчину. И, тихо ругаясь, натянула халат. Эйр, как нарочно, выбрал тонкий шелк, и теперь он лип к телу, скорее выставляя фигуру на всеобщее обозрение, а не скрывая её.

Своего тела Анна не стеснялась. Природа оказалась благосклонной к ней и, лишив привлекательности, уберегла от другой опасности — позволила сохранить форму юной девушки без особых усилий. Анна ела все, до чего могла дотянуться, и при этом не поправлялась. Но подозревала, что работа вполне заменила ей фитнес-зал: неработающие лифты многоэтажек, тяжелая укладка с лекарствами, которую приходилось тащить по очереди с фельдшером и отсутствие времени на полноценный обед очень помогали не толстеть.

Эйр стоял у двери. Чуть отступил, пропуская Анну на кухню, и тенью скользнул следом.

За полчаса купания ничего не придумалось. Поэтому Анна решила просто довериться судьбе и не упустить шанса. А пока играть роль радушной хозяйки.

— Чаю хотите? Или кофе?

— Вам следовало сказать о своем желании. Я бы заварил, пока вы ванну принимали.

— Не важно, я и сама могу. Так чай, или кофе?

— Благодарю. Но я недостоин еды, приготовленной Наири.

— Эээ...

Анну несколько смутило непонятное обращение, а Эйр решил, что она недовольна:

— Простите, я недостаточно внимателен...

— Вот внимания хотелось бы поменьше.

Стараясь не смотреть на стоящего почти вплотную мужчину, Анна налила чай в большую чашку, добавила четыре ложки сахара, чтобы немного успокоить сладким нервы и вернулась в комнату. Эйр двинулся следом и застыл за креслом. Анна поежилась — не видеть сумасшедшего было неуютно.

— Присаживайтесь.

Вместо ответа мужчина положил руки на её плечи, провел от шеи вниз. Выверенные, точные движения массажиста. Разминал мышцы грамотно и аккуратно, задерживаясь в особо болезненных местах. Потом снял тюрбан из полотенца, который Анна наvertsела на голове, запустил пальцы во влажные волосы.

— Вам неприятно?

В черных глазах — забота и спокойствие.

— Почему же? Вы хороший массажист.

Анна прикрыла глаза. В другом месте и в другое время она бы уж мурчала от удовольствия. Но теперь ограничилась нейтральным:

— Благодарю.

Легко промассировав голову, Эйр перешел к плечам, потом вернулся к шее, пальцы пробежались по позвоночнику. Та, где они касались спины, кожа мгновенно теряла чувствительность, словно после заморозки. Анна уже привыкла к подобной реакции — за несколько лет она сжилась с болезнью, и даже стала находить в ней некоторое удобство.

— Может, приляжете? Тогда я смогу размять лучше.

— Достаточно, — Анна отстранилась. — Говорите, что вы демон, Эйр?

— Да. Не верите?

— В таком случае, как вы могли так спокойно трогать меня за шею? — Анна подцепила серебряный гайтан и вытащила крестик. — Он из Лавры.

— Простите, Наири. Я — инкуб. Это моя оплошность, не представился сразу и должным образом.

Анна повернула голову и улыbnулась. Этот псих выглядел убедительно, только вот... Шизофрения?

— Вы знаете, кто такие инкубы, Наири? Мы не боимся ни крестов, ни святой воды, ни икон...

— Я читала «Книгу теней». И «Молот ведьм» тоже.

Пальцы, разминающие плечи остались ласковыми.

— Интересно?

— Да, занимательное чтиво.

— Плохо, Наири...

— Вы недовольны подборкой моих книг?

— А? Нет. Мышцы слишком зажаты, тело напряжено. Вас что-то тревожит?

Анна вздохнула. Беспокойство стояло прямо за спиной и делало потрясающий массаж.

Эйр наклонился, заглядывая Анне в лицо и улыбнулся:

— Вы напрасно опасаетесь, Наири. Я не причиню вам вреда.

Анна заинтересованно повернула голову:

— Ты снова назвал меня Наири. Что означает это слово?

— Титул. Правда, пока он не присвоен официально.

На этом массаж закончился. Когда Эйр пропустил пряди сквозь пальцы и убрал руки, Анна чуть не застонала от разочарования. И одновременно вздохнула с облегчением — она не любила фривольные прикосновения, тем более, чужаков.

Эйр обошел кресло. Футболка не скрывала хорошо очерченного, гибкого силуэта. Грациозно, как кот, мужчина опустился на ковер у ног Анны и положил голову на мягкий подлокотник кресла.

— Но вы отмечены печатью, так что я не ошибаюсь, уже сейчас называя вас Дарующей Жизнь.

Анна смотрела на него сверху вниз. Красив. И поза... провоцирующая. Специально вед так сел! Вид просто потрясающий! Но с ней эти штучки бесполезны. Да и крохи информации, которую выдавал этот сумасшедший, упускать не стоило — собрать, осмыслить... и обратить себе на пользу.

— Что за печать? — невинно поинтересовалась она.

Кончики пальцев коснулись лодыжки, поползли вверх. Анна взглянула вниз. Изящество кисти не скрывало силу рук — видимо, мужчина заботился о красоте всего тела.

— Нимфа цикады под правой лопаткой. Ваше родимое пятно.

Анна молча чертыхнулась. Родимое пятно на самом деле имелось, а увидеть его мужчина мог, когда переодевал её в домашнее. Ну и фантазия! Еще один плюсики в пользу шизофрении: всему найти логическое объяснение.

— И что оно означает?

— Только то, что вы принадлежите к роду Наири... И сами станете ей...

— Так что вам все-таки нужно? — голова пошла кругом от нехороших предположений.

Эйр молчал. Он не сводил взгляда с лица Анны. Пальцы скользили вверх-вниз по ноге. Невесомо, на грани ощущений... Потом тихо прошептал:

— Если вы читали «Книгу теней», то знаете, что нам нужно...

Голос прозвучал дуновением вечернего ветерка, что тихо раскачивает ветки цветущей сливы. Но Анна не поддавалась очарованию:

— О дааа. Значит, трактат правдив?

— Не совсем. Мы на самом деле ищем плотских утех с людьми. Это необходимо для продолжения рода.

— В «Книге» так и написано. Семя инкубов слишком холодное и неспособно к зачатию... Поэтому вы добываете его у людей.

— Бред! Нам нужна прана, энергия, которую люди выплескивают на пике страсти. В нашем мире она иссякла много столетий назад, и мы были вынуждены приходить в ваш.

— Вот как? Значит... прана? — Анна отчаянно жалела, что не может познакомить Эйра со своим другом-психиатром. По фантазиям "инкуба" Антон вполне мог написать

диссертацию.

— Прана, — кивнул Эйр. — Для магии — она основа жизни в нашем мире. Для трансформации. Но главное — без праны мы не можем продолжить свой род. После возвращения мы могли зачать дитя, а женщины — выносить его. Но людям не понравилось. Человеческие сыны слишком жадные, чтобы делиться. И приняли меры. Инкубам стало сложно проникать в ваш мир, и мы стали вымирать, — Эйр открыл глаза. В них, глубоко на дне, плескалось недоумение. — Вы рассеиваете жизненную энергию и даже не замечаете этого... И пожалели малую толику, чтобы спасти целый народ.

Анна впечатлилась. Какая стройная теория! Даже почти без изъянов. Но спорить не стала — неё было собственное мнение насчет демонов и о влиянии их визитов на человечество.

Эйр продолжал:

— Потом Совет предложил перенести нескольких людей в наш мир. Королю понравилась эта мысль, и мы нашли подходящую семью. Это оказалось непростым делом. Каждый человек может дать энергию, но требовалась, чтобы она была совместима со всеми Домами.

— Прямо как донора искали...

— В определенном смысле, так оно и было. Девушка, которой предстояло переселиться к нам, стояла на краю гибели — в вашем мире тогда свирепствовала чума. Инкубы спасли всю её семью, обеспечили им материальное положение... А после того, как наша часть работы была выполнена, девушка отправилась с нами. У нас её ждало не просто уважение. Мы поклонялись ей, ведь от Наири зависело существование рода. После Дарующую Жизни сменила дочь, потом — внучка... Поколение за поколением. Пока... люди не погибли.

Голос Эйра дрогнул. Но пальцы все так же гладили ногу, а голова лежала на подлокотнике. Анна могла любоваться на красивое лицо без помех.

— А я тут причем?

— Вы отправитесь со мной, Наири. Снова наполните мир энергией любви, и наш род опять вознесется к вершинам.

— Не хочу.

Эйр не смутился:

— Печать на вашей спине — знак древней сделки. Вам придется, ибо подобные клятвы невозможно забыть.

Он вдруг нахмурился и замолчал. Забормотал тихонько себе под нос. Анна прислушалась, но язык был ей незнаком.

— Что случилось?

Эйр попытался отмолчаться. Но Анна смотрела на него в упор, и инкуб сдался:

— Я совсем не чувствую вашего желания. Когда я делал массаж, вам было приятно. Но и только. Я приложил немало усилий, а вы остались глухи к моему посылу.

— Так вы все это время пытались меня соблазнить? — Анна рассмеялась. — Давайте, сама отвечу: облом?

Эйр нехотя кивнул:

— Не понимаю, почему. Я даже не чувствую ваших желаний. Какие мужчины вам нравятся? Высокие? Худые? Полные? Какого цвета глаза вы предпочитаете у партнеров?

— Так это для такого рода перевоплощений вам необходима прана?

— Не только. Но в основном — да. Чтобы угодить партнеру, мы должны чувствовать

его, должны понимать, что доставляет удовольствие... У нас это на уровне инстинктов. Но с вами почему-то все по-другому. Совсем.

Анна усмехнулась:

— Значит, раньше тебе не отказывали?

— Люди — нет.

— А... женщины твоего мира? Их вроде суккубами называют?

— Суккубы, да — Эйр кивнул. — Я рораг. Зачать ребенка от личного телохранителя короля — честь. Но пока это никому не удавалось.

— Ох ты ж... — Анна растерялась, что правильнее: рассмеяться, или пожалеть несчастного. — Бесплодие?

— Нет, — Эйр оставался серьезным. — Рораги не имеют семьи. И не спят с женщинами иначе, как по личному повелению короля.

— Ох ты ж... — только и смогла повторить Анна. — Все настолько... запущено?

— Король для рорага — повелитель и Бог, — Эйр вытянул руку. — Вот знак моего служения.

Загорелое запястье черной полосой обнимал браслет. Анна наклонилась, чтобы рассмотреть получше. На сверкающем фоне иссиня-черной рубки вился затейливый узор из белого бисера.

— Ненадежное украшение. Достаточно порваться нитки...

— Нет. Это не вышивка, — улыбнулся Эйр и повернул полоску.

Бисер оказался ввязан в полотно. Порвать такой было непросто.

Но увести Анну с интересующей её темы мужчина не смог:

— Тогда зачем прана тебе? Если вам детей иметь нежелательно?

— Переход в боевую ипостась труден. Прана облегчает этот процесс и делает нас почти неуязвимыми.

— Любопытно...

Анна потянулась за кружкой.

Эйр не упустил этого движения. А еще он знал, что чай закончился.

— Я заварю. Четыре ложки сахара?

— Мысли читаешь?

— В данном случае — увидел, — инкуб скрылся в кухне.

Послышался звук льющейся воды, зашумел чайник. Анна лихорадочно соображала, что делать.

Телефон в коридоре, дверь приоткрыта. Эйр увидит, если выйти из комнаты. А сотовый... Куда он мог его спрятать?

Времени решить не хватило. Инкуб вернулся, неся дымящуюся чашку и тарелочку с печеньем.

— А может, пообедаем уже? — спросила Анна первое, что пришло в голову.

— Как пожелает Наири, — склонил голову Эйр и снова скрылся в кухне.

Анна заметалась. Кинуть записку в форточку? Или распахнуть окно и закричать? Второе опасно, кто знает, как отреагирует этот псих...

— Наири, что-то случилось? — появился в дверях Эйр.

— Уф, напугал, — пробормотала Анна. — Чего крадешься?

Мужчина удивленно посмотрел, но все-таки ответил:

— Одно из имен рорага — Тень. Наше присутствие не должно отвлекать Короля или

Наири от повседневных забот.

— Что-то ты плохо справляешься, — на миг самообладание изменило Анне и она нарушила все правила поведения с больным.

На лицо Эйра набежала тень, но он тут же справился:

— Прошу прощения. Я постараюсь стать еще незаметнее.

Анна хмыкнула — в квартире с двумя крохотными комнатами это было сложно.

— Наири, — вновь привлек её внимание Эйр. — Прошу прощения, но я пока не знаком ваших вкусов... А в холодильнике нет ничего вас достойного...

— Там есть суп. С микроволновкой обращаться умеешь?

Вместо ответа мужчина кивнул, и вскоре из кухни донеслось гроыхание посуды.

Почему-то Анна испугалась, что он перебьет ей все тарелки. А они еще от мамы остались, любимые! Особенно та, с рисунком на дне и зазубринкой на краешке. Ребенком Анна съедала всю кашу, лишь бы увидеть божью коровку, спрятавшуюся под клубничный листок. И теперь предпочитала именно её, чтобы хоть на несколько минут вернуться в детство.

Но обед Эйр подал в другой тарелке. Белоснежной, с золотой каймой по краю. Когда-то она входила в роскошный сервиз, который подарили на свадьбу. Но при разводе он пал смертью храбрых. Осталась только эта тарелка. Анна её терпеть не могла, но почему-то не выкидывала. И теперь с горькой усмешкой смотрела, как Эйр хлопчет возле журнального столика, накрывая обед.

— Я обычно на кухне ем. Там стол удобнее.

Мужчина замер... Потом как ни в чем не бывало, продолжил занятие:

— Кухня — не место для Наири. Прошу!

Белое вафельное полотенце вместо скатерти. Злосчастная тарелка с куриной лапшой. В блюдечке — несколько кусочков аккуратно нарезанного хлеба. Ложка. стакан с водой.

— А вы есть не хотите?

— Не беспокойтесь, Наири. Я поел, пока вы спали.

Утром, значит. А уже обед. Анна пожала плечами: хочет голодать — его проблемы. Она не собирается заботиться о сумасшедших, которых из дома не выгонишь. Из чужого дома!

После обеда Эйр подал чай. Анна, прихватив кружку, вышла на кухню, не обращая внимания на пытавшегося остановить её мужчину:

— Чай не лезет уже. Я кофе хочу!

Он внимательно смотрел, как Анна насыпает в чашку две ложки коричневого порошка, добавляет сахар и сливки. А потом поднял банку и вдохнул бодрящий аромат.

— Нравится? — Анна с интересом наблюдала за выражением его лица. — Мне его подруга из Японии присылает. Здесь такого не достать. Хотите?

— Благодарю, не стоит, — отказался Эйр.

Анна сделала глоток и блаженно зажмурилась. Она могла питаться полуфабрикатами, одеваться с распродаж, но кофе... Кофе был её слабостью. В шкафу хранились несколько мельниц, джезвы, ситечки и фильтры. А если приходилось пить растворимый, то предпочитала она именно этот, заморский сорт.

От прикосновения прохладной руки Анна вздрогнула.

— Простите, — отступил Эйр. — Кажется, у вас температура поднимается. Лучше вернуться в кровать.

Анна вздохнула. Спорить с сумасшедшим — чревато. Но и мысли о кровати лезли в

голову не самые радужные. Тут у здорового не знаешь, что в голове, а у больного... А вдруг либидо повышено? Инкубом себя называет...

Один взгляд в черные глаза погасил сомнения. Что в кресле, что в кровати, она была в полной власти своего нежеланного гостя.

Анна улеглась с твердым намерением не спать. Эйр прикрыл её одеялом и замер у двери.

— А вы... не выйдете?

Ответом стал удивленный взгляд:

— Рораг не может оставить того, ком служит, ни на минуту.

— Значит, вы служите мне? — обрадовалась Анна поймать неуступчивого мужчину в ловушку.

— Пока вы не приняли титул и не обзавелись собственными телохранителями, за вашу безопасность отвечаю я.

Анна молча выругалась. Выкрутился, гад.

Он так и остался стоять у двери. Ноги на ширине плеч, руки — за спиной. И словно не чувствовал пристального взгляда Анны, которая рассматривала его, отбросив в сторону церемонии. Единственное, старался не встречаться с ней взглядом.

Анне тоже вскоре надоело это развлечение. В комнате, несмотря на солнечный день, царил полумрак — мужчина закрыл жалюзи, а стены спальни хозяйка давным-давно оклеила темно-фиолетовыми обоями. Любовь к темноте во время сна сыграла в этот раз злую шутку — Анну начало клонить в сон. Сопротивляясь, она резко села.

— Что-то не так, Наир? — тут же забеспокоился Эйр.

— Одеяло. Оно слишком теплое.

— Вас знобило, и я решил...

— Верните, пожалуйста, покрывало.

Мужчина немедленно выполнил просьбу. Забрал теплое одеяло и бережно укутал Анну пледом. Она поежилась, когда он случайно провел рукой по её щеке и попыталась отстраниться. Он, заметив неприязнь, тут же отступил обратно к дверям. И снова превратился в статую.

Долго лежать без дела у Анны не получилось. Болезнь еще не отступила, отреагировав на стресс подъемом температуры. В голове загудело и Анне пришлось повертеться, чтобы устроиться поудобнее. Боль приутихла, но её тут же сменила дрема, и Анна, как в пропасть, провалилась в сон.

Теплое дыхание, коснувшись щеки, заставило открыть глаза.

Темнота. Ночь? Анна встревожилась — проспять весь остаток дня! Который час! И почему так тихо? Даже вечный шум автомобилей не слышен...

Дуновение скользнуло по щеке, коснулось шеи... Анна вскинула руку, почесать зудящее место. И машинально оттолкнуть нахала. Но рука наткнулась на пустоту. Рядом никого не было.

Крик рванул из груди и замер на губах — Анна не смогла произнести ни звука. И пошевелиться — то движение рукой оказалось единственным. В панике она попыталась отползти, но вжаться в матрас еще сильнее оказалось невозможным.

А некто невидимый продолжал ласкать тело. Его дыхание добралось до груди, задержалось и... Анна похолодела, когда вдруг поняла — исчезло не только покрывало, но и ночная сорочка, и трусики... Прохладный поток воздуха овеял сосок. Миг, другой, и его что-то коснулось — нежно, легко, подобно крылу бабочки.

Анна застонала в ответ. Чужие прикосновения были пыткой. А невидимый исследователь не останавливался. Уделив внимание одной груди, он бережно приласкал вторую. Снова повторилось и прохладное дуновение, и касание...

Наигравшись, дыхание сместилось ниже, скользнуло по напрягшемуся телу и добралось до живота. Мышцы свело судорогой. Исследователю это словно понравилось — что-то едва уловимое, ласковое заскользило по коже. Дыхание становилось то теплым, как знойный полдень, когда мечтаешь о малейшем движении воздуха, то прохладным, как напоенный запахом талого снега весенний ветер.

Анна билась в путах, которых не чувствовала. А пытка продолжалась. К дыханию и затейливому танцу языка добавилось невесомое, на грани ощущений, прикосновения пальцев. Они двигались по телу, не касаясь, так что Анна ощущала только тепло невидимых рук, от которого на коже рождались мурашки. Грудь, ключицы, плечи... Пока пальцы ласкали тело, язык скользнул ниже. Анна что было сил сжала ноги, не пуская, застонала и...

— Наири! Наири! Что с вами?

Эйр мужественно принял удар в грудь, но рук не отнял. Анна задохнулась и огляделась, приходя в себя.

Она сидела на кровати, а мужчина крепко держал её за плечи, не давая упасть. Сквозь щели неплотно закрытых жалюзи пробивался закат, а вместе с ним в комнату проникали привычные уличные звуки — гул машин, детские голоса...

— Все... в порядке...

Эйр тут же отстранился. И, следуя за взглядом Анны, поднял жалюзи.

Золотистый свет ворвался в комнату, прогоняя остатки морока.

— Не спи на закате — чертей разбудишь, — усмехнулась Анна, откидывая покрывало.

— Простите? — не понял Эйр, но Анна не обратила внимания — её ночнушка пропиталась потом, да так, что отжать можно было.

Зато исчез озноб.

— А вот и разгадка, — пробормотала Анна.

Видимо, жар принес кошмары, а разговоры о демонах страсти направили их в определенное русло.

— Вы куда, Наири?

— В ванну.

Эйр тут же накинул поверх влажной ночной рубашки халат. И открыл дверь в санузел.

— Сами-то выйдите.

— Наири, вам нехорошо. Если вдруг...

— "Если вдруг"- вы услышите, — парировала Анна, задвигая щеколду.

Горячая вода обожгла тело. Но еще сильнее горела кожа от жесткой мочалки, которой Анна безжалостно себя терла. Она старалась смыть следы чужих прикосновений, словно они въелись в тело, уродуя его жгучими клеймами. Судороги отвращения невидимый наглец принял за дрожь желания, а рвотные позывы — за дыхание страсти. Анну это не удивило, жизненный опыт подсказывал, что так бывает всегда.

Дрожь постепенно сдавалось, брезгливость смывалась мылом и водой. И из ванной Анна вышла почти успокоившись.

— С вами все хорошо, Наири? — в голосе Эйра слышалось участие.

— Нет, — зло отрезала Анна и отшатнулась от протянутой руки. — Запомните, господин инкуб, или как-вы-там-себя-называете: больше всего на свете я ненавижу, когда ко мне прикасаются без разрешения.

— Вам снился кошмар, — констатировал Эйр, но руку убрал.

— Да, — вздохнула Анна. — Невидимый любовник пытался доставить мне удовольствие. Это было отвратительно!

— Вам не понравилось? — вздернул бровь Эйр.

— Абсолютно. Чужие руки на плечах, животе, ногах... брррр — Анну передернуло. — Одно хорошо — кажется, я выздоровела. Видимо, это болезнь так уходила. Эй, что с вами?

Мужчина опустил на одно колено, склонив голову:

— Я должен просить прощения, Наири. Мне было неизвестно, что вы не переносите, когда вас касаются незнакомцы, но это неважно. Я приму любое наказание, кроме смерти — над жизнью рорага королевского дома властен только государь.

Анна опешила. Мужчина слишком вжился в роль, совсем ушел в свой вымышленный мир. Запахнувшись в халат она тяжело опустилась в кресло. Отступившая простуда и разыгравшиеся нервы разбудили голод. И, глядя на Эйра, Анна поинтересовалась:

— Может, поужинаем? Поздно уже, а завтра на сутки...

— Куда? — не понял Эйр.

— На работу, — Анна выжидательно посмотрела в глаза собеседника.

— Зачем? — удивился тот. — Наири, в этом нет смысла. Пройдет немного времени, и вы отправитесь в мой мир.

— Ну, во-первых, никуда я не отправлюсь, мне и здесь хорошо. Во-вторых, нельзя вот так просто взять, и прогулять работу. Да и смысла нет. У меня отпуск через две смены!

Эйр внимательно оглядел её сверху вниз. От выражения его глаз могло растаять мороженое, но Анна осталась равнодушной.

— Нет, Наири. Это опасно. И времени на подготовку у нас мало — близится холодный сезон.

Анна уже рот открыла, но тут же прикусила язычок. Лучше прогулять смену, чем стать героиней криминальной хроники.

Но первую часть предложения мужчина принял как просьбу:

— Наири, что вы хотите на ужин? Я приготовлю.

Анна, потеряв на миг контроль над собой, пробурчала:

— Утку по — пекински и фуагра.

Брови Эйра изогнулись, но он тут же взял себя в руки.

— Приготовление сложных блюд требует времени и опыта. Я больше воин, чем повар.

— Ладно, забудь. Там в морозилке есть пельмени. Их-то сварить сможешь?

Он умел. Но приготовил по-своему. Отварил на пару, пристроив над кастрюлей смазанный маслом дуршлаг. Из найденных в холодильнике овощей и зелени соорудил то ли салат, то ли приправу. Анна не сдержала завистливого вздоха: кулинаром она была еще тем.

— Дашь рецепт? — спросила она, не сводя опасливого взгляда с мужчины.

Но тот отнесся к панибратству, как к должному. Куда больше его заботил апельсин, который он чистил.

Анна зачихнула в рот последний кусочек оранжевого фрукта и велела сама себе:

— А теперь — спать.

Эйр не спорил. Но в комнату вошел вместе с ней.

— Эй! Это моя спальня! — в который раз возмутилась Анна.

— Ваша, — согласился мужчина.

Он ловко расправил простыню, взбил подушки и откинул одеяло, приглашая прилечь. Потом опустил жалюзи, поклонился и... вышел. Анна перевела дух, стараясь, чтобы мужчина не услышал. И рискнула:

— Дверь закрой!

Эйр молча задернул штору в дверном проеме. И только. Анна не знала, как воспринимать подобное поведение. То, что Эйр так легко вышел из комнаты, радовало. Но эта история... Инкубы, мир демонов, сделка... То, что проспала весь день, Анну радовало — захватчик вряд ли выдержит без сна. А значит, появился шанс.

Лежать без движения оказалось трудно. Отяжелевшие веки поддались дреме, и Анне пришлось до синяка ущипнуть себя за руку. Больно. Зато спать расхотелось.

В коридоре царил тишина. Анна осторожно выбралась из-под одеяла и босиком прокралась к двери. Сквозь щели пробивался свет — горело маленькое бра на стене. Свою квартиру Анна знала отлично, темнота была союзником, но в двух крохотных комнатах тяжело затеряться. А этот псих мог и поперек двери лечь.

Мысль оказалась верной. Только Эйр не спал. Он замер, вытянувшись в струнку, словно по стойке «смирно». Увидел Анну, спокойно спросил:

— Что-то случилось?

— Ничего. Пить хочу.

— Я принесу.

Выругавшись про себя, Анна вернулась в спальню. Через несколько минут Эйр возник рядом с кроватью, придвинул стул и поставил на него кувшин с водой:

— Так вам будет удобнее.

Желания поблагодарить не было. Анна отвернулась к стене, слушая удаляющиеся шаги.

Позже она попыталась еще раз. Эйр, словно статуя, стоял на том же месте, и тенью последовал за ней.

— Надеюсь, в туалет следом не пойдешь?

Он пожал плечами, останавливаясь перед закрытой дверью.

Утро выдалось тяжелым. Анна проснулась от назойливого треньканья телефона. Специально поставила противную мелодию, чтобы легче проснуться. Хорошо, что уже пора — ночью мучили кошмары.

Но, открыв глаза, она поняла: ужас не приснился. Эйр стоял рядом с кроватью, протягивая вопящий телефон:

— Наири, мы же вчера обо всем договорились!

— Разумеется. А теперь выйди, пожалуйста. Я все еще стесняюсь.

Эйр, поняв, что она не отступится, отправился в кухню. Пока Анна принимала душ, успел приготовить легкий завтрак и сварить кофе. Но, едва Анна отодвинула опустевшую тарелку, снова вернулся к разговору:

— Вам незачем куда-то идти. Я сделаю все, что Наири пожелает — куплю, принесу, приготовлю. — Похоже мысль, что божество может работать, приводила его в ужас, бедолага чуть не плакал. — Пожалуйста, останьтесь дома.

Анну насторожило это "пожалуйста", и она осторожно, как грибник, идущий по болоту, попыталась прощупать почву:

— Именно вчера я сказала, что мне осталось всего две смены. И их нельзя прогулять — я врач "Скорой помощи". Знаешь, сколько людей ждут моей помощи?

Неожиданно это подействовало. Эйр с легким поклоном отступил, уходя с дороги.

Анна заполировала еду горстью таблеток и пошла переодеваться.

Эйр ждал у порога. Удобные рабочие туфли аккуратно стояли у банкетки в коридоре. Как только Анна присела, Эйр опустил на колени и ловко переобул её.

— Что ты делаешь? Снова играешь в соблазнителя?

Он удивленно посмотрел снизу вверх:

— Нет. Просто выполняю свои обязанности.

— Я думала, рораги телохранители, а не горничные... — хмыкнула Анна. — Все, опаздываю.

Она подхватила сумку и сбежала по лестнице. Что ответил Эйр, уже не слышала.

Смена началась обычно. Первый вызов — мужчина с головной болью. Бригада порадовалась — хорошая примета. Удача решила улыбаться дальше — даже лифт работал!

Фельдшер улыбалась:

— Люблю с вами ездить. Легко.

— Не сглазь, Мария! — Анна шутливо погрозила пальцем и забралась в машину.

— Анна Сергеевна, — Маша открыла окошко между салоном и кабиной. — А почему вы врачом стали?

— Интересно было, как человеческий организм устроен, — тут Анна вспомнила Эйра и вздохнула. — Но, кажется, не ту специализацию выбрала.

— Что?

— На психиатра надо было учиться, а не на терапевта, — Анна потянулась к рации. — Семьдесят вторая — свободна.

Трубка ожила. Анна быстро записывала вызов. Мужчина. Травма головы. Пострадавший находился в "зеленой зоне", небольшом лесном массиве, разделяющем районы города.

— Далек, — водитель повернул ключ в замке зажигания. — Есть какие приметы?

— Говорят, нас встретят.

Взвыла сирена, замигали красно-синие огни — травма головы считалась серьезным поводом для спешки.

В парке, больше напоминающем лес, покружили по дорожкам, пока не увидели встречающего. Мужчина стоял на обочине и махал руками. Он заскочил в салон и взволнованно затараторил о друге, который упал и ударился головой.

— Тише! — Анна привычно взяла ситуацию под контроль. — Куда ехать?

Мужчина угомонился и указал направление.

Водитель пытался удержать машину в колее грунтовок.

— Ну, вы и забрались. Спортсмены, что ли? Или отдыхали?

— Бегали по пересеченке, — сопровождающий кивнул, не отводя напряженного взгляда от дороги. За очередным поворотом, на обочине, лежал пострадавший. Рядом, пытаясь остановить текущую из разбитого виска кровь, суетился его друг.

Анна Сергеевна наклонилась над раненым. Фельдшер раскрыла укладку, вытащила перекись и стерильные салфетки.

— Ничего страшного, — Анна обработала рану. — Но пару швов наложить нужно. Поедем в травмпункт?

— Разумеется, — пациент кивнул и с помощью друзей забрался в салон.

— С ним кто-нибудь едет? — фельдшер вопросительно посмотрела на мужчин.

— А обоим можно? — товарищи явно волновались, что им запретят.

Ложиться на носилки раненый отказался, занял место в кресле.

— Голова кружится? — встревожилась фельдшер. — Глаза откройте! И разговаривайте.

— Хорошо, хорошо... — пациент растянул губы в улыбке, показывая влажную белизну клыков, слишком длинных для человека.

Анна не поняла, что случилось. На очередном повороте машину занесло, водитель выругался, пытаясь удержать её в колее, но внутри салона громыхнуло, и сильный удар кинул Анну вперед, сквозь лобовое стекло. Как в замедленной съемке увидела она обрывки ремня безопасности, который, прежде чем лопнуть, раскромсал тело до кости. Боли не было, лишь испуг и недоумение. Край сознания выхватил куски картины: раскуроченная "Газель" с алым крестом на боку, водитель, лежащий чуть в стороне, и груды окровавленных тряпок — фельдшер. А над всем этим сцепились в жуткой схватке чудовища. Крылья, когти, хвосты сплелись в яростный клубок, словно ветер, лед, огонь и вода сошлись в бою. Они не обращали внимания на людей, и Анна попыталась добраться до фельдшера, проверить, жива ли. Но голова закружилась, желудок скрутило, и все его содержимое оказалось на окровавленной земле. А еще через минуту тело словно онемело, и темнота поглотила окружающее.

Шорохи и знакомый шум пробился в сознание. Анна с трудом разлепила веки. Белое поле потолка. Попыталась повернуть голову — шею словно раскаленным прутром пронзили. Скосила глаза и тут же закрыла — окружающие предметы завертелись в дикой пляске. Но Анна успела заметить ровные квадратики белого и противного водянисто-голубого цвета. Кафель. Тело неприятно сковало, и глотать было трудно. Анна еще раз скосила глаза, переждала приступ тошноты и узнала интубационную трубку. Значит, реанимация. В кои-то веки вытянула счастливый билет. Живая. И все же, что случилось? Авария? Вспомнилась окровавленная, истерзанная Мария. Выжила ли? И водитель...

Мысли были утомительными, словно марафонская дистанция. Спать. Не дали — медсестры заметили изменение в показателях приборов и игру глаз. Вокруг забегали люди. Анестезиолог осторожно извлек трубку, вызвав кашель. Но откашляться не получилось, не хватило сил.

Врач, лицо которого скрывалось за голубой маской, задавал какие-то вопросы. Анна только моргала в ответ и хрипела, заходясь кашлем. А так хотелось отвязаться ото всех и спать. Закрывать глаза, отсечь это мельтешение... Но в покое её не оставили. В руки воткнулись иглы, лечебные растворы побежали по венам, разбавляя кровотоки.

И только убедившись, что Анна в полном сознании и не собирается снова проваливаться в небытие, ей позволили отдохнуть. Отсутствие информации оказалось тяжелее, чем неподвижность. Поцарапанное трубкой горло болело, мешая даже дышать. А санитаркам и медсестрам болтать было некогда — в реанимации не хватало персонала, уследить бы за всеми. Но они изо всех сил поддерживали больных, то и дело слышалось воркование:

— Вот так, хорошо. Молодец. А теперь укольчик... ручки давай сюда переложим...

Анну это раздражало, она и в детстве не выносила сюсюканья. Но терпела — у всех свои методы.

Горло заживало, и настал день, когда Анна смогла прохрипеть, сама испугавшись сиплым звуком:

— Что с остальными?

Санитарка обрадовалась:

— Ну, вот мы и заговорили. Вот и хорошо! Значит, поправляемся...

— Что...

— Тсс. Тише. Не разговаривайте. А то станет хуже, что я вашему жениху скажу?

— Жен...

Анна растерялась. Слова санитарки подействовали подобно рауш-наркозу. После неудачного замужества Анна избегала серьезных отношений, и при попытке найти ей «вторую половинку» приходила в ярость. Даже с некоторыми подругами разругалась, которые не смогли выносить её одиночество.

После пяти лет полной зависимости от мужа Анне нравился её образ жизни. Свободная, самодостаточная. Не связанная обязательствами... И вдруг — жених!

— Он у вас заботливый. Почти живет под дверью. Все интересуется, может, лекарства какие нужны... Переживает. Ну, ничего, вас скоро в палату переведут, там и увидите.

Известие, что она покинет реанимацию, на мгновение заставило забыть о "женихе":

— Когда? А вот врач после обхода скажет. Ну, отдохайте! — санитарка подошла к следующему больному.

Решение о переводе в общее отделение травматологии обрадовало. Но одноместная палата с телевизором, холодильником, ортопедической кроватью и отдельным санузелом удивила:

— У меня денег таких нет! — Анна пыталась протестовать, понимая, что подобная роскошь сожрет все её сбережения.

— Все оплачено уже.

Устроив VIP — пациентку, медсестра и санитарка ушли.

Анна огляделась. Палата маленькая, но комфортная. Стены приятного персикового цвета. Белые жалюзи. На стене у изголовья — кнопка экстренного вызова.

Оставалось только гадать, кто такой заботливый. Не тот же сумасшедший?

Дверь слегка приоткрылась. В щель несмело протиснулся мужчина в накинутах на плечи халате.

— Эйр?

— Да, Наири.

Выглядел он плохо. Осунулся, побледнел. Под глубоко запавшими глазами — синяки. Но Анна забыла о жалости:

— Как это понимать?

— Вы о чем? — устало спросил мужчина.

— О палате.

— А что? — Эйр огляделся и решил, что Анна недовольна помещением. — Да, комната маленькая. Но тут есть все необходимое. Просто... более достойных покоев не оказалось.

— Я знаю, какие в этой больнице палаты, практику здесь проходила. Лучше скажи — ты миллионер?

— Так вы о деньгах! — Эйр расслабился. — Не думайте об этом. Ваш комфорт — моя забота.

— С какой стати? Я просила? — кричать Анна не могла, но хрипела так, что Эйр побледнел. — Запомни, ты, псих: я никогда и ни у кого не беру денег! Поэтому иди и скажи там, что в одноместной палате надобности больше нет, меня вполне устроит общая. Понял?

— Наири...

Эйру не понравился подобный настрой, но Анна и не подумала снизить напор:

— И еще. Что ты там про жениха наплел?

Эйр опустил взгляд:

— Простите, Наири. Подобное поведение неприемлемо. Но в больницу не пускают чужаков.

— И правильно делают!

Анне не хотелось выслушивать объяснения даже при том, что Эйр был прав. Она закрыла глаза и притворилась спящей.

Эйр постоял некоторое время, прислушиваясь к её дыханию, осторожно, стараясь не шуметь, переставил стул к двери и уселся верхом, облокотившись на спинку локтями.

Он никак не мог понять, что делает неправильно. Почему не получается убедить простого человека? А может, все дело в том, что она как раз не простая?

Эйр еще раз всмотрелся в лицо.

Суховатая кожа, покрытая мелкими мимическими морщинками. Между бровей залегла глубокая складка, словно даже во сне Анна думала о чем-то горьком.

Короткие волосы разметались по подушке. Эйр долго не давал определение их цвету — на темно-русом фоне то тут, то там виднелись рыжеватые, словно полинявшие пряди. Со стороны Анна казалась пегой. Пушистые, посеченные кончики волос были видны даже с того расстояния, что разделяло женщину и инкуба.

Эйр прикрыл глаза, сосредотачиваясь на ощущениях. Он так и не понял, что произошло — в этом мире, пропитанном праной, его умение соблазнять должно было сшибать с ног как

мужчин, так и женщин. Но на Анну оно совсем не действовало. Мало того, он даже желаний её не ощущал! То, что считалось невозможным, превратилось в реальность.

Эйр снова посмотрел на ту, что несла на себе печать Праматери Лилит. Лицо осталось бесстрастным, но душу сдавило ледяными оковами: прямо перед ним спал самый страшный кошмар инкубов.

Анна долго лежала, прислушиваясь к звукам вокруг. Но ничего не происходило, только дыхание мужчины мерно нарушало тишину палаты. Наконец, усталость и сон победили — Анна заснула по-настоящему.

Дни потянулись бесконечной чередой. Эйр так и не договорился о переводе в общую палату. Она ругалась, а он просто отмалчивался. День и ночь он проводил на стуле, в полной неподвижности, оживая, когда санитарки приходили умыться и переодеть Анну. Ей пришлось несколько раз закатить истерику. Сгорая от стыда перед медперсоналом, Анна кричала, ругалась и пыталась швырнуть в мужчину подушкой. Но только сообразив, что такое поведение может замедлить выздоровление, Эйр стал выходить ненадолго.

Монотонность больничного распорядка разбавляли визиты следователей — они пытались понять, что случилось, в какую аварию попала "Скорая". Но Анна почти ничего не помнила:

— Машину тряхнуло, словно взорвалось внутри... И все.

В результате пришли к выводу, что от удара в салоне взорвался плохо закрепленный баллон с кислородом. Фельдшер, находящаяся в эпицентре, погибла, а вот врачу и водителю повезло.

Травмы водителя оказались не очень серьезными, он зашел навестить её перед выпиской. Они долго сидели молча, потом поговорили о чем-то незначительном и расстались. Ни он, ни она не смогли заговорить на болезненную тему. А Анна еще и боялась проболтаться о результате бреда — чудовищах, что вырвались из искореженного нутра машины.

В итоге она окончательно решила, что в отпуске займется своим здоровьем. После пережитого потрясения нужен отдых, пахота сутки через сутки выматывает. Аж до галлюцинаций.

Бинты постепенно снимали, вскоре остался только корсет, поддерживающий шею. И врач сообщил, что переводит Анну на амбулаторное лечение. Впереди маячил длинный больничный, а после — неиспользованный отпуск. Времени отоспаться и подлечить нервы вполне хватало.

Забирал Анну Эйр. За эти дни она перестала его бояться. Фантазии на тему мир инкубов стали казаться милой выдумкой по сравнению с тем, что привиделось ей самой. Но все же Анна понимала — обострение психического заболевания может привести к катастрофе.

— Эйр? — глядя, как мужчина ловко складывает её вещи в спортивную сумку, Эра решилась.

— Да, Наири? — он тут же оставил свое занятие и подошел к кровати.

— Эйр, ты... извини, но ты не мог бы поговорить с одним моим знакомым врачом.

— Что-то случилось? Вам хуже? — он встревожился. Рука метнулась к кнопке экстренного вызова.

Анна перехватила его за запястье. Привычно отметила состояние голубых тяжей под кожей — вены хорошие, без изменений. Что на локтевом сгибе, что на запястье... Мысль

запнулась — рука казалась слишком изящной для мужчины. Красивой формы пальцы с безупречным маникюром, тонкие, хорошо очерченные мышцы... С него бы скульптуру лепить — пронеслось в голове. И мысли вернулись в нужное русло:

— Нет, Эйр, со мной все хорошо. Просто... — ну как ему сказать? — Ладно, забудь. Давай сперва до дома доберемся.

В машине Анна задумалась. Демоны из посттравматического бреда не давали покоя. Похоже, психиатр нужен не только Эйру. Она достала телефон и набрала номер бывшего однокурсника.

— Привет. Это Аня. Да. Узнал? Нет, извини, не могу. Я по делу звоню. Ты можешь проконсультировать? Ой, ничего страшного, но кое-что беспокоит. Согласна, не телефонный разговор. Хорошо, спасибо. Пока.

Анна нажала кнопку и посмотрела в окно.

— Мы куда едем?

— За город, Наири. Врач сказал, вам нужен отдых.

Анна насторожилась и выругалась про себя: совсем расслабилась. Знает же, что этому типу нельзя доверять. И что с того, что он ведет себя безупречно?

— Я и дома отдохну. Поворачивайте!

Но водитель словно оглох. Машина промчалась по дороге, мимо стройного ряда берез, и повернула направо. В окне замелькали деревенские дома. Разные: сколоченные из фанеры дачи, основательные срубы и роскошные особняки. Наконец, такси миновало шлагбаум въехало в распахнувшиеся ворота большого коттеджа.

Эйр открыл дверь и протянул Анне руку, приглашая выйти. Водитель обошел машину, достал из багажника сумки, сгрузил у крыльца и повернулся к пассажирам. Выражение его лица было странным. Ноздри трепетали, и взгляд карих глаз ловил каждое движение Эйра. Грудь вздымалась, словно мужчина своими руками толкал машину от больницы.

Эйр не обращал на его состояние никакого внимания. Он замер, ожидая, когда подопечная возьмет протянутую ладонь. И Анна сдалась — шансов справиться с двумя мужчинами у неё не было. А если подчиниться, могут и не тронуть. За эти дни она поверила, что Эйр жесткий, а вот жестокости в нем нет.

Анна выставила ногу из салона. Эйр тут же протянул свободную руку к её голове. Анна отшатнулась, и только потом поняла, что так он оберегает её от случайного удара о крышу машины.

— По-твоему, я совсем дура, и без травм выйти не сумею?

— Простите, Наири.

Эйр отступил на шаг и расплатился с водителем. Тот нехотя сел в машину и, не сводя глаз с Эйра, выехал за ворота.

— Странный какой-то.

— Не обращайтесь внимания, Наири. Прошу!

Жестом Эйр пригласил Анну в дом и, подхватив по пути сумки, пошел следом, принаравливая свой размашистый шаг к её неторопливой походке.

Дорожка из красноватых плит в обрамлении широких листьев ландыша раздваивалась. Одна часть вела к высоким стриженным кустам, вторая — к дому. Эйр ненавязчиво указал на крыльцо. Анна, проклиная себя за глупость, подчинилась. Если в квартире еще можно было кричать, стучать по батарее, вышибить окно, наконец, то в этом одиноком коттедже...

Застекленная дверь открылась. Появилась немолодая женщина в строгом платье и

фартуке. Анна чуть не рассмеялась от облегчения и с любопытством посмотрела на предполагаемую союзницу. Короткие волосы аккуратно уложены, на лице — едва заметный макияж. Анна поежилась — типаж «старая дама», блюститель порядка и морали. Но именно пуританский вид заставил Анну поверить, что она в безопасности. Под строгим оком дуэньи Эйр вряд ли позволит себе лишнего.

— Добрый день. Вы совсем приехали, или ненадолго? Обед готовить?

Дама обращалась непосредственно к Эйру. По гостье её взгляд скользнул, как по муравью, заползшему в кухню. И, похоже, только безукоризненное владение собой заставило её удержаться от брезгливой гримасы.

Но Анне было все равно, как к ней относятся. Внутренне она ликовала: в доме есть еще женщины!

Эйр вопросы проигнорировал, обратившись сперва к Анне:

— Это Инна Петровна. Она экономка в этом доме. Если что-то будет нужно, обращайтесь прямо к ней, Наири.

— А она тоже...

— Нет, Инна Петровна — человек, — пояснив очевидную на его взгляд вещь, Эйр повернулся к даме: — Инна Петровна, мы надолго. Комнаты готовы? И будьте добры — позаботьтесь о вкусах госпожи, когда будете подавать обед.

Поджатые губы без слов говорили, что Инна Петровна думает о "госпоже" и её пожеланиях. Но все же снизошла до вопрошающего взгляда.

— Спасибо. Я ничего не хочу. Только отдохнуть.

Эйр встревожился, захлопотал. Завел Анну в дом, оставил сумки в прихожей и тут же прошел на второй этаж:

— Тут три спальни, Наири. Пожалуйста, выберите ту, что вам понравится.

Анна не стала привередничать — зашла в первую же комнату.

— Располагайтесь. Я сейчас принесу вещи. Все, что найдете в шкафах и на полках — тоже ваше.

— Благодарю.

Анна оглядела туалетный столик, заставленный баночками, коробочками и флакончиками. Фирмы разные, но все очень дорогие. У неё никогда не было такой коллекции, она предпочитала количеству — качество, и не всегда оно означало брендовые марки.

В шкафу нашлись банные халаты и несколько домашних платьев. Их простой вид не смог обмануть Анну — качественные, фирменные вещи выглядели подчеркнуто скромно. Ценники, которые Эйр или Инна Петровна забыли срезать, подтвердили правоту.

— Это на первое время, чуть позже я съезжу за покупками, — словно извиняясь, пробормотал Эйр. — Только поясните, что именно вам нужно.

Потом он принес сумки и велел:

— Не разбирайте сами, Инна Петровна все сделает.

Видеть экономку Анне не хотелось, и как только Эйр вышел, она тут же нарушила приказ. Вещи, пусть и простенькие, были родными и любимыми. Синий ситцевый халатик с цветами жасмина по подолу, застиранное, но такое уютное махровое полотенце. Голубая пластиковая мыльница с рисунком гортензии на крышке...

Анна решила сразу разложить все по местам, и направилась в смежную с комнатой ванную. Открыла дверь и застыла на пороге.

Если спальня была элегантной, то здесь царила роскошь.

Все металлические предметы — словно из состаренного серебра, включая радиатор и ручку окна! Круглая ванна джакузи наполовину утоплена в пол, чуть в стороне — сверкающие чистотой стеклянные перегородки душевой кабины. За мозаичной ширмой скромно прятался унитаз.

Под окном изящно выгнула изголовье кушетка. Рядом с ней, аккуратно опираясь на тонкие ножки, звало присесть стул-кресло. Полочки развешены так, что удобно доставать содержимое.

В таком окружении и пластиковая мыльница, и дешёвая зубная щетка, и порошок в простой круглой баночке казались нищенски — убогими. Но это делало их только роднее и дороже. Ставя вещи на сверкающую полочку над раковиной, Анна поклялась убить того, кто решится выкинуть её имущество из-за несоответствующего вида.

При этом очень хотелось погрузиться в теплую, пузырящуюся воду, смыть с себя запах больницы... Но сил открыть кран и ждать, пока ванна наполнится, не хватало. Поэтому она решила ограничиться душем.

Быстро сходила за махровым халатом и полотенцем, заперла дверь и встала под обжигающие струи. Пар туманной пленкой осел на стекле.

Падающая вода успокаивала. Боль от ушибов отступала, нервное напряжение ослабевало... Ароматная пена из синего пузырька укутала тело, натуральная губка ласкала кожу... Все проблемы вдруг показались такими далекими и несущественными... Они закручивались спиралью, утекая в серебристый слив вместе с мыльной водой. Им на смену приходила приятная легкость...

Грохот сорванной с петель двери вырвал Анну из блаженного состояния. Испугавшись, она вскрикнула и отшатнулась, наткнувшись на рычаг. А потом закричала от боли, когда сверху обрушился поток кипятка. Память услужливо подсунула недавнюю аварию. Ужас вынырнул из глубин подсознания, и Анна уже ничего не понимала, когда Эйр распахнул дверцу душа и выхватил её из-под обжигающих струй.

Анна пришла в себя на широкой кровати. Вдруг поняла, что кричит и вырывается из сильных, но осторожных мужских рук. Вспомнила недавнее и замерла. Через несколько мгновений удерживающие её объятия разомкнулись, и Эйр тревожно заглянул ей в глаза:

— Вы в порядке, Наир?

— Что... произошло?

— Ну... — Эйр отстранился и встал, глядя сверху вниз. — Инна Петровна пришла к вам помочь разобрать вещи. Постучала. Вы не ответили, и она позвала меня. Я стучал, честное слово! А потом выбил дверь.

— Вот как... — Анна покосилась на развороченный проем. — А зачем?

— Испугался, что вам стало плохо.

— Ага. Зато теперь несравненно лучше... Ой!

Анна вдруг заметила, что из одежды на ней — только махровое полотенце, которое впитывало влагу, но совершенно не прикрывало тело.

— Может быть, выйдешь?

Эйр слегка поклонился. И опустил взгляд:

— Извините, вам одной оставаться опасно. Следовало нанять служанку.

— Да уйдешь ты, или нет?

В Эйра полетела подушка. Он не отстранился, стойко приняв удар, а вот Анна

задохнулась от боли — подобные упражнения давались тяжело.

— Где ваш корсет, Наири?

Эйр принес из ванной корсет и, не обращая внимания на возмущение, сам зафиксировал его. Застегивал аккуратно, стараясь не касаться обожженной кожи.

— Это нельзя так оставлять. Но сперва надо перебраться в другую комнату — в этой беспорядок.

Прежде, чем Анна успела возразить, укутал её в простыню и легко подхватил на руки.

Его лицо оказалось совсем рядом. Четко очерченные губы, красивая Линия подбородка. Кожа казалась гладкой-гладкой, словно её никогда не касалась бритва.

Словно почуяв, что Анна смотрит, Эйр повернул голову так, чтобы полностью открыться её взгляду. Но сам наблюдал только за тем, чтобы не сжать руки сильнее, чем надо, не причинить боль. И не ударить женщину о косяк двери.

Вторая спальня ни в чем не уступала первой. Ортопедический матрас мягко спружинил, когда Анна растянулась сверху.

— Я пришлю Инну Петровну, она принесет лекарства. Надеюсь, без меня справитесь?

— К...конечно, — Анна, морщась от боли, натянула простыню под самый подбородок. — Можешь не беспокоиться.

— Это невозможно. К вечеру я найду вам горничную.

Как ни старался Эйр не смотреть, взгляд то и дело натыкался на красные пятна на бледной коже. И уже в который раз почувствовал, как звереет от бессилия. А тут еще эта недонаири со своими претензиями. Смущает он её, видите ли...

Но, едва мысли скользнули в эту сторону, мужчина оборвал их. Как бы не капризничала Анна, она была в своем праве. Все во благо Наири! А вот он — не справился. Этого вообще не должно было произойти.

И, выйдя из комнаты, Эйр включил телефон.

Анне было все равно, какая причина мешает Эру лечить её лично. Только бы убрался!

Но уже через несколько минут она поняла, что это — не худший вариант. Едва он ушел, раздался стук в дверь и в комнату вплыла Инна Петровна.

В одной руке она держала аптечку, в другой — Анину сумку.

— Хозяин велел передать вам лекарства и оказать помощь.

Анна тут же открыла пластиковый ящик с красным крестом и пришла в ужас. Анальгин, «Нурофен» в сиропе, «Но-шпа» и бактерицидный лейкопластырь. Все. Как можно обойтись без противоожогового или противоаллергического? Но в чужом доме свои порядки наводить не стала. Выпила сироп, в надежде, что боль отступит, и вернула коробку экономке.

Та забрала её с видом королевы, вынужденной принимать подношения всякого сброда. Переставила на стул и принялась раскладывать немудреный Анин скарб по местам. При том так поджимала губы, что Анне стало неловко:

— Я сама...

На что тут же получила ледяной ответ:

— Это входит в мои обязанности. И, пожалуйста, оденьтесь к ужину.

Анна поежилась. Натягивать на обожжённое тело что-то, кроме халата, казалось мазохизмом.

— Я... не буду ужинать. Спасибо.

— Хозяин велел приготовить ужин. Вам лучше спуститься.

— Не хочу!

Терпение Анны лопнуло. Та, кого он почти сочла союзницей, нанесла удар в спину. Этот ушат ледяной воды помог вынырнуть из мира иллюзий, а и Анна подняла бунт. А чтобы спрятать враз заблестевшие глаза, отвернулась, с головой накрывшись простыней.

— Я доложу хозяину о том, что у вас пропал аппетит, — и, уже подойдя к двери, задержалась на мгновение:

— Если собираетесь спать, нужно снять покрывало и лечь, как следует. И одеть белье и ночную рубашку.

Проклиная и Эйра, и экономку, и свое невезение, Анна разобрала кровать. Кожу

саднило, но куда болезненнее оказалась рана в душе. В ней клокотала обида и недоумение — на работе Анна находила подход к разным людям. Почему же с Инной Петровной не получается? В надежде, что после отдыха станет лучше соображать, Анна закрыла глаза. Но в дверь постучали: на пороге возникла экономка.

— Хозяин велел подать обед вам в комнату.

Принимая поднос из рук экономки, Анна мысленно добавила в список необходимых лекарств абсорбент. Взгляд на принесенную еду только укрепил во мнении. Но попытки отказаться прервались жестким:

— После больницы нужна здоровая пища. И голодать больным тоже противопоказано!

Анна вздохнула — похоже, в этом доме понятия не имели о том, что полезная еда бывает вкусной. Пододвинула к себе тарелку, вяло перемешала ложкой содержимое.

Настоящий луковый суп готовится с большим количеством сыра, тогда его как-то можно есть. Но тут им даже и не пахло! Зато вареного лука — хоть отбавляй. Укусное выражение лица Инны Петровны служило плохой приправой. А есть пришлось.

Склизкая, безвкусная масса амебой расплзалась на языке, забивалась в горло, вызывая рвотные спазмы. Сжав волю в кулак, Анна съела все. После супа несоленая, пресная курица показалась пищей богов! Благо, кусок оказался небольшим. Ну, а овощное пюре серо-зеленого цвета проглотила, стараясь не смотреть на то, что отправляет в рот.

Все это время Инна Петровна буравила Анну взглядом. Аппетита он не прибавлял, но протест застрял в горле, вместе с пюре.

Как только тарелки опустели, внимание стало чуть менее пристальным. Экономка составила их на поднос и направилась к двери. Её спина при этом выражала крайнее неодобрение.

Побежденная лекарством, боль отступила. От наполненного желудка по телу разливалось тепло. Рвотные позывы ушли, забытые чашкой зеленого чая. Стресс потихоньку отступал, и Анна задремала. Шорох осторожно открываемой двери и тихие шаги заставили её вынырнуть из блаженного состояния, которое наступает на грани сна и яви.

Эйр, стараясь не шуметь, осматривал комнату. Недовольное движение разбуженной Анны заметил сразу:

— Простите, Наири. Я не хотел вас тревожить, но дело срочное.

— Что-то случилось?

— У меня нет инкубов для вашей охраны, а людям я не доверяю. Сам же не могу находиться везде одновременно. И двойников, к сожалению, создавать не умею. Поэтому нужно повесить видеокamеры.

— Камеры? — от возмущения Анна проснулась окончательно. — Ты хочешь поставить камеры в моей спальне?

— Да, Наири. Прошу, не сердитесь. Обещаю — кроме меня никто ничего не увидит.

— Извращенец!

Со злостью кинутая подушка снова достигла цели. Но Анна переоценила силы — боль охватила шею, пробежалась по груди, где еще алели свежие шрамы, ударила в едва сросшиеся ребра.

— Наири!

Эйр не подбежал. Он словно переместился, в секунду оказавшись рядом. Теплые руки обхватили сведенные судорогой плечи, прижали к сильной груди. И только дождавшись, когда боль отступила, Эйр осторожно опустил Анну обратно на подушки.

— Я не извращенец, Наири. Я всего лишь рораг.

— Все. Мне это надоело, Эйр. Я хочу вернуться домой. Немедленно! Дурой я была, что поддалась! Вообще не понимаю, что на меня нашло! Ты, конечно, можешь удерживать меня тут силой, но я найду способ сбежать. Обещаю!

— Наири, успокойтесь. — Эйр взял Анну за руку, отвлекая от истерики. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить вас.

Он сопровождал это обещание легким поцелуем в ладонь. Анну передернуло — показалось, слюнявый язык пробежал по руке, оставляя влажную дорожку. Эйр, словно заметив, тут же выпустил руку. Анна с трудом подавила желание вытереть её о простыню.

После того, как она справилась с волнением, мужчина продолжил:

— Я выполню любое ваше желание. Но вернуть обратно не могу. Пока вы в этом мире, вашим домом будет коттедж. А после...

— В этом мире? В... этом? Ты хочешь сказать, что потом... Что будет потом? Зачем я тебе?

— Я уже говорил вам — мой народ на краю гибели. Мы нуждаемся в новой Наири, и... **НАИРИ!**

Нервы у Анны сдали окончательно. Она забилась в руках Эйра как пойманная птица — о стекло, в надежде пробить его и вырваться на волю, которая кажется такой близкой! Результат был тем же — пташка разбивается о невидимую преграду, а Анна растревожила раны. Но боль не отрезвила. Женщина кричала и что есть силы колотила кулаками Эйра, а он сжимал её плечи, стараясь оградить от особо резких движений, боясь, что едва зажившие раны откроются, и лечение придется начинать сначала.

И не понимал, что он опять сделал не так. Великая Матерь Лилит! Он был терпелив. Он уговаривал, он призвал весь свой опыт рорага, полученный на службе государю и прошлой жрице.

Эта женщина совсем на неё не походила. И не только внешностью — красоте прошлой Наири завидовали даже некоторые суккубы, что бывало очень редко. Высокая, с мягким, приятным взгляду телом, она одним взглядом заставляла падать ниц и молить о пощаде.

Это же человеческое существо, на взгляд Эйра, совершенно не годилось на роль Великой Жрицы, Воплощения Лилит. Слабая, неуверенная в себе... Даже приказ отдать не может. И... боится мужчин. Этого Эйр совершенно не мог понять. Почему? Ведь никто в целом мире не осмелится причинить ей вред. Кроме саритов. Но для этого его сюда и прислали — найти и уберечь до заветного часа возвращения.

Истерика захлебнулась вместе с потоком воды, выплеснутой в лицо. Анна закашляла, пытаясь продышаться, а Эйр резко развернулся, отшвыривая подкравшегося сзади врага.

Стакан, ударившись о стену, с радостным "ДЗИНЬ" разлетелся на множество сверкающих в свете мощных ламп кусочков. А Инна Петровна, вскрикнув, осела в углу.

— Это вы? — Эйр мгновенно успокоился, но от Анны не отошел, держась между ней и домработницей. — Что вы делаете?

— Ох... — Инна Петровна с трудом поднялась. — Истерику успокаиваю, конечно. Лучше всего была бы пара хороших пощечин. Но для экзальтированных дам это очень жестоко, поэтому я выбрала более щадящий вариант — воду. Видите? — она указала на отдышавшуюся Анну. — Помогло! И, хотя вы были невежливы, и сильно меня толкнули, думаю, простого извинения хватит.

Царственный взгляд в сторону Эйра оставил того равнодушным. Но Инну Петровну это

не смутило. Теперь она повернулась к Анне.

— А вам следовало бы соблюдать приличия. Устроили тут истерику! Я понимаю, вы только что из больницы, пребывание там нервы не укрепляет. Но надо же себя в руках держать! Успокаивающие пить! В конце концов, это грубо по отношению к окружающим. Ладно, я — наемный работник, хотя тоже уважения заслуживаю. Но подумали бы о своем мужчине! Он так много работает, ему отдыхать надо. А вы лишаете его драгоценного сна!

— О ком? — вопрос вырвался одновременно и у опешившей Анны, и у Эйра. — О своем мужчине?

Но Инну Петровну было уже не остановить. Буравя Анну взглядом, она продолжала лекцию:

— Если уж вам повезло найти человека, который заботится о вас, исполняет малейшие прихоти, то вы, как минимум, должны считаться с его потребностями! Сидеть тише воды, а не устраивать ежечасные истерики и не привередничать!

— Инна Петровна! — Эйр обрел дар речи. — Вы правы: вы в этом доме только прислуга. Как и я. Мы оба служили госпоже Анне. Но пришло время с вами расстаться. Соберите вещи и подойдите ко мне за расчетом.

Инну Петровну словно в холодную воду окунули. Она несколько минут хватала ртом воздух, а потом разразилась речью:

— Я прожила в семье владельца этого дома большую часть сознательной жизни! Вы не имеете права меня увольнять!

— Почему же? — Эйр серьезно оглядел пожилую женщину с ног до головы. — Я же не заставляю вас покидать семью, в которой столько лет прослужили. Просто уведомляю, что надобность в ваших услугах прошла. Я снял дом без обременения. Наири, — мужчина повернулся к Анне. — Вы же не против?

Анна не слушала. Она смотрела на Инну Петровну. Куда делся уверенный вид! Сейчас экономка была похожа на обиженного щенка. Казалось, в одночасье рухнул весь её мир. И все же она не сдавалась:

— Вы меня не уволите!

— Почему? — в глазах Эйра полыхнуло черное пламя. Но только на краткий миг. Он тут же взял себя в руки.

— Вы внимательно прочитали договор найма? Там очень недвусмысленно написано, что я должна следить за состоянием дома.

— Так я вам и не препятствую. Только предварительно уведомите о визите.

Инна Петровна сникла. Анна же заволновалась. Водитель, готовый на все, теперь домработница со взглядом влюбленного щенка. А может, те демоны над горящей машиной — не галлюцинация? Анна даже головой помотала, вызвав вспышку боли. Но отогнать опасные мысли было важнее — если поверить в этот бред, то можно окончательно скатиться в безумие.

— Эйр?

— Да, Наири? — он тут же забыл об экономке.

— Мне нужно увидеться с одним человеком.

— Невозможно. Простите.

Анна вздохнула. Похоже, все внешние контакты под запретом. Но ведь Эйр был не против её лечения!

— Это врач. Мне просто необходимо с ним проконсультроваться.

— Вам нехорошо?

Эйр встревожился. Вытолкнул из комнаты Инну Петровну, велел немедленно собирать вещи, перенес Анну в кресло и быстро перестелил постель, сменив мокрое белье.

— Ты снова напоминаешь служанку, а не телохранителя.

— Неважно, Наири. Рораг обязан обеспечить не только безопасность, но и комфорт господина.

— Комфорт... В том числе, и моральный? — Анна решила сыграть по правилам Эйра.

— Да, Наири. Вам неудобно?

— Больно. Нет, это не раны, успокойся! Много лет назад я тяжело болела и, боюсь, вылечилась не до конца. Иногда мне нужны консультации моего врача.

Эйр задумался.

— Давайте поговорим о лечении вашей души завтра? Сегодня отдохните. И ни о чем не беспокойтесь — я тут, сразу за дверью.

Анна с трудом сдержалась. Постоянный надзор бесил, и она на самом деле стала бояться возвращения болезни, из которой выкарабкивалась долго и тяжело.

Эйр убедился, что Анна удобно устроена на широченной кровати, настроил кондиционер, поклонился и вышел.

Обиженная Анна закуталась в одеяло и принялась себя жалеть. Захотелось поплакать. Но долго реветь она не умела, ослабленный болезнью организм взбунтовался и Анна заснула.

Разбудили её вкусные запахи. На столике возле кровати стоял поднос, заставленный тарелками. Анна потянулась проверить содержимое.

Большой кусок мяса со специями. Зажаренные в кляре овощи. Непонятные комочки с торчащими хвостиками креветок. Салат. Из чего — на вид определить не удалось, слишком тонко оказались порезаны ингредиенты. Но — вкусный. После садистского обеда Инны Петровны ужин казался даром богов!

Эйр услышал движения за дверью. И вошел без стука. Анну и раньше это задевало, но именно сейчас, расслабившись, он не успела натянуть на себя простыню. И зло поинтересовалась:

— Ты стучаться умеешь?

— Простите?

Недоуменный взгляд тюремщика вывел из себя окончательно:

— Говорю, правила приличия соблюдать не намерен? Прежде, чем войти в спальню к женщине, нужно спросить разрешение. Или хотя бы постучаться!

— Зачем, Наири? Глупо стесняться собственной тени.

Анна посмотрела на темные силуэты, рожденные на стене лампой, и подытожила:

— Не похож.

— Рораг и означает — Тень. Не обращайтесь на меня внимания, занимайтесь своими делами, — Эйр отступил к двери, но не вышел.

Анна вздохнула. Вот как "заниматься своими делами" он не позволял. Но здравый смысл подсказывал, что ей очень повезло, что вспышка гнева осталась без ответа. И перевела разговор в безопасное русло.

— Спасибо за ужин. Кто готовил? Инна Петровна?

— Нет. Эта женщина больше вас не потревожит. Это мой недосмотр — я не учел своего влияния на людей. Слишком редко бываю в вашем мире.

Снова "ваш мир". Но поведение экономки и водителя...

— С Инной Петровной понятно. А... водитель? Он странно себя вел...

— Он тоже. Хотя я ничего не делал. Мужчины мне безразличны. Как и женщины.

Эйр говорил совершенно спокойно, даже равнодушно.

— Да, я помню — королевские телохранители не влюбляются...

— Любовь отвлекает от исполнения долга. Хотя бывают и исключения. Но рораг, нарушая табу, совершает непростительный грех. Мы принадлежим только Королю и Наири.

— А... королеве?

— Зависит от того, мужчина или женщина сидит на троне. Супруг правителя безгранично пользуется нашей преданностью. Но, кажется, я вас утомил. Отдыхайте.

— Да сколько же отдыхать можно? Я проспала, наверное, сутки. Который час?

— Около полуночи. Время ночного сна. Сладких вам сновидений.

И Эйр вышел.

Анна тут же сползла с кровати и последовала за ним. Чуть-чуть приоткрыла дверь, чтобы увидеть, как её тюремщик устраивается в кресле напротив спальни. Судя по всему, просидеть там он мог долго.

Накатила волна паники. Обычно так начинала свое наступление депрессия. Анна сжала кулаки. Она не позволит болезни взять верх! И если для этого придется заставлять себя что-то делать, веселиться, смеяться, да — пусть так! А для начала попробует сбежать. Даже если не получится — терять нечего. Жизнь в удушающем коконе вечной апатии — все равно, что умереть.

Анна хотела накинуть любимый халатик, мягкий, комфортный для обожженного тела, но он остался в первой спальне. А напяливать на себя махровый в такую жару желания не возникало. Поэтому она завернулась в простыню, как в римскую тогу, и с ногами забралась на кровать. Устроилась так, чтобы ничто не беспокоило раны и ожоги, и подвела итог.

Собак в коттедже Анна не заметила, Инну Петровну выставили... В большом доме находились только двое. А перед окном — она хорошо помнила — днем маячили ветки большой яблони. В детстве Анна неплохо лазила по деревьям. Правда, это было давно...

— Ну, мне бы только не сверзиться, а там видно будет.

С этими словами Анна подошла к окну и распахнула плотные бежевые занавески. Увы! Эйр предусмотрел все — снаружи стекла прикрывали металлические жалюзи. На ночь их опустили. В целях безопасности, или опасаясь побега?

— План не удался, — подытожила пленница. — Ну, с утра попробуем снова.

Изо всех сил отгоняя апатию, Анна, только ради того, чтобы что-то делать, сходилла в душ, где проторчала почти час, не обращая внимания на отлепившиеся от долгого купания повязки. Потом попыталась поменять их. Самостоятельно не получилось. Поэтому осторожно промокнув раны чистым полотенцем, Анна снова завернулась в простыню. Боль не позволила вытереться как следует, и ткань тут же прилипла к влажному телу.

— Эйр? — выглянула Анна в коридор.

Сторож среагировал мгновенно — вскочил, вытянулся, и только по моргающим глазам Анна поняла — враг спал! Вот дура — упустила такой шанс!

— Разбудила? Извини. Надо повязки сменить, промокли в душе.

Эйр двигался легко и стремительно. И соображал быстро. Анна даже позавидовала этой способности. Самой ей, чтобы проснуться, приходилось ставить будильник на повтор. Первый звонок — за полчаса до подъема, потом — каждые десять минут. Желание

"подремать еще чуточку" перевешивало всегда, сколько она себя помнила.

Аптечка, которую принес Эйр, оказалась куда богаче той, что демонстрировала Инна Петровна. Но копаться в ней мужчина не позволил. Заставил вернуться в комнату, сам наложил мазь и повязки.

— Где ты научился так перевязки делать? — Анна повела плечом, убеждаясь, что бинты лежат удобно и крепко. — Профессионально.

— В бою нет врачей под боком. А я — солдат, обязан позаботиться и о себе, и о господине.

Говорил он спокойно, но руки ни на мгновение не останавливались — помог Анне лечь. Потом методично убрал в коробку лекарства.

— Вам что-то еще нужно?

— Я очень хочу чаю.

Эйр кивнул и, прихватив аптечку, вышел.

Анна задумчиво смотрела на закрывшуюся дверь. Она прекрасно понимала, что не красавица. Но уж в чем, а в фигуре своей она уверена была. Работа на "Скорой" неплохо заменяла фитнес, за сутки приходилось бесчисленное количество раз пробегать подъезды сверху-донижу — лифты часто ломались. Иногда нужно было помочь фельдшеру — тащить двенадцатикилограммовый ящик в одиночку тяжело. Периодически пропускались обеды-ужины... Ну, а для поддержания тонуса Анна дважды в неделю посещала бассейн. Взрезать спокойную воду дорожки, преодолеть сопротивление, промчаться из конца в конец, а потом обратно — подобное наслаждение давала только верховая езда. Но после тяжелого падения, и полугода, проведенного на вытяжке, Анна к лошадям относилась прохладно. К счастью, в современном мире легко было избежать этих животных.

Анна повернулась к зеркалу спиной, спустила с плеч край простыни, оглянулась и порадовалась хорошему травматологу — все могло оказаться хуже. А так — бледная линия от плеча до бедра. Главное — не загорать слишком сильно. Хотя и это не важно. Из-за уродливого родимого пятна Анне всю жизнь приходилось носить закрывающую спину одежду. Даже обычные сарафаны оставались мечтой.

Она вспомнила, как назвал эту отметину Эйр. "Нимфа цикады"? И Анна внимательно вгляделась в темно-коричневую кляксу. Ни цикад, ни тем более, их нимф она в жизни не видела, но, на её взгляд, ничего общего между пятном и насекомым не было.

Складки ткани расслабились и сползли ниже, открывая ягодицы и бедра. Почти идеальная форма скрипки. И при этом Эйр остался безразличен! В свою способность воспламенить мужчин взглядом Анна не верила. К тому же, до этого он недвусмысленно пытался её зажечь, завести... Теперь же... А еще инкубом себя называет! Она еще раз окинула взглядом фигуру и озорно подмигнула своему отражению. Не повелся — тем лучше! Похотливых самцов сейчас только и не хватает!

Немного успокоенная отсутствием реакции от похитителя, Анна заснула.

Утром Эйр явился с завтраком. Как обычно — без стука. Накрыл маленький круглый столик у окна, которое уже не закрывали жалюзи, приоткрыл створки. В комнату ворвался пахнущий свежей зеленью ветер. Анна поежилась от его свежести и посмотрела на замершего возле стола мужчину.

В этот раз она подыграла. С гордо поднятой головой проследовала к стулу, присела, держа спину ровно, словно императрица. Но от еды отвернулась.

— Что-то не так? Вам еда не нравится? Потерпите, служанка скоро прибудет. А пока...

— А пока я хотела бы узнать, когда можно будет встретиться с врачом?

— Вас беспокоят раны? — встревожился Эйр. — Позвольте, я взгляну!

— Не в этом дело, отстранилась от протянутой руки Анна. — Ты называешь себя телохранителем, но не слушаешь, что тебе говорят. Сейчас мне нужна помощь моего психолога.

— Обсудим это позже. А пока — кушайте. Для выздоровления необходимо много сил. Больная, вы не перенесете Переход.

— Нет, — тарелка отодвинулась на другой край стола. — Я объявляю голодовку.

Эйр остался спокойным.

— Это вредно для вашего здоровья.

— Обострение моей болячки хуже. Выбирай: или ты позволяешь мне увидеться с моим лечащим врачом, или...

— Хорошо, Наيري. Я принесу телефон. А вы все съедите.

Пока в трубке играла монотонная мелодия, Анна решила, что Эйру незачем знать о давней дружбе врача и пациентки. И, уповая на сообразительность собеседника, поздоровалась весьма прохладно:

— Антон Александрович, здравствуйте. Да, я подожду.

Те несколько минут, пока её виз-а-ви разбирался со спешными делами, Анна смотрела на Эйра. Тот замер, уставившись в одну точку, словно разговор его не интересовал.

— Все, Анют, я весь твой.

— Можно записаться на прием? Кажется, у меня обострение. Симптомы те же. Больница... Да, я в аварию попала. Если необходимо, при личной встрече расскажу. Нет, в клинике.

Тут ожил Эйр:

— Наيري, лучше пригласить доктора сюда. Я оплачу вызов.

Антон услышал.

— Кто там у тебя?

— Эйр, продиктуй, пожалуйста, адрес.

В трубке повисло молчание. Анна почувствовала, как насторожился Антон. Сперва она проигнорировала все его попытки поболтать, теперь вот "вызов оформляла". И это жуткое обращение по имени-отчеству...

— Я приеду, Ань. Ты только держись там.

— Хорошо. Я сейчас передам трубку.

Эйр честно продиктовал адрес и отключил телефон. Но тут же зазвонил другой — в его кармане. Взглянув на номер, Эйр заторопился:

— Прошу прощения, Наيري. Я оставлю вас ненадолго — приехала Лаир, ваша горничная.

— Она человек?

— Нет. Суккуб.

Оставшись одна, Анна оглядела стол. Яичница с беконом и помидорами, круассаны, джем и масло. Горячий кофе. И густые, жирные сливки в крохотном молочнике.

Эйр выполнил свою часть сделки, голодовка утратила смысл. Анна придвинула тарелку и приготовилась насладиться вкусной едой. Дома так завтракала редко, некогда было готовить.

За дверью послышались голоса. Эйр старался говорить тихо, и это ему почти удавалось.

Слова же его собеседницы разобрать не удалось. Только тембр — мягкий, певучий. Анна решила, что девушка молода.

Так и оказалось. На пороге появился Эйр и сообщил:

— Наири, прибыла горничная. Пока вы в этом мире, Лаир будет служить вам. Это нарушение правил, так как она не из знатного рода. Но других кандидаток сейчас в вашем мире нет. Поэтому умоляю вас простить мне это преступление.

Девушка вышла вперед. Её точеная фигурка вызвала у Анны легкий укол зависти — так работать над собой у неё терпения не хватало. Едва шагнув в комнату, Лаир опустилась на колени, склонив голову, отчего длинные пряди волос закрыли лицо шелковистой вуалью.

— Лаир рада служить Наири. Пожалуйста, будьте ко мне добры.

— Встань.

Видя, что просьбу игнорируют, Анна обратилась к Эйру:

— Не люблю, когда передо мной на коленях ползают.

— Вам стоит привыкать, чуть снисходительно улыбнулся мужчина. — Нельзя нарушать заведенный порядок. Всякий должен знать свой ранг и место.

— Всякий? И... ты тоже?

— Я тоже, Наири.

Лаир начала церемонию. С колен мягко перетекла на бедро, вытянула руки. Коснулась лбом бежевого ковра и протянула к Анне сложенные лодочкой ладони:

— Пусть ваша благодать вечно разливается над Эстрайей!

— Пусть, пусть, — Анна чувствовала себя неловко. — Все? Может, уже встанешь?

В этот раз Лаир послушалась. Но сначала посмотрела на Эйра.

— Ступай!

— Подожди! — одуревшая от происходящего Анна решила не сдаваться: — Эйр, кому она служит?

— Вам, Наири.

— Но приказываешь ей ты?

На лице Эйра не дрогнул ни один мускул. Ровно, словно давно надоевшую лекцию читал, пояснил:

— Мой ранг выше, чем у неё. Я имею право приказывать.

— Интересно. А...

Эйр не дал задать очередной вопрос:

— Позвольте Лаир удалиться и подготовиться к служению. Вы же получите ответы чуть позже. Я приготовил обучающие материалы. Наири должна войти в свой мир подготовленной.

— Спасибо и на этом.

Анна резко отодвинула тарелку. Есть расхотелось. Даже запах кофе стал раздражать. Но Эйр словно не заметил её раздражения. Подошел к столу, наполнил чашку.

— Прошу прощения, Наири. Я понимаю, что готовлю просто ужасно, но вы обещали.

— Я уже сыта, спасибо.

Эйр невозмутимо пододвинул тарелку обратно. Под его пристальным взглядом кусок в горло не лез, но другого способа отвязаться не было. Составив опустевшую посуду на поднос, мужчина вышел.

Анна обхватила голову руками. Безумие смотрело ей прямо в глаза. Еще чуть-чуть, и она начнет верить всему, что говорит Эйр. Он слишком убедителен. И эта Лаир... Выстоять против двоих шансов почти нет.

— Эйр?

Звон посуды за дверью — рораг не успел уйти.

— Когда приедет врач?

— Назначено сегодня в полдень. Сейчас, — быстрый взгляд на наручные часы. — Четверть одиннадцатого. Можете подождать в саду? Там есть беседка.

Анна задумалась. Меньше всего хотелось выходить из комнаты. Но она хорошо помнила главную заповедь борьбы с депрессией — не поддаваться! И подавила дикое желание закупорить окно, запереть дверь и забиться в темный угол, с головой накрывшись одеялом.

— Да, так будет лучше.

Пришлось ждать, пока Эйр принесет из другой спальни легкий сарафан. Пока Анна одевалась, он деликатно отвернулся, но по напряженной спине она поняла — прислушивается к каждому шороху.

— Все, я готова. Пойдем.

— Минутку, — на обожженные плечи лег невесомый палантин. — В беседке тень, но на всякий случай...

К двери Анна шла не торопясь. От собственной глупости хотелось одновременно смеяться и плакать. О чем думала, ввязываясь в эту авантюру?

На крутой лестнице Эйр заботливо подал руку. Придержал входную дверь. Идеальный слуга. Таких в кино показывают, в книжках описывают. Безупречный рыцарь, умереть готовый за свои идеалы. Анна вздохнула — в жизни все выглядело не так радужно. Было... страшно.

Беседкой Эйр назвал большой, вымощенный декоративной плиткой кусок участка. Под черепичной крышей уместился мангал, раковина, обеденный стол и подвесное кресло. В него Анна и уселась. Двигаться сил не осталось, а с этого места все видно, как на ладони.

Эйр отошел к столбу, поддерживающему крышу. И замер, снова напомнив статую. Тишина угнетала и Анна завязала разговор:

— Скажи... а шашлык в твоём мире готовить умеют?

— Нет. Но есть блюдо, очень его напоминающее. Хотите попробовать?

— Может быть...

Анна замолчала. Она любила вкусную еду. Пару раз выбиралась за границу только ради

дегустации особо понравившихся блюд. Настоящих, по оригинальному рецепту. Но эйровского шашлыка совсем не хотелось. Скорее всего, еще один вариант кавказской кухни. Скучно. Почему-то снова захотелось спать... Анне очень хотелось думать, что это из-за свежего воздуха, а не признаки депрессии. Она огляделась в поисках гамака, но тут же одернула себя: нельзя поддаваться! Стоит позволить апатии взять верх, и никакой Антон не вытянет! Лучше разговаривать... да хоть с Эйром! Может, узнает что интересное. Что-то, что позволит бежать...

Пока Анна думала, как завести разговор с этой живой статуей, появилась Лаир. В руках она держала большую хрустальную чашу с водой, но та не помешала ей присесть в поклоне столь грациозно, что Анна поняла — она снова завидует.

В вазе, на поверхности воды покачивались желтые бутоны роз вперемешку с плавающими свечками. Красиво... Созерцание цветов и чистой воды успокоило мятущиеся мысли. Они потекли плавно, но совсем уж грустно. Анна встряхнулась. Не время раскисать! Скоро приедет Антон и увезет её. Если понадобится — отобьет силой. В этом она была уверена. Под тяжелыми ударами жизни их дружба не прогнулась, не дала трещины. И оказалась куда прочнее и нужнее любви.

Пока Анна размышляла, Лаир принесла чай. Придвинула столик поближе к креслу, налила в крохотную чашку прозрачный напиток:

— Это особый сорт. "Танец золотого Дракона". Его нет в вашем мире.

— Трудно провезти было?

— Не знаю, Наири. Но господину Эйру должно быть...

Прежде, чем Анна задала вопрос, телохранитель встрепенулся:

— Кто-то пришел. Простите, я ненадолго.

Прежде, чем уйти, Эйр выразительно посмотрел на Лаир. Та тут же заняла его место. Анна вздохнула — похоже, одной остаться не получится. А жить с постоянно маячащей за спиной тенью. Хотя... зачем? Сейчас же Антон приедет!

У калитки кто-то разговаривал. Анна прислушалась. Эйр и... Инна Петровна? О воспоминаний в глазах потемнело.

Лаир заметила её состояние. Улыбнулась ободряюще и прошептала:

— Верховный рораг не подпустит к Наири никого, кто был бы ей неприятен!

— Сомневаюсь.

— Поверьте! Вы не разочаруетесь!

— Уже.

— Наири! — в голосе Лаир зазвучало отчаяние. — Возможно, он чем-то разгневал вас. Но здесь так мало инкубов, а людям доверять нельзя!

— Ты говоришь сейчас с человеком.

Лаир побледнела. Упала на колени, спрятав лицо в ладонях:

— Простите мой дерзкий язык. Но вы — не человек. Вы — Наири. Пока жив хоть один подданный Эстрайи, забудьте о тревогах. Все беды обойдут вас стороной. Здесь это трудно осуществить, но верьте своему слуге!

— С какой стати?

Анна отвернулась. Она начала понимать, что лукавит. Эйр не был ей неприятен. Красивый, даже слишком. Заботливый. Мечта, а не мужчина. Проблема в том, что это была не её мечта.

— А знаешь, вы бы неплохо смотрелись вместе. Ты — и Эйр.

— Наири! — едва Анна сменила тему, Лаир успокоилась. Но с колен не встала, только голову подняла.

— Господину Эйру нельзя жениться. Жизнь и судьба рорага переплетены с волей короля! Ну а я... У моего рода слишком низкий статус. Мне не суждено связать судьбу с кем-то из Дворца... Хотя сейчас я могу очень выгодно выйти замуж и повысить свой ранг.

— Это как? — заинтересовалась Анна.

Ей пришлось вытягивать из Лаир информацию, словно пряжу, распутывающей драгоценный кокон шелкопряда.

— Прежняя Наири погибла. А без её благословения в Эстрайе не родится ни один ребенок. Но я была в вашем мире, во мне достаточно энергии, чтобы зачать и выносить дитя. Теперь я смогу стать женой сына министра. Или даже наложницей князя. А если повезет, то и Матерью Трех Домов.

— Все так серьезно?

Анна задумалась. Мир, о котором в два голоса рассказывали Эйр и Лаир, казался логичным и проработанным до мельчайших деталей. Мало похоже на групповое помешательство. Если только... секта?

По спине пробежал холодок. С психами она с помощью Антона могла справиться. Новый же поворот менял все. Анна начала жалеть, что вызвала друга — впутывать его в неприятности не хотелось. Хорошо бы позвонить, отменить встречу. Но, судя по голосу, он уже заволновался. А значит — наплюет на все запреты и придет.

Так и вышло. Не прошло и четверти часа, как в беседку вошел Антон в сопровождении Эйра. Высокий, вечно улыбающийся балагур в этот раз выглядел серьезным. Даже вечно растрепанные светло-русые волосы уложил в прическу.

Рораг слегка поклонился:

— Ваш доктор, Наири. Лаир, ступай в дом. Там Инна Петровна проверяет его сохранность. Как закончит, проводи до ворот и убедись, что она уехала.

Анна перебралась из кресла за стол, Антон устроился напротив.

— Эйр, можешь оставить нас одних? Мы хотим побеседовать.

Возражений не последовало. Рораг отошел к деревьям, откуда мог беспрепятственно наблюдать за происходящим в беседке.

— Чай остыл, — Анна потрогала бок стеклянного чайника. — Говорят, какой-то редкий сорт.

— Неважно, — Антон налил немного в кружку, выпил одним глотком и уставился на Анну. — Ты не представляй из себя радушную хозяйку, а рассказывай, куда вляпалась.

И Анна рассказала.

Антон внимательно слушал. Иногда прикрывал лицо ладонью, и с губ срывалось едва слышное: "Дуууууура". В такие моменты Анна понимала, что в мыслях звучат эпитеты куда обиднее. Но он был прав — дура, еще какая!

— Все? — Антон дождался кивка, подхватил барсетку с документами: — Поехали отсюда!

Анна вцепилась в него обеими руками. Надежда вырваться не то, что ожила — воспарила, широко расправив могучие крылья.

— С твоей депрессией потом разберемся. Сперва уедем.

Но Эйру действия в беседке не понравились. Он оказался рядом как то мгновенно, словно исчез там, и возник тут. Антон едва успел отпихнуть Анну себе за спину.

— Мы уезжаем, — сообщил он охраннику.

— Вы — как пожелаете. Наири останется здесь.

— Не останусь! — Анна выглянула из-за широкого плеча своего защитника и тут же юркнула обратно.

— Слышали? Она хочет уехать. Поэтому вы сейчас просто выпустите нас отсюда, и помашете вслед ручкой.

— Наири, — Антон словно исчез для Эйра, теперь он обращался напрямую к Анне. — Надеюсь, вы понимаете, что я не могу этого позволить? Скажите этому человеку отойти в сторону, иначе я...

Что собрался делать рораг, Анна так и не узнала. Потому что со стороны дома послышался возмущенный голос Лаир:

— Вам туда нельзя!

— Я еще не осмотрела сад!

К беседке стремительно, как степной пожар, приближалась Инна Петровна.

Лаир безуспешно пыталась преградить ей путь, и Эйр кинулся на помощь. Встал перед уволенной экономкой, не позволив подойти к беседке:

— Остановитесь! В саду отдыхает Наири.

— Мне надо все осмотреть! Согласно договору...

— Тогда вам придется подождать. Проверите сад чуть позже.

— Ну, зачем же ждать? Пусть осматривает. Мы уже уходим, — Антон решил использовать неожиданного союзника для того, чтобы увести Анну. Но трюк не удался.

В тот момент, когда они пытались прошмыгнуть мимо Инны Петровны, женщина вдруг дернулась, как кукла театра теней, и... кинулась на Анну.

Эйр среагировал мгновенно. Одним движением отшвырнул Анну вместе с Антоном от разъяренной экономки и... превратился.

Два кожистых крыла рассекли воздух. Обсидианово замерцали изогнутые когти. Но... Инна Петровна увернулась. Несмотря на возраст и дерганные движения она вдруг стала очень ловкой и не только уходила с линии атаки, но и успевала отвечать. Один удар заставил Эйра покачнуться, второй — покатиться по земле, задыхаясь от боли.

Лаир разъяренной тигрицей кинулась на помощь. Её облик не изменился, но аккуратные ногти удлинились, превратившись в сверкающие сталью когти. Суккуб махнула рукой, целясь врагу в лицо. Инна Петровна отшатнулась, и эти мгновения дали возможность Эйру прийти в себя.

Человек и демон сцепились, разнося сад в щепки. Выворачивали дерн, комья земли летели во все стороны. Рокарий превратился в однородную массу, и только чудом уцелевшая куртинка маргариток напоминала, что когда-то здесь был цветник. Зеленые яблоки со стуком падали на траву, отскакивая от красноватой плитки дорожек. Казалось, от рева дерущихся дрожит сам воздух.

Анна видела только напряженную спину Лаир, да её ладони, сведенные судорогой. Пока помощи не требовалось, она просто стояла, отгораживая людей от боя.

Эйр же наглядно показывал, на что способен рораг. Через несколько мгновений, тягучих, как расплавленная ириска, Инна Петровна кинулась к воротам. Громыхнули створки, и монстр прекратил преследование.

Дышал он тяжело, но превращаться обратно в человека не стал.

Зато Лаир уже убрала когти и кинулась к Анне — её шатало. Помощь требовалась и

Антону, но мужчина держался лучше — обнял подругу за плечи, проводил обратно на веранду, где усадил в кресло и укутал пледом.

Эйр остановился, не заходя под крышу. Анна застонала:

— Вот влипла...

Антон придерживался того же мнения. Покрытый острыми шипами и крепкими пластинами крылан внушал странную смесь ужаса и восторга. Хотелось бежать прочь и напиться до потери памяти... Но за спиной вжалась в кресло Анна. Весь тот бред, о котором она поведала, воплотился в реальности. Антон верно оценивал свои силы, и все же оставить подругу один на один с опасностью было для него невыносимо.

Эйр, не мигая, следил за женщиной:

— Надеюсь, теперь вы понимаете, что Наири никуда не уйдет?

— Черта с два! — Антон сжал кулаки, приготовившись драться.

— Мы не черти — демоны. — Эйр кивнул подошедшей Лаир.

— Плевать!

Эйр вздохнул, и его силуэт подернула зыбь, словно инкуб стоял на раскаленном асфальте. Очертания смазались, и момент превращения прошел незаметно. Уже в человеческом облике Эйр вошел в беседку и остановился напротив Антона.

— Наири говорила, что ей необходима ваша помощь. Но если она заключается только в том, чтобы забрать её отсюда — уходите.

— Не дождетесь!

Антон настороженно разглядывал противника. Эйр стоял перед ним совсем без одежды — она разлетелась на клочки во время превращения в чудовище. Но и в таком виде рораг внушал чувство тревоги.

— Антон, уходи!

Анна тоже оценила противника. И узнала. Драка с Инной Петровной казалась милой детской ссорой по сравнению с тем, что инкуб устроил в лесу. Бой над полыхающей машиной «Скорой помощи» оказался реальностью. Страшной, парализующей. И все, о чем рассказывал Эйр — тоже. Теперь Анна понимала — он не отступится. С её согласия, или без него, Эйр все равно утащит её в свою преисподнюю. Эстрайя, так они её называют...

Но еще больше Анна боялась за Антона и проклинала себя, что втянула друга в эту историю.

— Уходи. Ты видишь, мы ничего не можем с этим сделать.

— Это вижу. Но и другое замечаю — тебе нужен врач. Аня, если сейчас упустить начало, я не гарантирую, что выкарабкаешься!

— Наири... больна?

В голосе Эйра зазвучала паника.

— И серьезно, — кивнул Антон. — Несколько лет назад она уже чуть не покончила с собой. И теперь снова близка к этому состоянию. Если оставить все как есть...

— Вы можете помочь?

— Могу. Но для этого я должен забрать Аню отсюда.

— Невозможно. В другом месте Наири будет в опасности. Её уже дважды пытались убить.

— Так! — Анна всполошилась. — Первый я помню, в лесу. А второй?

— Только что. К счастью, все обошлось. Но умоляю — отныне держите Лаир поблизости и будьте осторожны. Женщины по имени Инна Петровна больше не существует.

Её тело захватили сариты.

Антон посмотрел на побледневшую Анну, оценил её состояние и решился:

— Так. Анют, тебе надо отдохнуть. А нам — взгляд в сторону Эйра, — серьезно поговорить.

Но Анна наотрез отказалась:

— Уезжай! Пожалуйста! Я — одинокая баба, никто не заплачет, случись что со мной. А у тебя семья... Хочешь, чтобы Ольга меня проклинала?

— Дурочка, — Антон снисходительно улыбнулся. — Давай так: сделаем укол, ты поспишь, а когда проснешься, мы спокойно поговорим и все обсудим. Кто заплачет, кто кого проклянет... Лады?

Под напором двух мужчин выбора у Анны не осталось, пришлось возвращаться в дом. Она послушно легла и смотрела, как игла прокалывает вену на руке. Неожиданно стало холодно, и зубы начали выбивать дробь. Антон заботливо подоткнул одеяло и сел на край кровати, согревая озябшие пальцы в своих ладонях. Как и несколько лет назад.

— Ну, — убедившись, что Анна заснула, Антон повернулся к Эйру. — Теперь можно и поговорить. Учтите, Анька — родной мне человек, я так просто не отступлю. Поэтому сейчас вы спокойно и по порядку расскажете, что вам от неё надо. И мы все вместе постараемся мирно решить проблему.

— У Наири пока одна проблема — болезнь, из-за которой вас позвали. Я правильно понял, что вы не просто врач, но еще и друг?

— Верно. И, похоже, мне придется нарушить врачебную тайну. Другого выхода у меня по вашей милости все равно не осталось... Несколько лет назад Аня развелась. Муж у неё был... — Антон осекся, увидев принесшую чай Лаир. — ... козел. За полтора года он в ней жизнь убил. Анютка всегда улыбалась, её в институте Солнышком прозвали... А тут словно выключили её. Нет, морду-то я этому... козлине начистил... После того, как Аньку чуть не из петли вынул. Потом заново её жить учил. В общем, лучше вам уйти, она достаточно настрадалась по милости мужчин.

— Невозможно. Эстрайе нужна Наири.

— Эстрайя, Наири... Рассказать не желаешь? — Антон резко перешел на "ты", наблюдая за реакцией собеседника.

Тот не обратил на это внимания.

История Эйра не слишком отличалась от того, что поведала Анна. Но теперь Антон мог уточнить некоторые моменты:

— Послушай, а чего ты именно к Анюте привязался? Мало девок, повернутых на сексе? Побегут, только свистни!

— Все гораздо сложнее. С предком Анны был заключено соглашение.

— А другое подписать?

— Не каждая женщина подойдет на роль Наири. В те годы мы могли прошерстить ваш мир в поисках носителя нужной праны, совместимой практически со всеми Домами Эстрайи. Теперь же это почти невозможно — переход дается слишком тяжело. Так, из рогов здесь только я.

— А Лаир?

— Её родители нашли способ сюда отправить. Она из простой семьи, но после жизни в вашем мире имеет шанс выйти замуж в знатный род — гарантированно родит.

— Для остальных, значит, гарантии нет... А почему? Что там случилось с вашей Наири?

На лицо Эйра словно туча набежала:

— Она погибла.

— А... другие? Ты говорил, были еще люди?

— Семьсот восемьдесят два человека. Из них четыреста семь — мужчины.

— И... все умерли? А дети?

— Дети тоже.

Антон присвистнул. И спросил первое, что пришло в голову врачу:

— Эпидемия?

Эйр тут же замкнулся. Чашка звякнула и распалась на две половинки, поцеловавшись с блюдцем. Чай растекался по столу полупрозрачной кляксой.

— Значит, не эпидемия, — Антон подался вперед, чтобы видеть лицо Эйра, и потребовал:

— Рассказывай!

— А что рассказывать... Убили их.

— Как убили? Прямо... всех?

Эйр кивнул, стараясь не смотреть на Антона.

— Погоди. Ты же говорил, что Наири для вас — вроде богини, так?

— Да. "Дарующая жизнь".

— И... вы её не уберегли? И вообще, как...

Эйр вкинул потемневший взгляд. Желваки перекатывались под кожей, но голос звучал на удивление ровно:

— Вот так. Не досмотрели. Выживших телохранителей и служанок наказали. Всех. Только толку от этого, — губы инкуба искривила горькая усмешка, — Эстрайя осталась без Наири.

— Чудно! Просто волшебно!

Антон взвился, голова Эйра, схваченного за грудки, дернулась.

— Хочешь сказать, что вы профукали свое величайшее сокровище, а теперь ты тащишь в этот проклятый мир Аньку? И думаешь, я её отпущу?

— Пока жива Наири — Эстрайя не проклята. Чем угодно поклянусь — ни один волосок не упадет с её головы, я позабочусь об этом.

— Да, конечно, — Антон разжал пальцы. — Те телохранители тоже клялись? Чего глаза отводишь? Погоди... А эти покушения на Анну — они с вашим миром связаны! Ты притащил сюда убийц!

— Не я. Сариты. Им, в отличие от инкубов, проще пройти рубеж. Тем более, что люди зачастую сами открывают проход.

— Хрен редьки не слаще, — Антон растер лицо ладонями, — У вас больше семисот человек убили, а вы ничего сделать не смогли. Нет, говори что хочешь, делай, что хочешь, но Анька останется тут!

— Вам меня не остановить, Антон. В назначенный час мы уйдем в мой мир, и Наири займет предназначенное ей место.

— Опять двадцать пять... Убийц хоть поймали? Или так... проглотили?

Эйр с интересом принялся рассматривать стену за спиной собеседника. Антон усмехнулся:

— Проглотили, значит.

— Я... понимаю вашу обеспокоенность. Но вы же понимаете, что со мной не

справитесь, — Эйр старался говорить предельно вежливо, и очень аккуратно подбирая слова. — Я все равно заберу Наири. Контракт должен быть выполнен. То, что она его лично не подписывала, значения не имеет. Но одно могу сказать точно — я сделаю все для её безопасности.

— Ну да. По-вашему, это должно меня успокоить? Черт! — Антон вскочил, зажимая кровоточащую руку. В пылу спора он забыл о разбитой чашке и со всего маху опустил кулак прямо в осколки.

— Лаир! — Эйр даже головы не повернул в сторону двери, но девушка словно ждала зова.

— Господин, подождите минуту, я обработаю рану.

Делала она это весьма умело. Антон смотрел на сидящую у его ног девушку. Лаир склонила голову, отчего волосы распались на пряди, открыв белоснежную шею... Длинное платье на узких бретелях не скрывало спину, и белоснежная кожа казалась шелковистой, мягкой, светящейся...

— Я сам. Спасибо, — сглотнул Антон и забрал у Лаир перекись.

Жидкость запузырилась, вымывая из раны крохотные осколки стекла и грязь. Антон промокнул руку и перевязал рану, неловко действуя одной рукой. Потом встал:

— Пойду, проверю Аню.

Эйр с кривой усмешкой смотрел ему в след — реакция человека была предсказуемой.

Антон поднялся по лестнице, прыгая через ступеньку, и прислушался. Из-за двери доносились странные звуки — словно Анна была не одна.

Ручка повернулась бесшумно, впуская мужчину в комнату.

Луч света пробивался между плохо задернутых занавесок и падал прямо на кровать. По ней металась Анна. Простыня сбилась, открывая взгляду задравшуюся сорочку, а руки двигались по телу, касаясь самых интимных мест. С губ то и дело слетали стоны, переходящие в хриплое дыхание.

Антон замер. Со стороны казалось, что женщине снится чертовски приятный сон. Но мужчина слишком хорошо знал свою подругу. Она стонала не от наслаждения, а от безразличия, от страха, от боли... И не ласкала себя, а пыталась снять с тела что-то невидимое.

— Аня! Аня! — потряс он её за плечо.

Мутный взгляд заметался по комнате, постепенно проясняясь. Узнав Антона, Анна откинулась на подушки и спокойно поправила ночную рубашку.

— Простыню дай, — попросила хрипло.

В шкафу нашлась чистая, и Антон привычно накрыл ей Анну.

— Снова кошмары?

— Угумс, — кивнула Анна и отвернулась. — В последнее время все чаще.

— Из-за стресса. Как самочувствие? — Антон присел на край кровати, нащупал под одеялом запястье и проверил пульс, — Дерганый. Сейчас валерьянки накапаю...

— Не надо. Само пройдет, — Анна помолчала, а потом пожаловалась: — Я испугалась.

— Не удивительно. Я тоже.

— Нет, ты не понял. Нужно было после схватки проверить, как Эйр. Все ли в порядке, может, ранен... Перевязать, в конце концов! Но... Хреновый я врач, да?

— А ну, посмотри на меня!

Антон взглянул в светло-карие глаза и нахмурился:

— Хватит себя корить. Все в порядке. Ты хороший врач, Аня.

— Я "скоростник", Антон. Я не имела права паниковать. Я никогда не боялась, даже в критических ситуациях. И в наркопритоне, когда тот парень на меня со шприцем кинулся. А тут...

— Аня... — Антон поймал её взгляд, зацепил своим. — Анюта, ты помнишь наш уговор? Как мы живем, когда не видим выхода из сложившейся ситуации? А?

— Постепенно, — она вдруг стала очень послушной, — За рассветом следует день, а им на смену приходят сумерки и тьма. Но утром мы живем только им, не ожидая полдня, а вечером не вспоминаем ночь. Один день. У нас есть настоящее, и не стоит думать о будущем...

— Умница. Давай, так и будем жить? Одним днем... Пока все не придет в норму.

— А оно придет?

— Обязательно. Я обещаю. И... знаешь что? Я тоже... хреновый врач.

Анна уставилась на друга. Заниженной самооценкой он никогда не страдал. Иногда у его друзей даже возникало желание поправить ему корону лопатой. Останавливала боязнь лишиться мира высококлассного специалиста.

— Чего смотришь? Удивлена?

— Рассказывай.

— Любопытничаешь? Это хорошо, не сдаешься, — улыбнулся Антон. — Только выливать свои проблемы на тебя я не стану. Потому как, Анька, ты сейчас мой пациент. В другой раз как-нибудь. За бутылочкой хорошего вина.

Мечты прервала распахнувшаяся дверь. На пороге возник Эйр:

— Наири, простите, что прерываю... но уже поздно. Вашему гостю пора.

— Выгоняешь? — Антон выпрямился, расправив плечи, навис над Эйром, глядя сверху вниз. — А если я не уеду?

— Господин Антон, хоть вы и друг Наири, вам лучше следить за своей речью, — холодно отозвался инкуб.

— Антон, не надо... — одновременно с ним попросила Анна.

— А что, я не прав? Оставить тебя с инку... — выражение лица неожиданно поменялось, Антон даже хихикнул. — Слушай, а неплохая идея, как думаешь?

Подушка почти попала в цель. Но Антон вовремя сделал шаг в сторону, и удар в очередной раз достался Эйру. Тот даже не покачнулся. Поднял "снаряд", положил на место и продолжил свое:

— Вам пора.

— Вот неумолимый! Ладно, я уеду. Но учти — завтра вернусь. И если Ани тут не будет... Я тебя из-под земли достану. Достану — а потом снова... закопаю.

Анна смотрела на мужчин, открыв рот. В таком состоянии Антона она видела всего один раз. И тогда все закончилось очень плохо... для его противника.

— До Перехода еще долго, — задумчиво протянул Эйр. — Если есть желание, приезжайте завтра.

Антон ободряюще посмотрел на Анну и вышел.

Эйр сдержал слово — ночью они не уехали. Антон нашел подругу в саду. Она, удобно устроившись в мягком кресле, внимательно рассматривала планшет. На экране мелькали фотографии.

— Знаешь, а Эстрайя не такая уж и страшная.

Антон взглянул на картинки:

— Типичный земной вид.

— Эйр говорит, в Эстрайе иной уровень развития. Наша техника не работает. Так что накачал мне картинок из Интернета. Сказал, пейзажи точь-в-точь, как у них.

— Картинок я тебе каких угодно накидаю.

— Тоже верно... Слушай, а что это вчера был за приступ самоуничужения?

— Ну, — Антон смутился. — Не только же тебе ныть. Я тоже иногда срываюсь.

Рассказывай, как самочувствие?

— Паршиво, — Анна отложила планшет и встала. — Домой хочу. Так все это надоело.

Веришь — я даже по работе соскучилась.

— Наири нужно больше отдыхать.

В комнату вплыла Лаир. Складки длинного платья, струились по телу, обнимая ноги. Высокая прическа открывала изгиб стройной шеи.

Антон покраснел и поспешно отвернулся, делая вид, что разглядывает сад.

Лаир поставила поднос на стол и разложила принесенные предметы. Анна узнала лишь чайник и чашку.

— Продолжим обучение? — на веранду вышел Эйр. — Я расскажу о Малой чайной церемонии.

Он открыл маленькую коробочку, наполненную серо-зелеными шариками.

— Это цветы дерева нуи. Оно растет только на южном склоне Скалистых гор. Большую часть года дерево спит, спасаясь от холодных ветров. Но весной, когда начинает таять снежная шапка, укрывающая вершины, могучие корни доставляют воду к извитым ветвям. Вскоре они покрываются жесткой листвой, которая служит защитой сокровищу — цветку из тысячи лепестков. Его жизнь коротка — ветры срывают листья с веток и гонят прочь. И тогда, чтобы дождаться следующей весны и превратиться в плод, цветок укутывается корой. Но если бросить его в горячую воду...

Инкуб осторожно и очень медленно подхватил шарик деревянными щипцами и опустил на дно широкой чаши. Тонкая струйка кипятка ударила о грубую поверхность спящего цветка, и словно расколола скорлупу. По коре заструились едва заметные трещины. Они становились все глубже и темнее, и вдруг шарик взорвался. Множество тонких, бледно-розовых лепестков вырвались из плена, заполнив чашу. Аромат цветка смешался с паром и в воздухе запахло сладко и свежо.

— Добраться до зарослей нуи могут немногие. В основном, это жители гор. С раннего детства они карабкаются по скалам и знают, как вернуться живыми. И им неплохо платят за их риски... Но вот заваривать чай из цветков нуи разрешено лишь королевской семье и Наири. Строго говоря, сейчас я совершаю преступление. Но это мне простится — здесь нет никого, кто знает церемонию.

Белоснежный фарфоровый черпачок потревожил поверхность воды. Лепестки качнулись в её толще. Эйр аккуратно наполнил крохотную чашечку и поставил перед Анной:

— Пить следует маленькими глотками, наслаждаясь вкусом и ароматом. Попробуйте.

— А мне? — Антон с любопытством разглядывал зеленоватую жидкость. — Пахнет интересно...

— Заваривать чай обязана Наири. А вот попробовать его вольно пригласить кого угодно.

— Ань?

— Да Бога ради. Только пей скорее — у меня от запаха голова кружится.

Эйр казался недовольным:

— Малая церемония очень важна. Наири проводит ритуал два раза в месяц, и дважды — принимает участие в чаепитии, которое устраивает королева. Вы должны выучить все как следует. Возьмите чашку.

— Что мне в том ритуале, если от одного запаха голова болит?

— Но...

— Тщц, — Антон решил выступить в роли третейского судьи. — Время от времени это

можно выдержать. А для учебы использовать другой сорт чая. Что скажешь, Эйр?

— Нельзя. Созерцание раскрывающегося цветка — значительная часть церемонии.

— Ну, Аня будет любоваться. Но на настоящем чаепитии. А пока... Может, пока меня поучишь? Твоя Наири не против, чтобы я её порцию выпил.

Эйр попытался призвать Анну к порядку, но она стоически выдержала укоризненный взгляд. Инкуб смирился:

— Наири, прошу, смотрите внимательно! Антон, сядьте прямо напротив стола. Чашку нужно держать в правой руке, подставив ладонь левой под доньшко. Да, вот так... Теперь насладитесь ароматом и сделайте глоток... Нет! Лаир, покажи, как правильно.

Девушка тут же подошла и осторожно прикасаясь, направила движения рук Антона. Невзначай мягкая грудь коснулась мужского плеча, и он поперхнулся. Лаир похлопала бедолагу по спине.

— Не так! — Анна вскочила.

Но прежде, чем она добралась до пострадавшего, тот уже продышался. Суккуб протянула ему белый платок.

— Прошу прощения, господин.

Легкий поклон в сторону Антона, глубокий — Анне. Получив в ответ разрешающий кивок Эйра, Лаир умчалась. Рораг последовал за ней.

Анна фыркнула им в след. Антон рассмеялся:

— Не знай я тебя так хорошо, решил бы, что ревнуешь!

— Я тоже знаю тебя, как облупленного. Плохо ты себя ведешь. Для женатого мужчины.

К Антону тут же вернулась серьезность:

— Я тоже не дурак, все понимаю. И мне страшно.

— Я же говорила тебе — уходи. Ты видел... его. Да и её тоже. На что они способны.

— Боюсь, это не все. Аня, знаешь, эти ощущения... Странные. Это не любовь. Даже не страсть, — Антон замолчал, переплел пальцы рук и решил продолжить: — Стыдно, но сказать должен! Понимаешь, когда я вижу Лаир, меня словно волной накрывает. В этом потоке я себя теряю. Все глубинные, дикие инстинкты прорываются наружу... Я тону в них. Ты же... ты не чувствуешь такого, когда Эйр рядом?

— Ничего из описанного. Но за тебя я боюсь. Кажется, он может и на мужчин воздействовать. Уезжай.

— Ты это себе как представляешь? Антон сел в машину и уехал, а Аньку оставил? И увезти тебя страшно. Налетят демоны, я их не остановлю. А Эйр — сумеет.

— Мы знаем это только со слов инкуба! Может, они меня убить хотят, чтобы ему досадить? Уедем — и нас в покое оставят?

— Сомневаюсь. А кроме того... Прости, Аня, но я еще и твой врач. Возможно, это шанс излечить тебя полностью.

— Я могу как-то помочь в лечении Наири? — спросил вернувшийся Эйр.

— Нет, — Анна поморщилась, адресуя гримасу Антону. — Меня все в себе устраивает. И то, что мой врач называет "проблемой" — больше, чем остальное. Мне очень комфортно!

— О чем говорит Наири? — Эйр решил напирать на Антона.

— Ну... как бы сказать...

— Скажешь — и я тресну тебя чем-то тяжелым.

— Хорошо, тресни, — согласился Антон. — Только, Ань, пойми, я не могу пройти мимо этого шанса вернуть своему пациенту нормальную жизнь. Кроме того, подумай сама

— возможно, твоя болезнь делает тебя непригодной для выполнения отведенной роли. Они, — Антон кивнул в сторону Эйра — имеют право это знать! В общем, у вашей Наири сексуальная агедония.

— Убью! — возмущенная Анна вскочила, опрокинув чашку.

Румянец залил щеки, перебрался на лоб и шею. Руки закрыли лицо:

— Зачем ты так?

Антон спрятал взгляд, а Эйр остался невозмутимым.

— Не знаю, что это такое. Болезнь опасна?

— Как сказать. Я уже говорил — у Ани муж козлом был. Ну, и заработала она с ним за годы совместной жизни сексуальное расстройство. В общем, Аня равнодушна к сексу. Совсем.

Эйр изменился в лице.

— Мы... можем поговорить наедине? Наири, пожалуйста, вернитесь в свою комнату — одной вам оставаться нельзя.

Анна безропотно выполнила просьбу. Щеки её полыхали, в глазах стояли слезы. Она уже отвыкла от подобных унижений и искренне считала, что все в прошлом, развеялось, ушло из жизни вместе с бывшим мужем. И не ожидала удара в спину. В комнате бросилась на кровать и отвернулась от двери, обняв кружевную подушку. Ей снова захотелось умереть.

Антон и Эйр уединились в кабинете. Строгая отделка мореным дубом, массивный стол с компьютером и пустые книжные полки — рораг черпал информацию из Интернета.

Вот и теперь он набрал в поисковике интересующее его словосочетание. Антон посмотрел на подборку ссылок.

— Да что ты у железки спрашиваешь? Лучше меня спроси — я пока Аньку лечил, чуть в сексологи не перепрофилировался. Хочешь знать, насколько все плохо?

Эйр кивнул. Вышел из-за стола, снял с полки графин и два тяжелых стакана.

— Вы любите бренди?

— Не рановато? А, наливай. Не на сухую же тебе Аньку с потрохами сдавать. Взамен ты расскажешь мне все, что я хочу знать. Как на исповеди. Лады?

Эйра передернуло, но он кивнул и наполнил стаканы. Себе — едва на дно плеснул, Антону же налил почти до краев.

— Льда нет. Я люблю теплый.

— А лед не только для холода добавляется, так что самое то... без него. — Антон одним глотком осушил стакан и налил еще.

— В общем, болячка Анькина лечится. Правда, тяжело и долго. Я, грешным делом, даже обрадовался, когда понял, что ты на самом деле — инкуб.

Эйр уставился на Антона, приготовившись запомнить все до слова.

— И не смотри так — раздражает.

Эйр снова кивнул, но взгляда не опустил. Антон пожал плечами и продолжил:

— Обрадовался, что ты сможешь в ней страсть разбудить.

— Наири не отреагировала на мою магию. Да и я её желания не чувствую.

— Плохо, — Антон повертел в руках стакан. — Вопросы есть?

— Как это вылечить?

— Терпением. Аня должна возродиться. Понять, что может сводить с ума, кружить головы... Что она желанна... А главное — поверить в это.

— Значит, пока Наири больна, удовольствия от близости не будет?

— Почему же? Агедония не подразумевает отказа от всех радостей жизни. Просто... Ане безразлично, есть у неё секс, или нет.

— Тогда ничего страшного, — Эйр тут же успокоился и пригубил бренди. — Для нас это не критично.

Антон вздохнул:

— Не торопись делать выводы. Если пустить болезнь на самотек, наплевать на желания Аньки, получим аноргазмию. К тому же подозреваю, она не все мне рассказала. Возможно, у неё есть козыри в рукаве... Например, некоторые женщины, пока мужчина пыхтит, старается, лежат себе и думают, какая сумочка подойдет к новым туфелькам. И плевать им на плотские радости.

Эйр кивал, не забывая подливать собеседнику бренди. И ждал.

Антон опьянел быстро. Уже сам подставлял стакан, выпивал залпом.

— Ты понимаешь, что я сейчас творю? Нееет, не понимаешь. Я разглашаю врачебную тайну. А значит, грош мне цена как специалисту. Но... — Антон вдруг передумал пить, оттолкнул стакан так, что тот проехался по полированной столешнице и замер у края. — Но я еще и друг. И надеюсь на излечение Аньки. Иначе фиг бы ты из меня хоть слово вытянул!

Действие спиртного усиливалось с каждым глотком. Антон задремал. Эйр прислушался к дыханию и бесшумно пошел к двери.

— Ты куда направился? А уговор?

Эйр развернулся, принимая боевую стойку. И встретился с ясным взглядом Антона.

— Решил напоить, чтобы неудобных вопросов не задавал? Или выведать что хочешь? Только вот у меня резистентность к алкоголю высокая, не пьянею я. Так что теперь твоя очередь отвечать.

Эйр вернулся. Уселся напротив Антона и серьезно спросил:

— Что вы хотите знать?

— Да все то же. Кто убил вашу Наири. И кто охотится за Аней. Это... одни и те же люди?

— Не люди — демоны. Сариты.

Эйр устало вернулся в кресло.

— Наверное, сначала стоит рассказать об устройстве нашего мира. И о демонах. Ваше представление о нас чаще всего ложно.

— И об инкубах тоже?

— Нууу... Например, тут знают, что демоны делятся на высших и низших, а вот дальше начинается темный лес.

А вам известно, что мы, низшие, живем в своем собственном мире, который к преисподней никакого отношения не имеет? И что мы смертны? Конечно, убить нас труднее, чем человека. Да и срок жизни не сопоставим, и все же... И с высшими мы ничего общего не имеем. Даже не видели их. Примерно, как люди — ангелов. Ходят слухи, что они существуют, но в основном в легендах. Вот так и у нас.

— И после смерти вы отправляетесь в ад? Или для вас это рай?

— Если бы, — губы Эйра скривились в горькой усмешке. — Мы не имеем бессмертной души. А значит, лишены посмертия. Кстати, именно это вызывает у некоторых лютую зависть к роду людскому. Демоны — сильные, обладающие многими знаниями, уступают в итоге слабым, никчемным людям, срок земной жизни которых ничтожен.

— Не такие же мы и никчемные...

Эйр услышал бормотание и резко ответил:

— Это все философия. Сейчас о другом говорим. Устройство нашего мира, если не брать во внимание некоторые нюансы, очень напоминает ваше. Такие же горы, равнины, моря... И государства. Только у вас нации, а в нашем мире гнезда. Они делятся на Дома.

— Погоди. Так Эстрайя — это что? Мир, или страна?

— Государство инкубов. Надеюсь, обо всей географии не спросишь?

— Хотелось бы, но не сейчас. Почему Аню убить хотят? Самоубийцы у вас там, что ли?

— Это не мы. Для нас прана необходима для продолжения рода. Но у других демонов все иначе. Не всем им нужны люди. А вот земли... У вас же бывали войны за новые территории? — дождавшись кивка от Антона, Эйр продолжил: — Та же история. Но гнездо инкубов сильно, в открытом противостоянии мы немало врагов с собой прихватим. Поэтому они пошли на хитрость. Без Наири... Пройдет несколько столетий, и Эстрайя опустеет.

— Недолго ждать придется?

— Что демонам с десятков-другой веков?

— Так время же на вас играет! Можно найти выход...

— Мы и нашли. Анну. Но теперь сариты охотятся за ней. Сумеют — уничтожат. А заодно, если получится, и весь людской род. Они не на энергию человеческую заточены, а на души. Знаешь, это такой энергетический сгусток, который отделяется от тела в момент смерти? Тогда, кроме Эстрайи, саритам еще и Земля под ноги ляжет.

— Точно самоубийцы! Души иссякнут, где они запасы пополняют? Или этот ресурс неисчерпаем?

— Если бы! Я тут поглядел немного... в этом мире основные войны велись за определенные ресурсы — золото, платину... Сейчас вот — нефть. И сосредоточены основные запасы, как правило, в руках нескольких кланов. Я все верно понял?

— Ну, в общем — да.

— Вот так и сариты. Оставят некоторое количество людей "на племя", и будут держать как скот. Ну, и сражаться за него.

— Подавятся, — буркнул Антон.

— Не будьте столь самоуверенным! Хотя против демонов у вас есть оружие...

— И что же это?

— Вера. Чистая, непоколебимая. Но не слепая. Правда, немногие так умеют. Чаще в крайность впадают, становятся или атеистами, или религиозными фанатиками. Поэтому ваш мир обречен, если Эстрайю не отстоим.

— Вот значит, как...

Мужчины вздрогнули. В дверях стояла Анна. Сонная и сбитая с толку.

— Ты пытаешься найти союзника среди моих друзей? — грустно обратилась она к инкубу. — Думаешь, получится?

— Нет, Наири. Я просто рассказал, как есть.

Эйр не опустил взгляда, не смутился. И в этот момент Антон поверил ему безоговорочно.

В блестящих глазах Анны обида смешалась со слезами. Многомесячные мытарства по больницам, похищение из родного дома, а теперь еще и предательство близкого человека рыданиями вырвались наружу. Эйр побледнел, не зная, что делать. Антон же оказался в своей стихии. И очень обрадовался истерике:

— Плачь. Плачь. Навзрыд. Станет легче.

Его сильные руки обхватили Анну за плечи, прижали к груди, нежно гладили по растрепавшимся волосам... Но Анна возмутилась. То, что она позволяла другу, для предателя было слишком. Когда оттолкнуть Антона не получилось, змейкой выскользнула из его объятий и отвесила звонкую пощечину:

— Ты не только звание врача опозорил. Ты испоганил дружбу. Убирайся! Эйр! — имя инкуба она прокричала навзрыд, теряя силы от плача: — Вышвырни его отсюда!

— Подожди!

Эйр остановился на полпути.

— Я сам уйду. Но сначала... Аня, пойми — здесь, в этом мире, тебя некому защитить. Они разорвут тебя на клочки, ты сама видела, как это бывает...

— И поэтому я должна стать искупительной жертвой? Отправиться в эту проклятую Эстраю? Спасти наш мир? А заодно — и их? Так вот, Антон. Я не святая. И не мученица. И мне плевать на Эстраю. Мне даже плевать, что будет с нашим миром, если ценой его спасенья — я сама. Я жить хочу, понимаете вы? Просто жить. В своей маленькой квартирке. Работать, пусть и по сумасшедшему графику. Отдыхать с друзьями, выезжать на шашлыки, купаться в море... Я не желаю становиться Спасителем.

— Анечка! — Антон все же сумел обнять её снова. — Ну, о чем ты говоришь? Какой Спаситель? Тебя саму спасти надо. И от болезни, и от демонов. Кто в этом мире сможет это сделать? Скажи мне, я найду его и приведу к тебе. Но боюсь, между тобой и смертью стоит только Эйр и эти, как их... рораги?

Поток слез казался неиссякаемым. Агрессивность пропала, Анна плакала, прижавшись к груди Антона. Вскоре рубашка стала совсем мокрой, но он не обращал на это внимания. Шептал ласковые слова, гладил по плечам, спине, успокаивал, как ребенка. Эйр отступил и наблюдал за ними со стороны, не вмешиваясь.

Наконец Анна, всхлипнув в последний раз, вытерла глаза. Антон повернул её к свету и укоризненно покачал головой:

— Ну, посмотри, на кого ты похожа. Лицо опухло, глаза — щелочки... Пойдем, умоемся.

Властный голос Эйра прервал идиллию.

— Лаир! Проводи Наири и помоги ей. А вас, господин Антон...

— А господин Антон сейчас позвонит жене и предупредит её, что сегодня вряд ли домой вернется — работа, — Антон приготовился действовать.

— Наири приказала...

— Наири передумала. Не веришь — спроси сам. Неужели ты думаешь, я её в таком состоянии оставлю? Она же на грани срыва. Кстати, вы все лекарства купили?

— Да, по списку.

— Хорошо. Надеюсь, обойдемся таблетками, до уколов не дойдет. А теперь... Эйр, подтверди, что поступаю правильно? Что не отдаю Аньку на мучения?

— Вы мне не верите?

— Пока не совсем. Расскажи мне еще о вашем мире...

Грохот заглушил слова Антона.

— Что это? Кто-то стену пробил?

Но Эйр уже его не слушал — он мчался вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Антон кинулся следом.

Из развороченного дверного проема доносились крики и рычание. Антон осторожно

заглянул в комнату.

Окна, которое занимало всю стену, больше не было. В образовавшейся дыре скалились искореженные перила когда-то изящного балкона.

За перевернутой кроватью лежала, вжавшись в пол, Анна. Её визг рвал барабанные перепонки, но по сравнению с ревом, доносящимся снаружи, казался комариным писком.

На первый взгляд, опасность ей не угрожала. Антон подобрался к окну. Под ногами хрустело стекло — осколки окна, люстры и остатки мелких, милых женскому сердцу мелочей. Раскуроченная мебель мешала пройти. Анна постепенно затихла. Визг сменился всхлипами. Антон быстро развернулся и перехватил подругу, не давая подойти к окну. Происходящее во дворе могло окончательно угробить и без того пошатнувшуюся психику.

Внизу катался клыкасто-зубастый клубок. Сплетенные тела то и дело ударялись о деревья, отчего стволы с треском ломались. Вывороченная плитка валялась по двору осколками былой роскоши.

Вокруг всего этого безобразия прыгала Лаир, пытаясь достать врага черными когтями. Но слишком близко не подходила даже она.

От очередного удара содрогнулась беседка. Наткнувшись на препятствие, которое устояло перед натиском, клубок распался на две фигуры. Антон узнал Эйра в боевой трансформации, второго демона он видел впервые. Но что-то неуловимо знакомое было в движениях, в повороте головы и манере держать спину.

Хриплый звук дыхания долетал до второго этажа. Анна его тоже слышала, и, вывернувшись, все-таки пробилась к окну. И тут же отпрянула. Но рычание и треск ломающихся костей настиг её в углу, в котором она пыталась спрятаться от действительности.

— Аня, Анечка... — кинулся к ней Антон. — Ну что ты, не бойся. Эйр защитит тебя, он обещал...

— Да при чем тут Эйр!

Светло-карие глаза широко распахнулись. В глубине, из озера слез, поднимался темный ужас, грозя затопить сознание.

— Ты на второго посмотри...

— А что? Такой же демон...

— Не узнаешь? Это... Инна Петровна!

Антон выглянул на улицу. Инну Петровну он видел всего один раз, но пожилая женщина произвела сильное впечатление умением себя держать. Холодея, Антон понял, что именно её и напоминало чудовище.

Рядом с инкубом она казалась малышкой. Но на самом деле рост Инны Петровны превышал обычный человеческий. Черты лица исказились до неузнаваемости, в глазах словно адское пламя полыхало. Изящные когда-то руки превратились в уродливые лапы, и каждый палец заканчивался толстым загнутым когтем.

Волосы, в прошлый раз уложенные в аккуратный пучок, сейчас растрепались, взлетали в движении, напоминая клубы темно-пепельного дыма. Ниже плеч "дым" темнел, укутывая силуэт призрачным плащом. И эту завесу Инна Петровна мастерски использовала. Передвигалась, скрывая движения, делала стремительные выпады. Эйр то и дело пропускал удары, ему приходилось несладко. Помощь Лаир пришлась кстати — она отвлекала внимание, давала возможность рорагу перевести дыхание.

— А он не так уж и силен, — Антон отвел Анну подальше от окна. — Как он собрался

тебя защищать?

Анна не ответила. Она обхватила голову руками и затихла. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы последние месяцы оказались кошмарным сном. Удушающим, заставляющим проснуться в холодном поту и слезах, но — сном.

Однако раны все еще болели, и шум со двора не давал шанса забыть, что все происходящее — реальность.

— Ты куда? — Антон попытался перехватить вскочившую Анну, — Сиди, где сидишь!

— Хватит, надоело! Только и слышу — сделайте это, сделайте то... Ощущение, что моя жизнь от меня больше не зависит. Ну уж дудки! Я буду жить так, как хочу, и плевать мне на всех инкубов, суккубов и прочую нечисть. А будут приставать — в монастыре спрячусь.

Антон тут же представил Анну в монашеской рясе. Помотал головой, отгоняя бредовое видение.

— Ты сама себя слышишь?

Но она не ответила — по лестнице простучали шаги, хлопнула входная дверь. Чертыхнувшись, Антон кинулся следом — оставлять Анну в таком состоянии одну было чревато.

Но в этот раз она не планировала безумств. Просто оббежала дом, выскользнула в приоткрытую калитку и заторопилась к трассе — уехать. Антон вскочил в свою машину:

— Садись давай. И не шуми. Попробуем смыться.

Попытка не удалась. Едва взревел мотор, железные ворота содрогнулись от мощного удара. Второй снес их с петель. В зеркале заднего вида отобразилась окутанная дымным туманом фигура, распластавшаяся над асфальтом. Инна Петровна кинулась в погоню.

Антон вдавил в пол педаль газа, нарушая все правила. Демон не отставал, расстояние между ним и машиной сокращалось. Когтистые лапы уже тянулись к бамперу, как сверху подоспела помощь. Распахнув крылья, Эйр рухнул на голову Инны Петровны и остался лежать на асфальте. Но и его противник распластался, оглушенный неожиданным нападением. Антон не стал выяснять, кто из них очнется первым, вывернул руль и «Шевроле» едва вписался в крутой поворот.

— Быстрее! — взвизгнула Анна.

— У меня не болид «Формулы один». Ты лучше скажи, камер много собрали? Хоть к штрафам подготовиться.

Анна фыркнула:

— Нашел о чем беспокоиться! Фиг с тобой — вытащишь меня отсюда, сама все твои штрафы оплачу.

— Так уж и все?

— А у тебя что, их много?

Анна усмехнулась и снова отвернулась к заднему окну, посмотреть, нет ли погони. Антон тоже то и дело поглядывал в зеркало. Дорога оставалась пустынной и, успокоенный, он не заметил пешехода.

— Черт!

Ругательство заглушил визг тормозов. Запахло жженой резиной — задымились покрышки. Машину развернуло, и она застыла на обочине.

Эйра перепуганные пассажиры не смутили. Он легко открыл дверь и уселся на заднее сиденье.

— Антон, я благодарю вас за заботу о Наири. А теперь, пожалуйста, верните её назад. Госпоже больше ничего не угрожает.

— Ты как вообще тут оказался? — Антон быстро отошел от шока. — Да и дверь я вроде блокировал.

Эйр только улыбнулся и тут же обеспокоенно перевел взгляд на Анну:

— Вы в порядке, Наири? Торможение было очень резким, а ваши раны еще не полностью исцелились.

Анна сидела, сжав зубы. Ей хотелось кричать, и не от боли, хотя ремень безопасности потревожил только-только сросшиеся ребра. Отчаяние рвало душу куда сильнее, чем черная лента — тело.

— Да пошел ты...

— Наири, простите, я не в силах выполнить ваш приказ, — Эйр казался совершенно серьезным. Тогда вы останетесь совсем без защиты.

— Как будто с тобой безопаснее. С одной женщиной справиться не мог. Кстати, что ты сделал с Инной Петровной?

— Оторвал голову. Потом вспорол живот.

Анна ахнула и тут же повернулась к Антону — её привлекли характерные звуки.

— Открой дверь. И дыши носом. Глубже. Вот так. Полегчало?

Антон, подавив рвотные спазмы, кивнул.

— Теперь понимаешь, что я права? Ай, чего уж там... Эйр, выбирай — ты выходишь и оставляешь меня в покое. Или же я сейчас вылезу, дотопаю пешком до трассы, поймаю машину и поеду в ближайшую церковь. Там на тебя управу найдут.

— Простите, Наири. Ни одно из ваших предложений неприемлемо. До трассы далеко. И кто гарантирует, что первый встречный водитель не окажется демоном?

— Как-то за тридцать два года жизни я с ними редко встречалась. Пока ты не появился.

Машина плавно тронулась с места. Антон возвращался в коттедж.

— Антон! Что ты... — рассердилась Анна, и в гневе повернулась к инкубу: — Это ты на него воздействуешь?

Тот только плечами пожал.

— Никто на меня не воздействует, успокойся, — встрял в разговор Антон. — Скажи, у нас есть альтернатива? Этот... инкуб не пощадил бедную женщину...

— Она больше не была человеком. Её телом завладели демоны. И, надо сказать, в вашем мире они сильнее меня. Мне нелегко пришлось. Простите, Наири. Но нам надо вернуться в Эстраю как можно быстрее, пока все не повторилось.

— Хочешь сказать, такое будет еще раз? — деревья за окном ускорили бег навстречу машине.

— Обязательно! — Эйр задумчиво кивнул. — Меня больше другое беспокоит. Дом раскурочен. Как я могу привести туда Наири? Могу вас попросить немного потерпеть? Жить

в развалинах не удобно, но есть и целые комнаты. А к завтрашнему дню я найду другое жилище...

После ответа Антона Анна демонстративно не обращала на инкуба внимания. Но теперь она резко отстегнула мешающий ремень и повернулась, готовая убивать. Несколько минут буравила Эйра взглядом, потом обратилась к Антону:

— Остановись.

— Зачем?

— Езжай к дому! — велел инкуб.

— Я сказала — стой! — гнула свое Анна.

Голос звучал ровно и очень спокойно. Так она разговаривала, сталкиваясь с тяжелым случаем на работе. И чем страшнее была катастрофа, тем тише — голос. Антон знал эту особенность и послушно свернул к обочине.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Аптечка где? Эйр, выйти из машины сможешь? Раздевайся.

— Наири?

— Вот только не говори мне, что вся кровь на тебе принадлежит Инне Петровне.

— Нет, — Эйр неожиданно легко согласился. — Большая часть — демонов.

— И твоя. Не корчи из себя героя. Я очень хочу, чтобы мы оказались на разных концах географии, но смотреть, как ты истекаешь кровью... Черт, кто составлял эту аптечку! — Анна лихорадочно копалась в недрах жесткой сумки с красным крестом.

— Стандартная, Ань.

— Вижу, что не реанимационная укладка. Половины нужного нет. Напомни потом, чтобы я тебе список составила, чем дополнить. А пока обойдусь. Эйр, я кому сказала?

— Наири, в этом нет необходимости...

— Это ты у себя командовать будешь. Запомни: я не жрица чего-то там, я — врач!

Антон рассмеялся, глядя на упрямое выражение лица инкуба:

— Лучше слушай, что она говорит. Когда дело касается больных...

Антон осекся, наблюдая, как Эйр снимает рубашку. Выверенные, и в то же время очень плавные, чувственные движения приковывали взгляд, заставляли забыть об окружающем. Мускулистое, но не перекаченное тело пересекало множество шрамов, совершенно не портя впечатление. Да что там, даже кровоточащие раны не казались чем-то кошмарным.

— Музыка включить? Сразу и стриптиз...

Голос Анны вернул Антона в реальность. Смутившись, он отвел взгляд, резко заинтересовавшись старой царапиной на дверце машины.

А Анна совершенно спокойно, словно не она только что устраивала истерику, открыла бутылку с перекисью. Жидкость зашипела, запузырилась, очищая раны. Эйр даже не поморщился, позволяя Анне делать все, что ей угодно.

— Бинтов мало. Дома надо будет еще раз обработать. Поехали.

Лаир ждала у ворот. Она успела принять обычный облик, а разодранное платье сменил голубой брючный костюм. Книксен в такой одежде выглядел довольно нелепо, но Анна не обратила на приветствие внимания. Быстро вошла во двор, отдавая по пути приказ:

— Принеси чистой кипяченой воды, перекись, хлоргексидин, или что там в аптечке есть. Да все тащи, что найдешь. И бинты. Как можно больше.

Перекиси и бинтов оказалось немного. Анна ураганом прошла по развороченному дому в поисках равноценной замены. Нашла ветхую, но чистую хлопковую простыню.

Сунула Антону:

— Нарезь на полосы сантиметров по десять-пятнадцать шириной. Да, рвать легче, чем ножницами клацать.

Антон тут же убедился в её правоте. Мягкая ткань с тихим треском расходилась на куски.

Эйр сопротивлялся, пока Анна не пригрозила привязать его к стулу. И грозно взглянула на Лаир, которая хрюкнула, пытаясь сдержать смех. Антон подмигнул смутившейся девушке и ехидно посмотрел на инкуба — во время работы Анна не терпела возражений. Ей было плевать на возраст и статус пациента, за нежелание получать необходимую первую помощь одинаково огребали как наркоманы, так и весьма солидные руководители крупных фирм.

Перекусь пошла на самые грязные раны. Остальные Анна промыла кипяченой водой и хлоргексидином. И нахмурилась, оценив масштаб:

— Тут бы швы наложить...

— Достаточно повязки, Наири. Поверьте, и так все заживет очень быстро.

— Ну, вариантов у нас нет.

На смуглой коже ткань казалась белоснежной. Как сливочный пломбир в хрустящем, чуть пригоревшем вафельном стаканчике. Антон с трудом отвел взгляд от перебинтованного Эйра, и тут же наткнулся на Лаир. Девушка с невозмутимым видом убирала обратно в коробку лекарства, безжалостно раскиданные Анной по столу.

— Вот, выпей. Это обезболивающее, — Анна протянула инкубу зеленую таблетку.

— Благодарю, Наири. Но мне не стоит его пить.

Эйр поклонился, вставая со стула. Ножки скользнули по заляпанному кровью ковру. Анна задумчиво оглядела таблетки, лежащие на ладони:

— Ты прав. Я же не знаю твою физиологию. У демонов она, наверное, другая.

— Отличий меньше, чем кажется.

— Тогда... — Анна было воспрянула духом, но Эйр остался непреклонным:

— Пусть Наири примет мою безмерную благодарность за то, что она снизошла до такого, как я. Этого вполне достаточно. Раны не настолько серьезные, чтобы вы беспокоились о них и дальше.

Ответом ему был яростный взгляд, но лечение Анна свернула.

— Если станет плохо — лучше сразу скажи. Не хочу вытаскивать с того света чело... демона, которого с удовольствием туда сама бы отправила.

— На все воля Наири. Если она желает, чтобы я умер, я передам это Его Величеству. Возможно, он выполнит вашу просьбу. Но до того времени придется потерпеть. Кстати, о потерпеть. Боюсь, эта ночь будет не очень комфортной. Ваша комната пострадала. Можете занять мою.

— Я против. Ты ранен, тебе нужен отдых.

— Наири, вам угрожает опасность. В таком состоянии я не смогу совершить Переход, да и рано еще. Поэтому...

— А вот тут я с Аней полностью согласен, — Антон решил вмешаться в перепалку. — В таком состоянии много не наохранишь. Давай сделаем так — сейчас ты пойдешь спать, а я и Лаир побудем с Аней. Если что-то случится...

— Неприемлемо. Рораг не может...

— Значит, хороший рораг — мертвый рораг?

Эйр устался на Анну. Смысл переименованной фразы ускользнула от демона.

— Ты тут полтора часа втираешь нам о своем желании умереть. Что же, извини, если помешала. Больше не буду.

— Наири...

Но Анна уже потеряла интерес к и принялась за Антона:

— А теперь ты мне скажи — что это было? Зачем поехал обратно? Договорились же...

— Ань, я не смог. Эти твари не отстали бы. Безопасность тебе только Эйр может обеспечить, — Антон горько усмехнулся. — Я тут как младенец, помощи от меня... Не мешаю — и ладно.

— Антоооон, — менторский настрой Анны мгновенно угас, она обняла друга за шею. — Ну какой же ты дурак! Ну, понимаю, меня Эйру вернул. Но сам почему остался? Я же сейчас как бомба замедленного действия. А у тебя семья. Уезжай. Я тут сама разберусь. И свяжусь с тобой, когда все закончится.

Антон резко вырвался из кольца обнимающих рук. В глазах полыхнул гнев. От злого крика вздрогнули стены:

— «Разберусь»? «Сама»? Ты меня за кого принимаешь? Ты...

— Антооон! — от гнева Анны и следа не осталось, теперь она пыталась успокоить разбушевавшегося друга. — Но и ты меня пойми: как я буду в глаза...

— А я? Как я буду смотреть ей в глаза? А тебе? Да я на свое отражение в зеркале взглянуть не посмею. Мужик — бросил женщину одну с черт знает чем разбираться.

— Как ты разговариваешь с Наири? взревел Эйр и протянул руку к Антону.

Но ничего не успел сделать. Анна моментально перешла от защиты к нападению и инкубу досталось сполна:

— Ты еще тут? Кому было велено отдыхать? Я, как твой врач, просто настаиваю на этом! Лаир, уведи уже его!

Бедная суккуб заметалась. Нарушить приказ Анны она не смела, но и пойти против воли рорага считала невозможным. Антон, глядя, как фиалковые глаза наполняются слезами, вздохнул:

— Наверное, нам всем следует успокоиться и поговорить. Пока мы не услышим друг друга, так и будем воевать.

— Вы правы, — Эйр накинул рубашку и поморщился от боли. — Мы не в том положении, чтобы ссориться. Наири, пожалуйста, прислушайтесь к этим словам.

— Почему нет? — Анна пожалала плечами. — В конце концов, это и в моих интересах. Антон, я тебе уже говорила, что ты очень умный?

— Хм. Слышал только, как дураком обозвала.

Анна пропустила шпильку мимо ушей. Удобно устроилась на стуле и вопросительно посмотрела на мужчин.

— Ну как есть — примерная школьница. Еще руки перед собой на столе сложи!

Анна немедленно последовала совету, и вдобавок, скорчила невинную рожицу:

— Ну, мне долго вас ждать? Эх, флажков не хватает!

— Каких флажков?

— Как на переговорах — флаги стран и корпораций. И прессы.

— Думаешь, надо?

— Наири, я считаю, что присутствие кого-либо при нашей беседе излишне, — Эйр занял стул напротив Анны.

— Скучный ты...

— Не обращай внимания, — усмехнулся Антон, глядя на метания инкуба. — Она сейчас еще и анекдоты рассказывать начнет. Анька всегда на стрессе так. Защитная реакция — шутит и смеется, хотя ей совсем не весело.

— Нервное, — Эйр понимающе кивнул. — Может, принести успокоительного?

— Нет! — Анна тут же перестала зубоскалить. — Решать свою судьбу я хочу в трезвом уме, а не под кайфом! Чего уставились?

— Знаешь, Ань, тебе так больше идет.

— Что? — Анна уставилась на Антона.

— Это вытащило тебя в прошлый раз, помогло и теперь. Работа, Аня. Ты врач до мозга костей. Посмотри, начала — и остановиться не можешь. Эйра у тебя отнимать пришлось, — Антон улыбался, но был готов отскочить в любой момент. — Ну, чего остановилась? Хочешь чем-нибудь в меня кинуть?

— Хочу! — Анна раздраженно мотнула головой. — Закончил язвить? Выкладывайте теперь свои планы на меня. Кто первый докладчиком будет?

— Если Наири позволит — я.

Эйр молчал какое-то время, собираясь с мыслями. Что сказать этой женщине, чтобы она успокоилась и полностью доверилась ему? Нрав будущей Наири пугал, да еще это бесстрашие... Сариты тоже словно обезумели, это надо же — вселить демонов в тело человека! Значит, опасаются возвращения госпожи. В фантазии врага рораг не сомневался, и сейчас, сидя напротив Анны, очень боялся не справиться. Все же один против многих. И совсем без магии, которая в этом мире почти не действует, несмотря на то, что от праны воздух буквально светится... Хорошо еще, о трансформации думать не надо — она проходит мгновенно. Остается молиться только об одном — не опоздать, быть рядом во время нападения... Эстрайе нужна эта женщина.

Измученный постоянными бросками стул скрипнул, когда инкуб сел ровно, собираясь говорить.

— Все уже поняли, что демонам нужна вы? Но гарантировать безопасность Наири я могу только в Белом Храме Эстрайи. Там я буду не один. Да и вся страна поднимется на вашу защиту.

Ладонь Антона сжала плечо Анны, не давая ей вскочить.

— Он прав. Аня, подумай. Сомневаюсь я, что все священники нашего мира сумеют их остановить.

— Конфессий много. Христиане, мусульмане, буддисты. Языческих верований сколько... Какая-нибудь да поможет.

— Нет, Наири. Вы ведь... не верующая? А в этом мире с саритами может справиться только вера. Искренняя, чистая, безудержная. Враги рано или поздно доберутся до вас. И у скольких людей они заберут жизни, я не знаю. Могу лишь предполагать, что много.

— Я не верю, — Анна убрала руки на колени, чтобы собеседники не увидели, как длинные ногти до крови вонзаются в ладони.

— Воля ваша, Наири. Но я говорю то, что думаю. Только в Эстрайе есть достаточно обученных воинов, чтобы противостоять врагам и сохранить вам жизнь.

Антон молча кивал, слушая уговоры. Но Анна не решалась.

— То есть, я должна бросить все: дом, работу, друзей... Да какое там — вы мне всю жизнь коту под хвост пустить предлагаете! Ради чего? Хотите сказать, что эти вот твари, черт бы их побрал, могут вынудить меня драпать?

— Наири, они не успокоятся... Здесь с ними не справиться. Только в Эстрайе...

— Что я там буду делать? Скучать о былой жизни и спать со всеми инкубами подряд?

Или думаешь, я забыла, зачем ты за мной сюда приперся?

Эйр ничуть не смутился.

— Нет, Наири. Вы сами выберете себе пару. Человек, инкуб или иной демон... Если он вам понравится — он будет ваш. Но никто и никогда не посмеет требовать любви Наири против её воли.

— В общем, за спасение жизни мне предлагают стать проституткой. Антон, как думаешь, справедливая цена? Ты бы согласился на такую судьбу для Ольги?

Антон отвел взгляд. Он разрывался между желанием спасти жизнь Анны, и ценой за это.

— Наири... Вы не правы, — продолжил уговоры Эйр.

— Заткнись. В общем, я решила — никуда я не пойду. Забирай Лаир и возвращайтесь в свой мир. А тебя, Антон, очень прошу — забудь о нашем знакомстве. Ты прекрасный друг, но сейчас рядом со мной опасно. Я не хочу, чтобы твоя смерть была на моей совести.

— А... ты что будешь делать?

— Попробую выжить. Не получится — значит, судьба такая.

— Сама себя слышишь? — зло спросил Антон.

— Это недопустимо, — кулаки Эйра сжались так, что побелели пальцы. — Наири — последняя в роду. И — последняя надежда Эстрайи.

— Тогда предлагай что-то реальное! Но о той своей идее забудь — я на такое не подпишусь!

Анна уперлась подбородком в сложенные ладони. Пристальный взгляд разве что дыру не сверлил в инкубе.

Эйр задумался. А потом тихо попросил:

— Наири, найти подходящего человека на вашу роль нелегко. Для этого нужно время. А до тех пор нам нельзя рисковать. Возможно, вы согласитесь отправиться в Эстрайю лишь на время? Я обещаю, если не приживетесь — мы найдем замену. Я лично искать буду. А вы вернетесь в свой мир.

— В чем подвох?

Ножки стула заскребли по истерзанному паркету, когда Эйр резко встал. Вытянулся в струнку, прижал правую руку к груди. Речь его изменилась — он говорил, четко формулируя фразы:

— Я, рораг королевского Дома даю слово — никто не посмеет требовать от вас больше, чем вы согласитесь дать сами.

— Почему я должна тебе верить?

— Залогом клятвы рорага — его жизнь.

— И все это время я буду... — Анна взмахнула рукой, жестом формулируя фразу.

— Нет. Я уже дал слово — никто не прикоснется к вам без вашего согласия. Мы будем терпеливо ждать. Я умоляю, — голос Эйра сорвался, а он сам упал на колени. — Я молю вас, сжальтесь над моей бедной страной. Верните ей если не жизнь, то хотя бы надежду.

Анна спрятала лицо в ладонях. Тяжелый вздох заставил колыхнуться выбившуюся прядь длинной челки.

Само время словно замерло, не решаясь прервать беседу.

Антон молчал. Эйр застыл, готовый скорее умереть, чем подняться без согласия Анны

отправиться с ним.

— Как же все это достало! Ну отстаньте вы от меня, а? Ну пожалуйста!

Плачущий, усталый голос совершенно не напоминал тот, которым Анна отдавала указания еще совсем недавно, во время перевязки. Антон встревожился — такая быстрая перемена настроения тревожила.

— Ань? Аня?

— Ну что вам еще надо?

С осунувшегося лица смотрели усталые глаза. Ни блеска, ни озорных чертенят, что всегда резвились где-то в глубине. Перед Антоном сидела забитая, потерявшая веру в жизнь женщина.

— Анют, ну нельзя так. Давай, ты сейчас отдохнешь, выспишься... Хочешь, я тебе «коктейль дервиша» накапаю? Вот так... — Антон протянул Анне ложку с лекарством. — А потом, как успокоишься, мы снова соберемся, и поговорим. Ведь это не к спеху, верно, Эйр? Сейчас же отправляться никто не заставляет?

Эйр дернулся было возразить, но тяжелый взгляд Антона пригвоздил его к месту. Инкуб торопливо закивал:

— Сейчас нельзя. Наири должна прийти в Эстраю в благоприятный для этого день. А до него ждать еще около месяца.

— О нет! — тяжелый стон-вскрик вырвался из груди измученной Анны. — Терпеть все это еще целый месяц! Но хоть его-то дайте мне прожить спокойно!

— Невозможно, Наири. Сбить демона со следа нелегко. И ваш они точно не потеряют. Сариты искали вас параллельно с нами, и нашли одновременно. При том, что информации у нас было больше.

— Прекрасно. Мои убийцы опытнее моих защитников. Конечно, это меня должно успокоить. Антон, где там коктейль? Наверное, одной ложки будет мало.

Анна забрала пузырек с лекарством и глотнула прямо из него. Закашлялась, задохнувшись спиртовой настойкой и долго ругалась, выпуская пар. Но «коктейль дервиша» начал действовать. Голос становился все тише, и вскоре Анну сморило. Она перебралась на диванчик, стоящий тут же, и отрубилась.

— Думаю, проспит часа три, — Антон убрал лекарство в сумку. — Укрыть бы — она всегда во сне мерзнет, даже в жару.

Эйр тихо позвал Лаир. Девушка принесла мягкое покрывало и бережно укутала спящую. Потом так же бесшумно вышла.

— Ты, я так понимаю, отдыхать не намерен? — Антон устроился на стуле напротив инкуба.

Тот покачал головой:

— Невозможно. Наири сейчас угрожают, нельзя пропустить очередное покушение.

— Понятно, — Антон вздохнул, потом резко посерьезнел. — Ты гарантируешь, что выполнишь все обещания?

— Я дал слово рорага. Но и без него с головы Наири не упадет ни один волосок.

— Волосок... А сама голова? Её ведь можно снять, не повредив прическу.

— Человек! — Эйр взревел, но тут же затих, опасаясь разбудить Анну.

— Да тише ты! — Антон поспешил успокоить инкуба. — Понимаю, неприятно слышать, но... это может оказаться правдой. Ты тут клялся всем на свете, что пока жив, не позволишь никому причинить ей вред. А если с тобой что случится? Или ты бессмертный?

— Нет, конечно. Но слово главы королевских телохранителей не перестает действовать с его смертью. За его выполнением следят остальные рораги.

— Все равно. Гарантии. У Ани они есть? Как она сможет вернуться, если ты вдруг нарушишь слово? Не кипятись, я так, варианты просчитываю.

— Можешь не трудиться. — Эйр перешел на «ты». — Нет других гарантий. Все расписки... их уничтожить легко, да и в чужих руках они приведут к катастрофе. А научить Наири открывать Туннель невозможно. Для этого надо демоном неслабым быть. Я, например, не могу.

— Интересно, — Антон пошарил в уцелевшем баре и плеснул себе виски. Лед растаял, пришлось пить так. — И к какой катастрофе может привести подписание бумажки?

— Я так понимаю, обычная подпись тебя не устроит.

— Верно.

— А если запечатать магией... сильный демон, или достаточно умелый маг смогут через энергетический след выйти на стороны договора. И подумай сам, что в итоге получится может...

— И все же, хоть какие-то гарантии.

— Они того стоит?

— Не знаю, — Антон одним глотком допил виски и сменил тему. — Ты дом не покупал ведь? Как с хозяином разбираться будешь?

Эйр пожал плечами:

— Не проблема. Золота хватит, чтобы с десяток таких коттеджей купить. Кстати, а где полиция? Пол улицы в хлам...

— Скоро будут. Что им скажем?

— Я найду, что. А вот вас с Наири к тому моменту тут быть не должно. Можешь увести её и Лаир в гостиницу?

— Могу. Хотя нет. Я выпил. Чтоб ты мне десятью минутами раньше сказал...

— Ну, выпил ты немного... Поэтому поторопись. Лаир! Собери все необходимое, но быстро. Наири пока не буди, пусть отдыхает.

— А прав лишат? Или, то хуже — влечу в кого? Под градусом ведь!

Эйр отмахнулся. Он собирал раскиданные по столу бумаги. Часть сжег тут же, на металлическом подносе.

Антон уже собирался выйти, как с диванчика раздался стон. Анна двигалась во сне, оглаживая тело руками. Казалось, одежда ей мешает, и она старалась раздеться.

— Опять кошмары, — Антон протянул руку, чтобы разбудить подругу. — Немудрено, что депрессия возвращается. Эйр... Эй ты чего?

Инкуб перехватил Антона за запястье и крепко сжимал, не позволяя прикоснуться к Анне. На его губах впервые за долгое время играла улыбка.

— Это не депрессия. И вообще — не болезнь. В госпоже пробуждается Лилит!

— Что за хрень ты тут городишь! — вырвал Антон руку. — Думаешь, она от удовольствия стонет? или ласкает сама себя? Проснется опять в слезах. Пойми ты — Анька чужие прикосновения на дух не переносит. Даже друзей, и то не всех терпит. Поэтому хватит нести чушь!

— Не буди! — взмолился Эйр. — Уставшая она. Я лучше сам ей в машину перенесу.

— Ага. Посмотри на себя. Еще упадешь. Тебе ничего, восстановишься, а Ане полет по ступенькам противопоказан.

— Тогда ты?

— А я жить хочу. Анька если узнает, что я её на руках таскал, как кисейную барышню, голову мне оторвет. Ты лучше подушку в машину отнеси — она наверняка всю дорогу проспит.

Так и вышло. Едва оказавшись в машине, Аня снова заснула, даже не поняв, что её куда-то везут. Лаир, положив две большие сумки в багажник, устроилась рядом с Антоном.

Эйр долго смотрел вслед машине, потом вернулся в дом. Впереди были неприятный разговор с полицией, разборки в хозяином дома и скандал с соседями. Еще предстояло подыскать новое жильё. Эйр возблагодарил небеса, что кабель Интернета не пострадал. Мобильный телефон, это хорошо. Но в данном случае ноутбук удобнее.

Но, щелкая по вкладкам, инкуб ни на минуту не переставал беспокоиться — ему пришлось выпустить Анну из поля зрения. На Лаир он больших надежд не возлагал. А ещё раздражал Антон — не будь его, Наири уже давно бы сдалась. Люди очень часто бесили Эйра настолько, что он с трудом сдерживал эмоции — тратить силы на бесполезное занятие инкуб не имел права.

Антон выбирал гостиницу на свой страх и риск. Эйр со всем согласился заранее:

— Все равно, сколько они запросят за номер. Главное, гостиница должна быть приличной, с вышколенной обслугой. И хорошей кухней.

Загородная «Усадьба» подошла как нельзя лучше. Двухэтажный особняк за высоким ажурным забором. Просторный номер с двумя спальнями, большой гостиной и крохотной кухонькой, на которой можно было разве что сварить кофе и быстренько сделать бутерброды. Анна, придерживаемая под руку Антоном, добралась до кровати и рухнула досыпать. Сам он без сил опустился в кресло, спрятав лицо в ладони — он прекрасно сознавал риск, садясь за руль не совсем трезвым, поэтому ехал как никогда аккуратно. И радовался нервной дрожи — она помогала протрезветь.

— Комнат мало, — Лаир по хозяйски осмотрелась. — И готовить негде.

— Тут хороший ресторан, можно заказать еду в номер.

Лаир не ответила. Но взглядом выразила все, что думает о стряпне людей. И продолжала настаивать:

— Комнат мало. Одна спальня — для Наири. Вторая — господину Эйру. Мне придется ютиться на кухне. Не могу же я занять гостиную!

Антон нерешительно осмотрелся:

— Может, снять еще номер?

— Зачем? Господин Эйр не отойдет от Наири, да и мне нужно быть рядом с ней. К тому же, это не надолго, мы скоро переедем в достойное госпожи жилье. А пока... вы можете позвонить и заказать несколько видов сока и молока? Наири проснется, пить захочет. Не воду же ей предлагать!

Антон послушно поднял телефонную трубку. Сделав заказ, направился в комнату, отведенную инкубу.

Лаир приводила её в жилой вид. Распахнула занавески на высоком окне, и теперь раскладывала вещи, которые Эйр отправил с ними.

Склоняющееся к закату солнце золотом обливало тонкую фигурку. Паркет блестел под босыми ногами Лаир, а она поднявшись на цыпочки, тянулась к верхним полкам шкафа. Антон застыл — свет из окна бил в глаза, мешая смотреть, зато насквозь просвечивал летнее платье, превращая тонкий хлопок в невесомую кисею. В волосах Лаир, разметавшихся по плечам, запутались солнечные зайчики.

Услышав, что кто-то вошел, она повернулась. Золотой свет заходящего солнца тут же облил высокие скулы. Миндалевидные глаза затянуло поволокой, по мягким губам пробежался кончик языка и быстро спрятался за влажными жемчужинами зубов.

Не помня себя, Антон шагнул в комнату, закрывая дверь. Лаир подалась навстречу, дыхание приподнимало высокую грудь и тихий, неразборчивый, но такой мелодичный шепот заглушил остатки здравого смысла.

Тело плавилось в руках. Капли пота утренней росой сверкали в лучах нескромного солнца. Пряное дыхание Лаир касалось лица, скользило по губам, проникало в легкие, кружа голову. Жаркое марево страсти скрывало реальность, и звук, пробивший грезы, был чем-то чужеродным. Он казался таким незначительным, но Антон ухватился за него, чтобы

вырваться из водоворота. Реальность на миг вернула разум, но Лаир обвила его шею руками, выдохнув прямо в губы протяжный стон, и остановиться оказалось невозможным.

Сладкая нега. Смятые простыни. Зеркало — немой свидетель произошедшего — отразило все. Совесть заставляла корчиться в муках, но телу совсем не было стыдно. Антон оттолкнул от себя Лаир, ощутив жар её кожи. Наваждение уже прошло и, одевшись, он вышел, отводя глаза.

В гостиной царил полумрак — солнце успело скрыться, но в окно врывается свет уличного фонаря. Тревожили мысли о странном звуке. Послышалось, или действительно кто-то заглядывал в комнату?

— Она знает.

— Что?

Задумавшись, он не услышал, как Лаир вышла следом.

— Наири. Она все видела.

Антон оглянулся. Суккуб закинула руки за голову, закалывая волосы. Грудь от этого простого движения приподнялась, линии изогнувшейся спины поражали совершенством. Красивая кукла. Античная статуя, главная ценность музея. И все. Никаких чувств, кроме этих. Да и ей Антон был уже не нужен.

— Черт!

У Аниной двери он задержался. Рука замерла, не решаясь прикоснуться к шоколадного оттенка дереву. Антон понял, что боится. Если Лаир не соврала, как он посмотрит в глаза Анне? Врач, ратовавший за сдержанность, убеждающий пациентов, что все в их воле, и что всегда можно остановиться в полушаге от пропасти.

Он оглянулся на Лаир. Она уже ушла. Из ванной доносился плеск воды. Почувствовав себя одинокой песчинкой в космосе, Антон постучал. Шквал эмоций, которые обрушит на него Анна, лучше холодной пустоты, образовавшейся где-то в глубине живота.

Ответа он не дождался. Встревожившись, толкнул дверь. За ней его встретила темнота.

Опущенные жалюзи отсекали свет стилизованных «под старину» фонарей, в избытке понатыканных на пригостиничной территории. Нащупав выключатель, Антон нажал кнопку. Плоская витражная люстра усеяла комнату осколками радуги.

Анна сидела на кровати, обняв колени руками. Растрепавшаяся челка закрывала опущенное лицо плотным покрывалом. Женщина не пошевелилась, когда Антон подошел поближе.

— Ань?

Молчание. И — шлепок по протянутой руке.

— Прочь!

— Ты чего?

— Не догадываешься?

Антон разозлился. Он и так ругал себя последними словами за слабость. И как мужа, и как врача. Нашелся психолог — с примитивным инстинктом не совладал! О том, что эти «примитивные» инстинкты на деле оказываются самыми сильными, он решил забыть. И еще... Это Ольга Его жена могла кричать, обижаться, драться, наконец. Но не Анна! Она — всего лишь друг, и лезть в личные дела его семьи не имеет права!

— Прекрати ломать комедию. Ну, переспал, и...

— У тебя совесть есть?

Она подняла голову, глядя снизу вверх. Пряди волос сбились, открывая воспаленные

глаза. Опять плакала.

— Ты хоть представляешь, что натворил? Антон, я, конечно, все понимаю. Лаир — суккуб, и, кажется, человеку на самом деле невозможно противостоять её чарам. Но ты мог хотя бы шифроваться получше? Как я теперь Ольге в глаза смотреть буду? После того, как видела тебя кувыркающегося с другой женщиной?

— Все верно, — голос у Антона охрип от волнения. — Это наваждение, по-другому и не сказать...

— Оправдания ищешь? Низко.

— Низко? — Антон пожал плечами. — Согласен! Но корить я себя буду потом. Сейчас нельзя расслабляться.

Он врал не Анне, он врал самому себе. И от понимания собственной лжи становилось только хуже. Не пожалеет он о случившемся. И ругать себя не будет. Свалит все на суккубскую сущность Лаир и успокоится.

— Чего усмехаешься? — шмыгнула носом Анна.

— Да так, раскладываю по полочкам свой внутренний мир. Глупо получилось. Но давай не будем об этом. У нас есть другие проблемы, посерьезнее. Ты выпалась? Успокоилась?

— Успокоишься тут...

— Тогда сейчас еще лекарства дам. Но сперва поешь. Я схожу гляну, что там в холодильнике есть. И заказ...

— Уже принесли, — Лаир спокойно вошла в комнату. — Наири, вы что желаете? Доставили вишневый сок и банановый нектар.

— Наири желает, чтобы ты вышла и не показывалась ей на глаза, — Анне удалось остаться нарочито-спокойной, но в сторону Лаир она старательно не смотрела. — Если мне что-то понадобится, я в состоянии сама себя обслужить.

Суккуб присела в поклоне и испарилась.

— Есть хочешь? Я закажу.

— Нет. Кофе хочется...

— Нельзя. Как твой лечащий врач...

— Антон, — голос Анны был тих и невзрачен. — Как мой лечащий врач... не пошел бы ты... далеко — далеко...

— Понял. Что хочешь? Латте, капучино, глясе?

— Очень крепкий, сладкий и со сливками. Помнишь, какой чудесный кофе варил Петя?

— Никифоров? — оживился Антон. — Помню. Все-таки зря он в медицинский пошел. Ему баристой быть — самое то. Ну, — Антон поднялся. — Как у Пети не обещаю, а вот хороший, крепкий и сладкий — вполне. А если еще и сливки найдутся... Черт!

Он замолчал. Вспомнил, что там, в кухне, обосновалась Лаир. Общаться сейчас с ней не было никакого желания.

— Боишься в глаза своей нечаянной любви взглянуть?

— Аня!

— Молчу. Пойду, сама сварю. Если есть, из чего.

— Я могу в магазин сбегать.

— Надо было что-то купить?

Одновременно с вопросом включился свет в гостиной. Эйр стоял, переводя взгляда с Анны на Антона. Потом одна бровь его поползла вверх. Но инкуб быстро справился с собой, и его лицо вновь стало непроницаемым.

— Аня кофе хочет.

— Можно заказать.

— Не надо. Незачем. Я просто хочу большую кружку сладкого кофе со сливками. Но ни к чему превращать это в китайскую церемонию!

Эйр еще раз оглядел людей и, легко поклонившись Анне, скрылся за дверью кухни.

Лаир сидела на высоком барном стуле. Перед ней стояла банка с растворимым кофе, сахарница и пакетик сливок.

— Тут все есть, господин Эйр.

— Вижу, — инкуб убедился, что дверь плотно закрыта и понизил голос. — Твоих рук дело?

— Мммм? — невинный взгляд был ему ответом.

— Они там напряжены, как порох. Тронь — взорвутся фейерверком. Зачем ты это сделала?

— Ну... я же не знала, что Наири будет недовольна.

Лаир стояла перед Эйром, как нашкодившая школьница.

— Господин Антон ей не любовник. К тому же, если все, что сказали о болезни Наири правда, то энергия лишней не будет. Кто знает, может, я смогу стать Матерью Многих Семей.

— Будущее зависит от того, насколько твердо ты идешь к цели. И все же, воздержись от действий, которые могут расстроить Наири. Это может привести к осложнениям в будущем. В этом мире много мужчин, но выбирай их подальше отсюда.

— Да, господин рораг, — Лаир поклонилась, ничуть не раскаиваясь. Да Эйр и не настаивал.

Он подхватил поднос и вернулся в комнату. Анна тут же добавила в кофе три ложки сахара, разбавила сливками и забралась с ногами на диван. Сидела молча, грея руки о чашку и кутаясь в плед.

Эйр встревожился:

— Вам нехорошо, Наири? Вы мерзнете?

— Это нервное, — Аня недовольно дернула плечом. — Пройдет. Лучше скажи — все в порядке?

— Да, я все уладил. И нашел безопасное место.

— А такое есть? Ты же уверял, что в этом мире...

— Убежище временное. Но вскоре демоны узнают о нем. И тогда придется снова переезжать.

Анна вздохнула. Плед уютно обнимал плечи. На языке отдавал сливками крепкий кофе. Тепло понемногу прогоняло озноб. Хотелось сидеть вот так, и ни о чем не думать.

— Проводить вас в спальню?

— Нет. Не трогайте меня, пожалуйста!

— Мне пора, — Антон взглянул на часы и поднялся.

— Да. Езжай. И... спасибо за все. Может, еще увидимся...

— Ань, ты...

— Антон! — Аня резко вынырнула из дремы. — Посмотри, что вокруг меня происходит! Я уже говорила — уходи, сама справлюсь. Прости, что втянула во все это. Ох, не стоило мне звонить!

— Если бы промолчала, я бы тебя из-под земли достал и снова закопал. Так что я

приеду, как только смогу. Эйр, куда вы потом?

Инкуб молча нацарапал на клочке бумаги адрес и протянул Антону. Тот, не глядя, сунул записку в карман и, попрощавшись, вышел.

До вечера все трое отдыхали. Анну, как она и просила, оставили в покое — Лаир скрывалась на "кухне", Эйр сидел в своей комнате, наблюдая за Аней через полуоткрытую дверь. Её покой нарушили лишь дважды — уговорили пообедать и поужинать.

— Вам понадобятся силы, Наири. Нельзя изнурять тело голодовкой и бессонницей.

Последним Анна не страдала. Но из-за пережитого долго ворочалась, пытаясь устроиться поудобнее. Она лежала, следя за светлой полосой, проникавшей сквозь щель неплотно закрытой двери. Провожала взглядом отсвет фар проезжающих мимо дома машин. Квадратные пятна скользили по стенам и потолку, меняя очертания знакомых предметов. От метаморфоз стало жутко, и Анна крепко зажмурилась и спряталась под одеяло. Темная духота не подвела. Укутала покоем, давая ощущение безопасности. И, как в детстве, чудовища ушли, уступая место сну.

Эйр провел ночь возле неплотно закрытой комнаты Анны. Он хорошо слышал, как она ворочалась во сне, вскрикивала. Иногда до него доносился тихий плач. Инкуб долго не решался, но в конце концов тихо вошел в комнату и опустился на колени возле кровати. Но прогнать кошмары не получалось. Даже сейчас, с полностью отключенным сознанием, Анна не откликалась на его зов. Потoki приязни словно рассеивались в пустоте, не достигая цели. И тогда он просто подстраивал её дыхание под свое, стараясь расслабить собственное тело.

Темнота не мешала разглядывать лицо Наири. Во сне оно, как чистая вода высокогорного озера, отражала все мысли. Глубокая складка залегала между бровями, а губы капризно кривились. Ребенок, не знающий жизни. В Эстрайе ей будет тяжело привыкнуть к новой. Но Эйр не сомневался — она справится. А пока его делом было обеспечить госпоже безопасность и покой. Поэтому велел Лаир приготовить хороший завтрак — Наири требовалось восстановить силы после тяжелой ночи.

Утром Анну ждала горячая ванна с густой пеной и плотный завтрак.

Она с трудом запихнула в себя яичницу — желтки были плохо прожарены, а "студень" расплзался на языке склизкой амебой. С удовольствием бы заменила яйца йогуртом, но под строгим взглядом Эйра пришлось съесть все — спорить сил не было. Кофе, крепкий и сладкий, слегка поднял настроение. Его Анна выпила с удовольствием и вопрошающе уставилась на инкуба:

— Какие планы?

— Вам действительно интересно?

— Ну, права голоса у меня все равно нет — ты всегда делаешь по-своему. Не захочу — заставишь.

— Что вы, Наи...

— Хватит. Надоело это лицемерие. Просто скажи, что мы делать будем? В номере сидеть?

Эйр стал серьезным.

— Нет. Я нашел квартиру в городе, пересидим там. Потом, через несколько дней, переедем.

— Так и будем бегать?

— Увы. У меня нет армии, чтобы обеспечить вам достойную охрану. Если собрать всех инкубов, которые сейчас в этом мире — заметят сариты. И тогда помешать им будет

практически невозможно.

Анна устала спорить, поэтому послушно села в машину и закрыла глаза. Едва отъехали от гостиницы, сон смешался с явью, и она задремала — сказалась многолетняя привычка. Но, как и на работе, пока ехали до места, реальность пробивалась сквозь грезы, позволяя не пропустить что-то важное. И поэтому, когда серебристая "десятка" развернулась посреди дороги, преграждая путь, Анна успела упереться в переднее сиденье. Торможение было жестким.

Пока приходила в себя и соображала, что происходит, услышала хлопанье двери. Выглянула наружу и охнула: Эйр стоял между машинами, чуть пригнувшись. Облика он не поменял, но по напряженной спине было видно — готов ко всему.

Его противниками в этот раз оказались люди. Четверо мужчин выскочили на дорогу, потрясая битами. Пятый, водитель, целился в инкуба из пистолета.

Что они кричали, Анна не поняла. Лаир вдавила её в сиденье, прикрывая собственным телом. Нос больно проехался по грубой обивке, из глаз брызнули слезы. Что происходит снаружи, Анна не видела, да и звуки долетали плохо, как сквозь вату. Но когда автомобиль тряхнуло, оттолкнула Лаир и охнула: лобовое стекло словно паутиной затянуло. Трещины расплзались от кровавого пятна, а на капоте корчился человек. Несколько движений — и он свалился вниз, открывая обзор.

Эйр дрался. Он так и не превратился, но противникам хватило. Они падали, хрипы рвали легкие, а инкуб даже не запыхался.

Убедившись, что опасность устранена, Эйр вернулся к машине. Осмотрел стекло, вздохнул:

— На ней ехать нельзя, — открыл дверь, подал руку. — Наири, прошу.

Переходя из машины в машину, Анна оглядела поле боя. Четверо живых. Пятый, водитель, кулем лежит у открытой двери. Выстрелить он так и не успел, инкуб оказался быстрее.

— Наири, не смотрите.

Подойти к раненым тоже запретил. Подхватил под руку, увлек к задней двери авто:

— Надо торопиться. Сариты могут появиться в любой момент! И кто знает, сколько их будет...

Анна послушно уселась в машину. Но никак не могла отвести взгляд от дороги. Машина с разбитым лобовым стеклом и окровавленным капотом. "Сломанные" люди... Темные пятна на асфальте... Знакомый запах крови, мочи и боли... Сколько раз видела она последствия бандитских разборок и страшные аварии? Уже и не помнила... Но теперь что-то было не так. Неправильно. Догадка вертелась улейкой, ускользая вглубь сознания.

Анна откинулась на сиденье и вдохнула приторно-сладкий воздух салона. Ароматизатор — пластиковая роза с красноватой жидкостью — мерно раскачивалась под зеркалом. Запах раздражал, Анна не переносила дешевых ароматов, сразу начинала болеть голова. Вот и теперь перед глазами словно мелкие дождевики повисли.

— Выкинь это.

— Что?

— Говорю, ароматизатор убери. Сейчас стошнит.

Эйр тут же оторвал тонкую веревочку и вышвырнул вонючую розу в окошко. Она ударилась об асфальт, спружинила и подпрыгнула несколько раз, прежде чем угомониться на обочине. Анна проводила её взглядом. Чувство чего-то упущенного не проходило.

Дом расположился на окраине, в спальном районе. Крики бегающих по вытоптанному газону детей отражались от выцветших стен высоток и уносились куда-то вверх, к чистому, безоблачному небу. Скрипели качели. Из открытых окон доносился лай собак и ругань. Анна вздохнула и послушно вошла в подъезд.

— Не прислоняйтесь, — Эйр предусмотрительно выставил руку, ограждая от соприкосновения с разрисованной граффити и каракулями стенкой лифта. Прожженная кнопка утонула в металлической панели. Седьмой этаж. Анна любила высоту, но сейчас ей казалось, что её просто хотят оторвать от земли, выбить из-под ног почву. Поэтому и увозят повыше. Стало тоскливо и одиноко. Поплакаться в жилетку можно было только Антону, но тревожить друга и снова вешать на него свои проблемы она больше не решалась.

Антон позвонил сам.

О нападении Анна промолчала. Но Эйр выложил всю правду. Выслушав инкуба, Антон заорал так, что Аня, сидящая чуть в стороне, слышала каждое слово. Гневный голос в трубке требовал немедленно увезти её в безопасное место. Хоть в Эстрайю, хоть к черту на рога, только бы закончилась эта смертельная гонка. Это было уже слишком. Анна отобрала телефон:

— Антон, успокойся. Тебе не кажется, что...

— Не кажется! Уезжай. С Эйром безопасно. Ты до сих пор жива только потому, что он рядом! Эй, не бросай трубку! Я приеду, и мы поговорим...

— Есть о чем? И не смей приезжать — жена из дома выгонит, ты со мной больше времени проводишь, чем с ней. А вообще... спасибо. За то, что помог. Я на самом деле благодарна. Передавай там приветы, и что вас всех очень люблю. Пока!

Вместо того, чтобы просто отключиться, Анна вынула из телефона батарею, отрезая себя от остального мира. Теперь в её реальности были только Эйр, Лаир и объявившие на неё охоту демоны.

Эйр поднял отброшенную батарею и забрал у Анны телефон. Наири злилась. Он всем телом ощущал волну ярости. Но в этом огненном шлейфе холодными льдинками проскальзывали икры спокойствия. С таким самоконтролем рораг еще не встречался. Это его встревожило — кто знает, как подобное поведение отразится на здоровье Анны. Требовалось что-то предпринять.

— Что будете делать, Наири?

— Скажи, Эйр... Они объявили охоту из-за тебя? Верно?

— Нет. Все началось куда раньше. Но я успел первым, хвала Небу, — он совсем не лукавил. Сариты тоже искали новое воплощение Лилит.

— И что дальше? От меня когда-нибудь отстанут?

Эйр не отвел взгляд:

— Нет, Наири. Пока вы живы, охота продолжится.

— Пока жива... А если погибну? — Анна тяжело опустилась на жесткий, продавленный диван, провела по лицу, словно стряхивая липкую паутину.

Эйру стало страшно. Ярость, спокойствие, а теперь вот эта обреченная усталость...

— Этого не случится. Я пока еще жив, Наири.

Это прозвучало так спокойно и буднично... И в то же время страшно. Анна устало закрыла глаза:

— Но для собственной безопасности я должна отправиться в ваш мир. Верно?

— Вы... наконец-то поняли? — Эйр воспрял духом. Если бы не грусть Наири, которую у него никак не получалось развеять...

— Тогда... отведи меня туда.

Такого поворота рораг не ожидал. Готовился убеждать, молить... И все же выполнить просьбу немедленно было невозможно.

— Наири, простите, но пока... рано. День, назначенный для вашего прихода в Эстрайю, еще не наступил. Поверьте, это очень важно — время явления Наири. Его долго вычисляли придворные астрономы и гадатели, и...

— Дорога ложка к обеду...

Усталость сменилась обреченностью.

— Простите?

Эйр испугался. Он, прошедший не одно сражение, выживший в дворцовой круговерти, до дрожи в коленках боялся спугнуть призрак надежды. Краем уха инкуб слышал, как позвякивают стаканы в руках у Лаир. Ей простительно волноваться, она — не рораг.

— Говорю, действуй, пока я решилась. Могу и передумать. Уведи меня в Эстрайю сейчас. "Потом" может не наступить.

— Наири, у вас будет множество "потом". Клянусь, я...

— Я уже все это слышала. Ты защитишь. Даже ценою своей жизни. Но... я сама могу передумать. Тогда никакая сила, никакие демоны не заставят меня отсюда уйти.

— Наири... позволите ли вы прежде связаться с королем? Я не могу действовать без его согласия.

Рораг пытался решить проблему. Полномочий на самовольный перенос Наири у него не было. Но промедление может сорвать операцию, и тогда... Анна пошла навстречу мольбам:

— Связывайся, — она устало поднялась с дивана, дошла до замершей Лаир и забрала у неё поднос. — Только прошу тебя, поскорее!

— Да, Наири. С вашего позволения.

Поклонившись, Эйр выскочил за дверь. Анна разлила по стаканам сок и протянула суккубу:

— Будешь? А то как призрак бродишь: "Да, Наири, нет, Наири". Давай уж поговорим, раз наши судьбы сплетены воедино. Тут, конечно, не сок нужен, но...

— Простите. Если вы хотите вина, придется подождать господина рорага. Я не смею оставить вас одну.

— Да ладно... Вино. Тут покрепче бы чего, с такой жизнью. Садись!

От приглашающего хлопка по дивану в воздух взметнулось облако пыли. Анна поморщилась, машинально вытерла руку о джинсы:

— Не очень, да?

На Лаир было жалко смотреть. Губы задрожали, из глаз брызнули слезы:

— Простите, Наири! Вы не должны находиться в таком жилище. Но...

— Успокойся. Посидим, поболтаем...

Лаир поколебалась, а потом все же опустилась прямо на пол.

— Думаешь, там чище? — Анна огляделась. — Наверное, ты права.

Лаир сделала попытку вскочить, когда Анна сползла с дивана, но та её удержала, вцепившись в запястье:

— Что ты дергаешься? По-человечески попросила — давай поболтаем. Страшно мне,

понимаешь?

— Простите, Наири.

Лаир устроилась чуть поодаль, в совершенно неудобной позе — согнувшись пополам, опираясь на бедро и локоть одной руки. Ладони она сложила вместе и направила в сторону Анны. Та вздохнула, но спорить не стала.

— Расскажи об Эстрайе. А то Эйру некогда — он демонов убивает. Ты же мне там все покажешь?

— Простите, Наири... — Лаир низко опустила голову. — Я не останусь с вами. Мое происхождение не позволяет служить вам.

— Вот как... А сейчас?

— Это случайность. Такая удача выпадает раз в столетие, и я рада, что Небо так милостиво ко мне. Уверена, теперь моя судьба сложится счастливо.

— Это хорошо, что ты веришь в свою удачу. Хоть кто-то надеется на счастье. Тогда расскажи о себе?

— Чем я могу быть вам интересна? Я — дочь небогатого купца, четвертая дочь в семье.

— У вас такие большие семьи? Четверо...

— Сейчас нет, Наири. В Эстрайе и один ребенок — редкость. Без праны продолжить свой род невозможно. Но мне происходящее дало надежду повысить статус. Теперь, после визита в ваш мир я могу выйти из купеческого сословия, став женой дворянина. Попасть в этот мир нелегко, моя семья немало заплатила за такую возможность. Но оно того стоило. Ради наследника дворяне примут в дом даже рабыню. Хотя я могу и стать Матерью Многих Домов.

— Это как?

— В Эстрайе у мужчины может быть только одна жена. И множество наложниц. Но иногда случается так, что женщина выходит замуж сразу за нескольких мужчин. Это допускается очень редко, в моменты катастроф, подобных нынешней. Я могу родить четырех, а то и шестерых ребятишек, а значит...

— Любопытно, — Анна осмысливала обычаи чуждого мира. — А детей как делить?

— Ну, это договоримся, — улыбка Лаир была нежной, но напоминала маску, скрывающую настоящее лицо.

— А я? Кому должна буду рожать я? Королю? Или жрецу?

— Что вы! — От смеха Лаир даже позу поменяла, пересела на колени. — Наири ничег никому не должна. Нет, ребенка от вас будут ждать. Но отца ему выберете сами. Или отцов. Единственное, о чем вы должны беспокоиться — получать удовольствие от жизни. Поверьте, это будет несложно! Вы знаете, что в каждой провинции Наири принадлежит дворец? Всего их девять. Но главная резиденция — Храм Белых Облаков — находится в столице. Чтобы благословить народ детьми, Наири нужно посетить все провинции, и в каждой задержаться на месяц-полтора. Служить вам будут лучшие сыновья и дочери страны, и вы получите любого мужчину, какого захотите, включая короля! Ну, или женщину! — Милая улыбка сменилась лукавой.

— Лаир, прекрати утомлять Наири своей болтовней, — они так увлеклись разговором, что не заметили возвращения Эйра. — Госпожа, почему вы сидите на полу? Пожалуйста, займите более подобающее место. И, на будущее, я прошу вас, задавайте все вопросы мне. Лаир низкого происхождения, поэтому не смеет вот так запросто разговаривать с вами.

— Как скажешь.

У Анны пропали остатки настроения. Она обиженно посмотрела на покрытое пылью лицо Эйра и не удержалась от шпильки:

— Иди, умойся.

— Простите за неподобающий вид, Наири, — он покорно склонил голову.

И даже не заметил ехидства в голосе! Анна вздохнула и посмотрела на часы. Глубокий вечер. Пора спать, день выдался тяжелый. Но сначала надо узнать новости. По лицу Эйра ничего понять было нельзя.

Он явился ровно через пятнадцать минут. С влажными после купания волосами, в чистой одежде. Встал напротив дивана и отрапортовал:

— Мне передали новую дату перемещения. Послезавтра, в одиннадцать ноль семь по местному времени. Это время не сильно нарушит Путеводную Нить Эстрайи, но до ранее назначенной даты вам придется жить затворницей в охотничьей резиденции Его Величества. Всех слуг удалят, их заменят рогаги. Ваше местонахождение будет сохраняться в строжайшей тайне, так что не нужно волноваться. За это время, — лицо Эйра на миг стало мягким от улыбки, — вы привыкните к климату и узнаете некоторые обычаи. Вам придется принимать участие в церемониях. Нужно выучить их наизусть.

Последняя новость энтузиазма не вызвала. Анне вдруг сильно захотелось спать. Она бы и пошла, да с кухни потянуло чем-то вкусным. Лаир успела приготовить неизвестное, очень пряное и невероятно ароматное блюдо.

Ужинала Анна в одиночестве. Эйр стоял за спиной, Лаир готовила ванну. Горячую, с пеной. Но, вопреки всем принятым мерам, заснуть не получилось. Анна ворочалась, стараясь понять, что именно её тревожит. Затем, минута за минутой, прокрутила в голове события дня.

Нападение! Оно по-прежнему казалось неправильным. От стараний понять, что не так, разболелась голова. Анна встала, чтобы спросить обезболивающее и за дверь наткнулась на Эйра. Инкуб сидел, скрестив ноги. Перед ним, прямо на полу, стоял поднос с тарелкой. Лаир не стала ничего выдумывать, а просто сварила пельмени. Запах приправ, которыми щедро сдобрили блюдо, смешался с паром и заполнил коридор. Анна сглотнула. Это блюдо никогда не оставляло её равнодушным.

Эйру этих нескольких секунд хватило, чтобы вскочить и вытянуться в струнку.

— А ты чего тут ешь? Неудобно же!

Инкуб пожал плечами:

— Пес должен есть у порога хозяина, иначе может оказаться бесполезным.

От пафоса свело челюсти. Но спрашивать, как, при таких убеждениях, этот "пес" оставляет её одну, надолго уходя из дома, не стала. Только пожаловалась, борясь с зевотой:

— Вава. лит... Ой. Голова болит.

Лекарство ей подали, едва она успела вернуться в кровать. Поднос, стакан воды, маленькая тарелочка с одинокой зеленой таблеткой. Картинно. Театрально.

Анна сглотнула. В голове словно таймер щелкнул. Вот, что её беспокоило! То нападение казалось... постановочным. Но раненые люди опровергали версию подставной драки. Уж в чем чем, а в болячках Анна разбиралась.

Следующий день прошел тускло. Анна слонялась по квартире, не зная, чем себя занять. Лежала на диване, щелкая пультом от телевизора, ела испеченное Лаир печенье и донимала Эйра:

— А кино в вашем мире есть?

— Нет.

— Радио?

— Нет.

— Компьютеров, как я понимаю, тоже. И ноутбук с собой взять нельзя. Верно?

— Именно так, Наири.

— Самолеты? Машины? Электричество хоть изобрели?

— Нет. Ничего этого в Эстрайе нет. Даже огнестрельного оружия.

— А... почему? Вы же ходите из мира в мир. Неужели не подсмотрели?

— Все, что нужно — увидели. Я, например, неплохо стреляю из пистолета и ружья. Но только, когда я здесь. В нашем мире невозможен сильный технический прогресс. Наш мир устроен так, что сам отвергает его. У нас есть магия. Единственное, порох прижился, вернее, мы сами его изобрели. Для фейерверков.

— А стрелы? Стрелы вы используете?

— Конечно. Еще копья, дротики... У воинов нашего мира богатый арсенал.

— Значит, против пули щит выставить можно, а против стрелы — нельзя?

Эйр улыбнулся так снисходительно, что Анна почувствовала жар — кровь прилила к лицу, заставив полыхать щеки. Причиной было не смущение — гнев. Разговаривает с ней, как с ребенком малолетним!

— Так что там со стрелами?

— Они бесшумны, Наири. Кто увидит, откуда прилетела смерть? А носить щит все время могут немногие демоны. Очень немногие. Даже мне это не под силу.

— "Даже мне"?

— Я не хвастаюсь, госпожа, — почему-то смутился рораг. — Я воин, а не маг. Но вы не беспокойтесь. Ваши телохранители будут держать щит днем и ночью, сменяясь по мере усталости. Вам не угрожают даже заговоренные стрелы!

Анна вздохнула:

— Скажи, с чего ты взял, что я только о собственной безопасности думаю?

— О вашей безопасности должен думать я.

— А что остается на мне? Чем я займусь там, в Эстрайе? Ну, за исключением... Кстати, ты же помнишь свое обещание? Даже, если я никогда не захочу...

— Разумеется. Я дал слово рорага! А что касается остального... просто живите. Так, как вам нравится. Ешьте, что любите, пейте, что хотите. Гуляйте, отдыхайте... В вашем распоряжении восемь дворцов и основная резиденция в столице. Вам не придется скучать.

— Лаир говорила. Кстати, а где она?

— Ушла в магазин. Хочет приготовить что-то особо вкусное. Сегодня ваш последний день в этом мире. Пожалуйста, насладитесь им в полной мере!

"Насладитесь". Анна горько усмехнулась. Интересно, как? Из дома инкуб не выпускает, а сидеть в четырех стенах сил уже нет.

— Вам скучно, Наири? Потерпите. Совсем скоро вся ваша жизнь изменится.

— Меня и прошлая устраивала, — Анна откусила печенье и потянулась к чашке. — Пусто!

Эйр тут же испарился. Через несколько минут на столике исходила паром кружка, стоял молочник и сахарница.

— Быстро ты. Так когда Лаир вернется?

Инкуб достал телефон:

— Не терпится попробовать её стряпни?

— Не терпится поболтать. С тобой скучно. Заладил одно и то же: Наири, Наири...

— Прощу прощения, — Эйр поклонился и отошел к окну. Из прижатой к уху трубки слышались длинные гулки.

— Что, не берет? Ну и не надоедай девочке. И отойди от окна — может, я в последний раз на звезды люблюсь.

— Звезды в Эстрайе...

— Это в Эстрайе. А я про наши, земные.

Анна открыла створку и зажмурилась, подставляя лицо ворвавшемуся ветру. В носу засвербило и она громко чихнула.

— Будьте здоровы, Наири!

В дверях стояла Лаир.

— Спасибо!

Эйр покосился на Анну, словно боясь, что она исчезнет, и быстро вышел из комнаты. По дороге зацепил под локоть Лаир и утащил за собой. Анна поглядела в след, пожалала плечами и опять взяла печенье.

— У меня стресс. Мне нужна вкуснятина! — сообщила она своему отражению в экране выключенного телевизора.

Лаир превзошла саму себя. Длинный журнальный стол ломился от яств, большую часть которых Анна угадать так и не смогла. Маленькие, на два-три глотка пиалы закрывали всю поверхность. В них светились серебряными отблесками прозрачные бульоны, темнели разнообразные супы, золотились густые похлебки. В крохотных блюдцах горками лежали кусочки чего-то непонятного, но очень вкусно пахнущего. И красивого. Казалось, лето расщедрилось и подарило пиршественному столу все свои краски и яркость. Слово солнце залило цветущую поляну.

— Очаровательно!

Лаир улыбнулась, склонилась в низком поклоне и исчезла на кухне, стоило Эйру чуть повести бровью. Сам инкуб откупорил бутылку белого вина и осторожно наполнил бокал.

— Мне что, и сейчас одной есть?

— Наири, здесь нет достойных вас сотрапезников.

— Старая песня. Ты как заезженная пластинка, Эйр. Даже угадывать не надо, что скажешь в следующий момент.

Аппетит пропал. Но Анна честно выпила пряный бульон и пожевала травку, пахнущую свежим ветром — Лаир старалась, не стоило её обижать.

— Благодарю. Я спать.

Эйр всполошился:

— Вы плохо себя чувствуете? Совсем не ели...

— Я устала. А завтра трудный день. Все, спокойной ночи! — она старательно растянула рот в зевке.

"Церемония отхода ко сну" прошла в ударном темпе. Анна изо всех сил делала вид, что засыпает на ходу. Но когда свита покинула комнату, заснуть не смогла. Лежала до рассвета, пялясь в белеющий потолок. Её заметно потряхивало, но отступить от намеченного Анна не стала. Тут, в этом мире живут дорогие ей люди. Играть их жизнями — преступление. Наконец, утро сжалилось над измученной бессонницей Анной и потеснило ночь. Эйр и Лаир, встречавшие свою Наири на пороге комнаты, выглядели очень торжественно. Анна

оглядела их, поежилась, и тут же переключила внимание на аромат, доносившийся с кухни.

— А мне нальете?

Эйр никак не мог искоренить привычку Наири завтракать только кофе. Но сегодня она послушно съела все: яичницу с сосисками, которую, помня о прошлой ошибке, Лаир поджарила как следует, горячий бутерброд с сыром и ветчиной и стакан персикового сока из пачки. Здесь было тяжело достать свежесжатый, из настоящих фруктов, разве что апельсиновый. Но его, как убедился рораг, Анна не любила.

Как только госпожа поела, Эйр скатал ковер. Пыль под ним слежалась равномерным слоем, и рораг пришел в ужас:

— Ох, простите, госпожа. Я понимаю, что это жилище...

А Наири, казалось, было все равно:

— Раскатай обратно, вот и не видно будет. Мы же здесь ненадолго?

— Мне нужно нарисовать символы перехода. А здесь для этого подходит только пол...

Госпожа, прошу вас перейти на кухню. Там неудобно, но уборка вас потревожит...

— Да уж. Потревожит... Хоть какое-то развлечение, — Наири поджала ноги, показывая, что с места не двинется.

Пришлось сметать мусор и вымывать пол в её присутствии. Эйр изнывал из-за нарушения этикета, злился на себя, что не смог обеспечить Наири подходящего жилья, на Лаир, которая двигалась со скоростью улитки... На саритов, да и на оба мира. При взгляде на Анну раздражение усиливалось, как было всегда, когда Эйр чувствовал себя виноватым.

— Наири...

— Мммм? — Анна оторвалась от созерцания спины Лаир.

— Простите, что отвлекаю от размышлений...

— Знаешь, на что можно смотреть бесконечно? На то, как течет река, горит огонь, и работает другой человек...

Наири улыбалась, но обреченность укутывало её ровным коконом, не выпуская её чувства наружу. И отсекая любой поток снаружи. Прорвать, преодолеть этот барьер казалось Эйру необходимым, но сил здесь и сейчас не хватало. Здесь нужны были другие инкубы. Или полукровки. Он, рораг, должен лишь защищать...

— Поверьте, госпожа, в Эстрайе вы найдете, чем пополнить этот список. Там много приятного для глаза, для слуха и для тела...

— Надеюсь, это так. Ты сейчас рисовать будешь?

Эйр спохватился. Пол высох, можно было приступать.

— Наири, мне нужно нарисовать символы перехода. Прошу вас, не отвлекайте меня. Если я ошибусь хотя бы...

— Ладно, ладно. Я тоже читала фантастические романы. Совсем нет желания выворачиваться наизнанку. Поэтому рисуй в свое удовольствие!

Эйр отключился от происходящего. Для мандалы использовались пять цветов, но нанести их требовалось очень аккуратно. И рораг ползал по полу, тщательно закрашивая его цветным мелом. Иногда в дверях появлялась Лаир. Она кидала беспокойный взгляд на рорага, на узор, и исчезала. Анна тоже молчала — мешать в столь важном деле не стоило. При этом старательно гасила любопытство — неожиданно для себя самой она заинтересовалась происходящим. И начала волноваться, хотя еще недавно казалось, что расшевелить её уже ничто не сможет.

Наконец, Эйр выпрямился, взглянул на часы и довольно улыбнулся:

— Готово.

— Ты уверен? Нас не перенесет куда-нибудь в центр озера?

— Нет. Все правильно. Но и в случае с озером Наири нечего опасаться — я хорошо плаваю.

— Что?

Это сообщение возмутило Анну. Значит, Эйр не уверен? Но сознательно продолжает тянуть её в другой мир? В ярости она привстала с дивана, едва не коснувшись ногой розовой линии.

— Наири!

Эйр успел подставить руку и босая ступня оказалась в его теплой ладони.

— Пожалуйста, осторожнее.

Он снова смотрел на Наири снизу вверх. И снова ничего не чувствовал. Разве что...

— Вы замерзли?

Слишком холодная кожа. Такого не может быть в летний день, да и в доме тепло. Неужели события последних дней подействовали? Замкнулась в себе, как бы переживания в болезнь не превратились. А ноги...

Узкие ступни с аккуратными пальчиками. Тонкая лодыжка. И при этом — сильные икры под его пальцами. Но не перекаченные. Наири приходилось много ходить, бездействие для неё губительно... Поняв, что массаж мало помогает, Эйр наклонился, стараясь согреть кожу дыханием. Ниже, ниже... и вот его губы скользнули по изящному подъему, устремились выше...

— Они всегда холодные.

Анна убрала ногу, поджала под себя.

— И руки — тоже. Проблемы с сосудами. Так что там с переходом?

Не такой реакции он ждал! Но тут же взял себя в руки:

— Через двадцать минут. Наири, вы готовы?

— Готовься, не готовься, а все равно как щенок в стремнину. Я правильно поняла, что ничего с собой взять не могу?

— Почему? — Эйр искренне удивился. — Лаир остается здесь, она приведет в порядок квартиру и переправит все необходимое в Эстрайю.

Анна насторожилась:

— Ты же говорил, что перенос сложен? Или...

— Все верно. Переход забирает много сил и магии. Но это не имеет значения, если Наири желает, мы найдем и перенесем что угодно. Или... кого угодно.

Последнее Эйр произнес тихо-тихо, словно просто дыхание вылетело сквозь приоткрытые губы. Но он хорошо понимал, что Анна услышит все, до последнего звука.

Она не отреагировала. Впилась глазами в циферблат стареньких часов, украшавших стену и молчала, пока секундная стрелка четко, как разводящий на параде, двигалась по кругу. За пять минут до назначенного времени Эйр подал руку, помогая встать с продавленного дивана:

— Пора, Наири.

Анна судорожно вздохнула, растерянно огляделась, но взяла себя в руки.

— Что мне делать?

— Обнимите меня.

— Что?

— Мы должны слиться в одно целое. Обнимите меня как можно крепче. И ничего не бойтесь — я не разожму рук. Лаир!

Его вскрик утонул в истеричном вопле. В дверях стояла суккуб. Её глаза сверкали и злоба, плескающаяся в них, грозила затопить все вокруг. Зарычав, Лаир дала ей волю.

Эйр тигром метнулся навстречу, аккуратно перескочив невесомые линии мандалы. Выбив кухонный нож, отбросил суккуба прочь, но входная дверь громыхнула, слетая с петель, и в квартиру ворвались демоны.

— Уходим!

Отшвырнул первого нападающего в столпившихся у входа саритов, Эйр выиграл несколько мгновений. Кинулся в центр комнаты, обхватил Анну:

— Сейчас. Осталось немного.

Анна видела летящий в неё клинок, но тело не слушалось. Как в страшном сне, когда пытаешься убежать от чего-то страшного, стараешься изо всех сил, и... остаешься на месте. И нет спасения от надвигающегося ужаса. Но в этом сне между Анной и ожившим кошмаром встал Эйр. Остро отточенный нож вошел ему в шею.

Время остановилось. Звуки стали какими-то далекими. И только щелчки секундной стрелки четко и ясно отдавались в ушах. В такт биению сердца. В ритме бьющей из перерезанной артерии крови.

Теплый поток залил Анне одежду. Эйр хватал за руки, хрипя что-то. Она наклонилась к самым губам, стараясь расслышать. Лицо тут же стало липким, во рту появился привкус соли и железа.

— Не... отпускайте. Мы сейчас...

— Заткнись!

Часы превратились в метроном. И отсчитывали теперь не секунды до переноса, а время жизни. Анне его хватило. Привычным движением она зажала артерию, перекрывая алый фонтан и крепко прижала инкуба к себе — секундная стрелка догнала минутную и часы щелкнули, прежде чем разродиться хриплым боем. Комната вокруг подернулась рябью, поплыла, как акварель по мокрой бумаге. Смазались фигуры врывающихся в дверь саритов, оборвался захлебывающийся крик Лаир. Все закружилось, словно взбесившаяся карусель, и какая-то сила попыталась вырвать обмякшего Эйра из рук Анны. Но она только крепче вцепилась скользкими от крови пальцами в его одежду, обняла, словно потерянного и вновь обретенного любовника. Миг, другой и... все закончилось.

Воздух вышибло из легких, когда Анна упала на жесткое. Она так и не разжала рук, и потерявший сознание рораг придавил её к полу, мешая дышать.

Попытка выбраться провалилась — обмякшее тело всегда тяжелее. Анна забилась, как попавшая в силлок куропатка.

Внезапно тяжесть исчезла. Эйра подняли. Анна потянулась следом, стараясь не отпустить артерию.

— Осторожнее!

Поднимавшие инкуба люди замерли.

— Кладите на пол.

Анна не смотрела на помощников. Сейчас для неё существовал только раненый. Тело действовало само, по раз и навсегда вбитому в память алгоритму, а мозг искал выход. Как всегда в экстремальной ситуации.

— Нужно жгут наложить. Есть что-нибудь подходящее? Нет? — Анна оглядела столпившихся вокруг мужчин и ткнула в ближайшего пальцем. — Давай ремень! Эйр! Эйр, сволочь, не смей! А ну, приходи в себя! Что встали? Помогайте! Заведите ему руку за голову. Да, вот так.

Накладывание жгута на шею дело ответственное, но привычное. Анна ловко перекинула ремень через поднятую руку, зафиксировала и обернулась к помощникам.

Трое мужчин в черной одежде с золотой отделкой стояли с трех сторон. Между ними, на каменном полу, раскинулась мандала, частично залитая кровью. Часть линий, нарисованных цветным песком, смазалась. Но теперь это не имело значения — свою функцию они выполнили.

Чуть дальше полукругом выстроились еще мужчины. Их костюмы напоминали мундиры. Белые с золотом, словно парадная форма морских офицеров. Анна отметила это краем сознания, сосредоточившись на Эйре, которого поднимали люди в такой же одежде.

— Ему операция нужна. У вас тут врачи есть? Я не смогу сама сосуд зашить.

Мужчина в черно-золотом выступил вперед.

— Не беспокойтесь, верховному рорагу немедленно окажут помощь.

По его знаку Эйра уложили на невесть откуда появившееся покрывало и быстро унесли.

А мужчина продолжал:

— Позвольте представиться, Наири. Меня зовут Тапар, я старший в группе магов, призванных обеспечить вашу безопасность.

Но Анну больше заботил Эйр:

— Его... точно прооперируют?

— Командир бывал и не в таких переделках, Наири, — отправив Эйра, один из мужчин вернулся.

Дождался, пока Анна обратит на него внимание, он быстро коснулся земли правым коленом и склонил голову:

— Я Пайлин, десятник королевских телохранителей. Пока не будут выбраны ваши личные рораги, мы принадлежим вам.

Анна оглядела сильно выросший штат:

— Однако. А... умыться мне можно?

Застывшая кровь неприятной коркой стянула кожу. Одежда стояла колом. Запах соли и металла преследовал Анну, в какую бы сторону она не повернулась.

Мужчины засуетились, указывая дорогу. Только идя по петляющей между деревьями тропе, Анна поняла, что перенеслась не в дом. Мандалу нарисовали на полу большой беседки, увитой лианами. А дом... дом оказался дворцом. Огромным, с множеством галерей и многослойных крыш, увенчанных золочеными шпильями. Анна даже остановилась, увидев это великолепие.

Пайлин перехватил её взгляд и извиняющимся тоном посетовал:

— Простите, Наири. В целях безопасности до назначенного дня вам придется пожить в охотничьем домике короля. Потерпите немного.

— Немного... это сколько?

— Около трех седмиц. Жрецы должны выяснить точную дату вашего вступления в Храм Белых Облаков.

У порога ровной шеренгой выстроились инкубы. Пайлин обошел Анну и встал впереди подчиненных:

— Рораги королевского дома приветствуют кара-наири, и готовы служить ей!

Единым движением телохранители опустили на правое колено, склонив голову. И так же четко поднялись. Анне стало неловко: одиннадцать военных в красивых, с иголки мундирах, и она — взлохмаченная, в крови...

Но рорагам было все равно. Заняв места справа и слева, они увлекли Анну вглубь чертога.

Проходя по галерее, она не могла понять, почему это великолепие скромно назвали "домиком". Как же роскошны тогда дворцы? Разгадку оставила "на потом" — сил осталось только на молчаливое подчинение.

Оказалось, вели её умываться. Ванна представляла собой огромную кадущку. Она стояла под навесом, который поддерживали резные золоченые столбики. Вокруг росли высокие деревья с завязями плодов на ветках, а между ними сидели роскошные кусты. Красные, белые, розовые цветы почти закрыли собой темно зеленые кожистые листья. Анна вздохнула аромат... невесомый, подобный сну о сне... И такой же чарующий.

Едва Анна вступила на прогретый солнцем деревянный пол, телохранители

разделились. Шестеро, поклонившись, исчезли среди деревьев, остальные окружили беседку, повернувшись к Анне спиной.

Четверо мужчин в белых с золотом одеяниях ждали возле бадьи. Анна узнала целителей, принявших у неё Эйра. И тут же засыпала их вопросами.

Те только кланялись в ответ да повторяли, что с Верховным Рорагом все в порядке. А потом окружили Анну и попытались расстегнуть на ней блузку.

Она отшатнулась, сделала несколько шагов назад и уперлась спиной в столб. Руки инкубов были нежными и очень сильными. В конце-концов, не выдержала и просто закатила истерику.

Целители отшатнулись, стоило ей завизжать. Попытались успокоить, но Анне было уже все равно. Она заходилась криком, не видя и не слыша ничего вокруг.

Опешившие рораги сами запаниковали. С четырех сторон подскочили охранники. Впереди всех под навес ворвался Пайлин и, не долго думая, обхватил Анну за плечи и сильно встряхнул. Она тут же замолчала, глядя на десятника широко раскрытыми глазами, в которых светился ужас. Страх на лице самого Пайлина немного отрезвил.

— Руки... убрал.

Он тут же отступил. Анна перевела дух и огляделась.

Все инкубы, включая охранников, лежали на полу, уткнувшись лицами в сложенные ладони. В наступившей тишине Пайлин осмелился поднять голову:

— Позвольте узнать — что случилось? Кто напугал вас, кара-наири? Уверю, никто не посмеет...

Анна смотрела в его светло оливковые глаза и видела полное недоумение. Этот смуглый военный на самом деле не понимал, что произошло!

А еще, где-то на краю сознания, возникла мысль о то, что в Эстрайе даже солдаты красивее многих актеров. Или их специально подбирают еще и по внешности?

Сообразив, что не о том думает, Анна тряхнула головой:

— Скажи, как называется, когда четверо мужиков тянут руки к незащитной женщине?

— Тянут руки? Что... — он вдруг понял, и облегчение стерло тревогу с лица. — Никто не осмелится прикоснуться к вам с плохими намерениями. Целители всего лишь хотели помочь кара-наири принять ванну. Простите, но в целях безопасности из домика удалили всю челядь. Здесь только рораги.

— А сразу сказать было нельзя? Устроили цирк. Я и сама помыться в состоянии.

Но как Анна ни старалась, как ни просила — Пайлин остался непреклонным. Кара-наири невозможно остаться без охраны даже на мгновение.

Но и сама Анна решила не уступать. Споры с Эйром научили, что рано или поздно можно найти компромисс даже с упрямыми рорагами. И он был найден!

Между колоннами натянули широкие полотна, превратив навес в шатер. Рораги остались снаружи. Анна видела их силуэты.

И только один целитель остался внутри:

— Я должен осмотреть кара-наири. Тело человека хрупко, а Переход выдался тяжелым.

Анна закатила глаза. Но потом решила что, как и дома, у врачей нет пола. И согласилась на осмотр. Только белье снимать оказалась. Но целитель и не настаивал.

Внимательно осмотрел Анну с голов до ног, потом провел рукой вдоль спины, груди. Близко-близко, так что чувствовалось тепло его рук. Но ладонь замерла в нескольких миллиметрах, так и не коснувшись кожи.

Закончив поверхностный осмотр, инкуб встал напротив анны и прошептал:

— Прошу прощения за дерзость, моя госпожа...

И прежде, чем Анна поняла, что он имел в виду, целитель впился своим взглядом — в её.

Она замерла, не в силах пошевелиться. Даже моргнуть не получалось. За эти мгновения полного паралича Анна перешла от слепой ярости к холодной злобе. И, когда инкуб отступил, тихо спросила:

— А в моей голове копать — тоже входит в обследование?

— Что вы, кара-наири. Я бы никогда не посмел... Да и навыками чтения мыслей не обладаю. Просто радужка глаза обладает свойством откликаться на различные недомогания внутренних органов. А вас я зафиксировал, дабы можно было рассмотреть глаза без помех.

— Иридодиагностика, значит, — поверила ему Анна и повернулась к бадье: — Теперь я могу помыться?

Целитель не ответил — он перебирал крохотные флакончики, стоящие на столике. Отложил один, другой... В низкой баночке перекатывались разноцветные шарики. Инкуб выбрал синий и голубой. И отсыпал белого порошка.

— Кара-наири уверена, что ей не потребуется помощь?

— Уверена. Только мыло дайте. И шампунь. Или что там у вас вместо них...

Целитель тут же принес все, что отобрал. Самлично кинул в воду оба шарика. Они запузырились, плавая по поверхности, а потом медленно пошли ко дну. Порошок растворился сразу.

— Вот это — палец с безупречно ухоженным ногтем уперся в баночку с массой, похожей на крем, — нанесите на кожу тела. А это — легко прикосновение к граненому пузырьку — вылейте на влажные волосы и вспеньте как следует. Потом смойте и ополосните водой с добавлением вот этого отвара.

Анна поднесла к лицу прозрачную бутылочку с зеленоватой жидкостью. Запахло свежескошенной травой и чем-то приятно-кислым.

— Спасибо, — поблагодарила она целителя.

Тот поклонился и собрался выходить. Анна остановила его:

— А что насчет одежды?

Он указал на стоящий на полу широкий поднос на ножках. Рядом с аккуратно сложенной одеждой на нем Анну ждали браслеты и заколки:

— Кара-наири, возможно, одежда наших женщин отличается от привычной вам. Если возникнут сложности — прошу, не стесняйтесь. Мы здесь, чтобы служить вам!

Инкуб как в воду глядел! Для начала Анна не нашла белья. Вообще никакого! Потом рассмотрела то, что ей предстояло носить.

Узкая юбка до щиколоток. Прямая, без единой вытачки. Но — шелковая, расшитая по подолу цветами.

С ней Анна справилась — закрепила её на бедрах широким поясом-цепочкой с большой круглой пряжкой.

А вот с верхней частью гардероба все оказалось сложнее. Вернее, верха не было совсем. Вместо блузки ил рубашки на подносе лежал отрез шелка. Длинный и не очень широкий.

Анна покрутила его в руках. Будь ткань шире, её можно было принять за сари. А так... Анна посмотрела на занавески, на которых застыли тени её телохранителей. Просить о помощи не стыдно, но предстать перед мужчинами полуголой... Ну уж нет!

— Кара-наири! Госпожа!

Голос, полный тревоги отвлек Анну от раздумий. Она тут же прижала шелк к груди, прикрываясь.

— Что случилось, Пайлин?

— У вас все хорошо, кара-наири? Вы слишком долго принимаете ванну. Позвольте, я войду!

— Нет!

Видимо, что-то в её голосе встревожило рорага, и он решительно отодвинул занавеску.

Анна замерла, буравя его взглядом.

Телохранилитель сразу понял, в чем проблема:

— Позвольте вам помочь. Я... не буду смотреть.

Выхода у Анны не было — или поселиться прямо здесь, или принять помощь. Она выбрала второе:

— Как это носят? И почему не принесли никакого белья?

— Простите? Я не понимаю.

Пайлин честно зашел ей за спину, и теперь бережно обматывал ткань вокруг талии, поднимаясь все выше, к груди.

— Женщинам в Эстрайе не носят нижнее белье. Разве что набедренные повязки. Но в этом наряде нужды в ней нет...

Пока говорил, успел замотать Анну в шелк, соорудив подобие топа. А длинный край отреза закинул через плечо, оставив свисать за спиной. И отступил с поклоном:

— Кара-наири...

— Расческа есть?

Пайлин тут же подал гребень. Анна взяла не глядя, и быстро расчесалась.

— У госпожи короткие волосы, — услышала печальный вздох.

Пайлин все так же стоял рядом, протягивая браслеты. Таких тяжелых Анна еще не носила. Они закрыли руки почти до локтя.

— Кандалы, — она попыталась снять неудобные украшения, но Пайлин побледнел:

— Нет, госпожа. Пожалуйста, не надо.

— Почему?

— Они помогут скрыть ваше присутствие в Эстрайе.

Магия? Анна всмотрелась в чеканный рисунок. Непонятные символы, соединенные тонкой вязью...

— Оберег? Ну, пусть так. С вами и в бога, и в черта поверишь.

Одна из полотняных стен упала.

Пайлин сделал шаг в сторону и приглашающе вытянул руку в сторону мощеной дорожки.

Стоило Анне ступить на неё, громкий голос возвестил:

— Кара-наири направляется в свои покои!

— А Эйр звал Наири! — шепнула Анна десятнику. — В чем разница?

— Наири вас будут называть после церемонии Обретения. А пока вы — лишь наследница.

Анна приподняла бровь, но промолчала. Здравый смысл, забившийся в самый уголок сознания, ехидно ухмыльнулся.

Шествие получилось, как в кино. Впереди, показывая дорогу, выступал Пайлин. За ним

сопровождаемая по обе стороны рорагами — Анна. При этом инкубы старательно чеканили шаг, приноравливаясь к её темпу.

Остановились перед высокой резной дверью. Через сквозные прорези виднелась трепещущая от ветерка легкая ткань. Пайлин распахнул ажурные створки и отступил, пропуская Анну:

— Если вам что-то не понравится, скажите — переделаем.

Она послушно переступила порог и замерла, пораженная пространством: вся её квартира была раза в три меньше этой комнаты! Солнце, врываясь в огромные окна, заставляло ослепительно сверкать золотые поверхности. Подсвечники, расставленные тут и там, массивные рамы картин... По полу плясали разноцветные блики. Анна подняла голову в поисках источника. С потолка свисала хрустальным дождем роскошная люстра.

У дальней стены пол вздымался ступеньками. Они вели к помосту, который венчало кресло, больше напоминающее трон.

— Кара-наири?

Тихий голос вернул Анну в реальность. Вздернув подбородок, чтобы скрыть замешательство, она прошла вперед.

Пайлин держался за её правым плечом. Как только Анна немного осмотрелась, поинтересовался:

— У вас сегодня был тяжелый день. И обед пропустили. Где прикажете накрывать — здесь, или на веранде?

— Что, тут еще и веранда есть?

Шок накрыл новой волной. Но усталость оказалась сильнее, она даже голод заглушила. К тому же, немного осмотревшись, Анна вспомнила о своем пациенте:

— Поем позже. Скажите лучше, как Эйр? Его прооперировали?

— Не беспокойтесь. Командир идет на поправку.

— Уже?

Помощь, конечно, была оказана вовремя, но сказать, что рораг выздоравливает...

— Невозможно.

Только припечатав приговор, Анна вспомнила, что Эйр — не человек. Интерес к окружающему тут же вытеснил усталость:

— Я хочу его увидеть!

Лица рорагов превратились в маски. Суя по всему, только выучка позволила им остаться невозмутимыми. Пайлин же встревожился:

— Госпожа, вы утомлены после Перехода... Прошу вас, отдохните! А утром командир сам придет.

Это заявление подстегнуло любопытство.

— Где у вас больница? Далеко? Я должна увидеть его немедленно!

Пайлин сдался:

— Как скажете. Только тут нет больниц. Вокруг охотничьего домика запрещено возводить дома. Господин Эйр в крыле для слуг.

— Веди! И можно что-то попримочнее из одежды? Пока я свою постираю...

Узкая юбка не позволяла сделать шаг привычной ширины, заставляя семенить, а край шарфа постоянно норовил соскользнуть с плеча. Приходилось постоянно его придерживать.

Вместо ответа Пайлин прошел вперед и... отодвинул часть стены. За ней скрывалась комната, ненамного меньше спальни. Внутри, на бамбуковых шестах, висла одежда.

— Выбирайте, кара-наири. Все тут в вашем полном распоряжении!

Но при огромном количестве нарядов, выбирать оказалось не из чего. Отрезы вышитой ткани, шарфы, палантины, длинные юбки... и ничего комфортного. Анна вздохнула и отвернулась от шкафа:

— Ладно, пусть будет, как есть. Веди!

Её уже не занимали ни чудесные интерьеры, ни само шествие. Наметив цель, Анна перестала замечать происходящее. Сейчас был важен только Эйр. Его самочувствие и методы местных врачей, так быстро поставившие рорага на ноги.

Место, отведенное под лазарет, убивало тишиной. Пустой длинный коридор, очень светлый из-за множества окон. Эхо шагов бежало впереди, словно пытаюсь предупредить о визите, но не успело. Пайлин без стука отворил одну из дверей, и Анна переступила порог.

На узкой кровати полусидел, обложенный подушками, Эйр. Рядом, с кипой бумаг с руках, стоял рораг и слушал командира:

— Нужно проверить, работают ли ловушки вокруг... Наири!

Эйр попытался вскочить. Рораг рухнул на колено. Несколько листов с записями выскользнули и веером рассыпались по полу.

— Лежи!

Анна удержала неугомонного телохранителя в кровати. Упрямец не желал нарушать субординацию, пришлось наклониться и слегка прижать его к подушкам. Их лица оказались близко-близко, так, что Анна почувствовала дыхание Эйра на щеке. Сразу стало неловко. Она поторопилась выпрямиться, но изгиб бледных губ какое-то время стоял перед глазами. Анна огляделась, скрывая смущение:

— Видимо, больничные палаты во всех мирах одинаковые. Кто тебя оперировал?

— Никто. Маги наложили лечебные заклятия. Завтра я буду здоров.

— Быстро.

Анна даже не попыталась скрыть удивления.

— Посмотреть можно?

Эйр тут же потянулся к повязке.

— Подожди. Дай я сама.

Чтобы снять бинт, пришлось снова придвинуться вплотную. Но Анне было все равно — сейчас перед ней находился не мужчина, а всего лишь пациент. Она разматывала повязку тур за туром, осторожно, стараясь не потревожить рану. Пальцы задевали гладкую кожу, и Анна поймала себя на мысли, что хочется прикоснуться еще и еще, настолько приятными оказались тактильные ощущения. Наконец, бинт полностью оказался в её руках. Шов прикрывала теперь только пропитанная засохшей кровью салфетка.

Анна отвернула край и с сожалением отступила — отрывать от такой раны повязку было чревато. Эйр понял правильно. И резким движением сорвал ткань.

Анна вскрикнула — кровотечение могло снова открыться. Но на месте раны багровел хорошо сросшийся шрам.

— Ваши целители просто... — она запнулась, подбирая слово, — волшебники!

Эйр мягко улыбнулся:

— И все же я жив благодаря Наири. Во время Перехода такая рана смертельна даже для рорага.

— "Даже"? Хочешь сказать, обычно перерезанная артерия — царапина?

— Нет. Это серьезно. Но если есть время и возможность, я сумею остановить кровь и

добраться до целителя вовремя.

— Любопытно, — Анна провела пальцем над шрамом, не касаясь кожи.

Но все равно почувствовала тепло. Шелковистое, обволакивающее...

— А... Ой, извини. Тебе отдыхать надо, а я с вопросами пристаю. Наверно, стоит поговорить с твоим лечащим врачом... Ой, с целителем, — поправила Анна сама себя. — Когда я могу его увидеть?

— Прямо сейчас, кара-наири.

В палату стремительно вошел Тапар. За ним торопился целитель.

— Если угодно, я отвечу на все вопросы. Но в другом месте. Госпожа, пожалуйста, вернитесь к себе...

Воспрянувшая было Анна сникла, сообразив, что её навыки тут не котируются. Она сейчас — как назойливый дилетант, закидывающий вопросами специалиста. Шуму много, а толку от объяснений — чуть.

— Наири?

Эйр, знающий её лучше остальных, уловил смену настроения.

— Все в порядке. Извини. Отдыхай.

— Наири, что случилось? — он снова попытался встать.

Простыня соскользнула, да бедер открыв жилистое тело. Мускулы угадывались под кожей, но не выпирали. Почти совершенство. Анна попыталась отвести глаза, но наткнулась на четкие кубики пресса. Они притягивали взгляд, уводя мысли дальше, под сбившуюся художественными складками простыню.

— Наири? Что с вами?

— Да нет. Ничего. Просто... устала.

— Пайлин! — В голосе Эйра зазвенела сталь. — Так ты выполняешь свой долг? Наири обедала сегодня? Или даже это не можешь сделать, как следует? Окружи её заботой и не позволяй утомляться!

— Простите, господин Эйр.

Пайлин замер, из живого мужчины превратившись в двигающуюся статую. Анна отвернулась и вышла. Остатки хорошего настроения улетучились. Она вдруг поняла, что жизнь изменилась. Полностью и бесповоротно. Отныне все зависит от инкубов, а все её знания и умения теперь не стоят и выеденного яйца.

А еще очень напрягали мужчины вокруг. Один краше другого. И, судя по тому, как двигаются — сложены не хуже своего командира. А еще, похоже, совершенно не стесняются наготы. Слишком уж спокойно воспринял Эйр соскользнувшую простыню.

Едва за Анной закрылась дверь, Эйр вернулся к делам:

— Обучите Наири тому, что ей понадобится в ближайшее время. Только особо не болтайте. И... берегите её. Хорошо берегите. От этой женщины зависит слишком многое.

— Да. А вы?

— А я завтра же еду в столицу. Надо доложить королю подробности. Ну, и еще кое-что сделать.

— Командир, вы уверены? Может, отдохнете день-другой? Все же Переход...

— Ерунда. Я почти здоров. Так, что там у нас дальше по плану?

Целитель положил руку Эйру на запястье. Пульс дергался, словно в агонии.

— Я ведь не смогу вас удержать? Постарайтесь хотя бы не напрягаться. Выспитесь сегодня. И никаких драк!

Анна вернулась к себе. Мысли играли в догонялки, но привести их в порядок ей не дали — усадили за стол, заставленный тарелками.

Она послушно проглотила все. Вкуса не почувствовала. Великолепие нового жилища больше не занимало. Но усталость и перемены в жизни прогнали сон, и после ужина, чтобы хоть чем-то себя занять, Анна отправилась исследовать отведенное ей жилище.

Помимо гостиной, ей полагалась спальня, ванная комната с настоящим бассейном и уборная. Даже самые укромные уголки в покоях блистали позолотой, сверкали хрусталем и рассыпались солнечными зайчиками витражей. Но самое большое впечатление произвел кабинет.

Одну стену заменяло раздвижное окно, и сад казался продолжением комнаты. На возвышении в середине комнаты стоял монументальный стол и кресло. Но царствовали в кабинете все-таки книги.

Они были везде: высокие, до потолка полки хранили одетые в кожу фолианты. В шкафах, в строгом порядке, лежали тубусы со свитками. Пергамент, бумага, папирус... Анна открывала один том за другим, но знаки, ровными рядами покрывающие страницы, были неизвестны.

— Почему я ничего не могу прочитать?

— Госпожа, книги написаны на языке Эстрайи.

— А вы что, все учили русский?

— Простите?

— Вы со мной русским языком говорите.

— Нет. Кара-наири, инкубы все-таки демоны. Мы передаем вам образы. И принимаем их от вас.

— Вот как? Значит, вдобавок ко всему, еще и в голове у меня копаются, телепаты...

Договаривать она не стала, просто молча направилась к спальне. Залезла под одеяло

прямо в одежде и попросила:

— Можете меня одну оставить? Я спать хочу.

Пайлин встревожился. Кара-наири, только что изучавшая окружающее, вдруг потеряла интерес ко всему. Взгляд погас, лицо превратилось в спокойную маску. Конечно, могла сказаться усталость, но рораг чувствовал — это не так. И едва Анна закрыла глаза, кинулся в лазарет. Успевший изучить человека командир был единственным, кто мог предупредить катастрофу.

Эйр пытался хоть немного поспать, чтобы восстановить силы перед дорогой. Выслушав десятника, тут же вылез из-под одеяла. Его шатало, колени подгибались, но он натянул мундир и, придерживаясь за стену, зашагал в сторону покоев Наири.

— Госпожа совсем грустила. И ела без аппетита.

— Почему сразу не доложил?

Перед резными дверьми Эйр остановился, собираясь с силами. Волосы на висках намокли, капля пота слезой сползла по щеке. Наконец, взяв себя в руки, рораг толкнул створки и вошел.

Анна лежала, бездумно вглядываясь в складки балдахина. Появление Эйра прошло незамеченным.

— Наири?

Она медленно повернула голову, узнала инкуба и резко вскочила. Бордовое одеяло упало на пол.

— Зачем ты встал?

— Все в порядке.

Эйр попытался высвободить руку из цепких пальцев Анны, но та только поморщилась, считая пульс. Рораг замер, пережидая.

— Слишком частый и прерывистый. Только не говори мне, что у инкубов это норма!

Она подвела его к дивану, заставила опуститься на мягкие подушки.

— Зачем так рисковать? Мы же только что виделись.

— Но с того времени Наири успела заскучать.

Анна горько усмехнулась:

— Тебе о каждом моем шаге докладывают?

— Конечно, — Эйр остался серьезным. — Я благодарен за заботу, но ваше самочувствие куда важнее. Вас что-то беспокоит? Напрасно. Я готов заново принести все клятвы...

— Это что-то изменит? Сдержи только одну, Эйр. Найди мне замену. Иначе я свихнусь.

— Я... понимаю. Тут все чужое, непривычное. Примите случившееся как новый опыт, как приключение, наконец. Пайлин обучит вас самому необходимому, ответит на любые вопросы...

— Пайлин? Не ты?

— Увы, госпожа. Я принадлежу королю. И завтра с утра отправляюсь во дворец.

— Но ты обещал...

— Я вернусь, как только смогу. А пока постарайтесь поверить тем, кто окружает вас. Они жизни свои отдадут ради вашей безопасности.

— Я это уже слышала.

— Вы справитесь, Наири.

Эйр поднялся, готовясь уйти. Во время прощального поклона окружающие предметы затеяли хоровод. Попытался удержаться, но ноги подвели окончательно и Эйр упал. Прямо

на Анну.

Она среагировала мгновенно. Извернувшись, переكاتила инкуба на диван и привычным жестом приподняла веко, проверяя зрачок. Нащупала пульс. Он ей совершенно не понравился.

Анна уже приготовилась реанимировать, но спохватилась и медленно убрала руки. Бездействовать, когда рядом нуждаются в медицинской помощи, было непривычно, однако сейчас высока вероятность навредить. Кто знает, что для этих инкубов норма?

— Эйр, ты меня слышишь?

Осторожные похлопывания по щекам не помогли.

— Эй! Очнись!

Пощечины стали жестче. Потом Анна ухватила инкуба за мочки ушей и сильно потерла.

— Глазки открываем! Аууууу.

Нашатыря под рукой не было. Смочить виски спиртным? Но какая будет реакция?

Анна подбежала к двери и позвала.

Рораги ворвались, готовые убивать. И замерли, глядя на неподвижное тело.

— Вот, — вздохнула Анна. — Обморок. Сделайте что-нибудь, а?

Тапар отгеснил её от дивана:

— Наири, вам не стоит самой с ним возиться. Для этого есть мы.

Маг проверил зрачки и пульс. И... переключил внимание на Анну:

— Госпожа, вы побледнели. Переутомились? Сейчас я пришлю целителя, он заварит травы...

— Обо мне не беспокойтесь...

Но маг уже увлек её из комнаты.

Медового оттенка дерево веранды покрывал толстый ковер. Анна провела рукой по мягкой поверхности. Пальцы запутались в приятных на ощупь ворсинках. Шелк. И большие разноцветные подушки тоже из него. Как и полупрозрачные белые занавески. Они создавали иллюзию уединения, не мешая любоваться великолепным пейзажем.

Прямо перед верандой, на полоске ухоженного газона, отражала солнечные зайчики спокойная поверхность прудика. Одинокий розовый лотос поднял полураскрытую голову над водой и замер, словно оглядываясь. Чуть дальше застыли в дреме деревья, лишь изредка обмахиваясь зелеными веерами листьев. И непонятно было — то ли легкий ветерок создает это движение, то ли сам рождается из него...

Анна откинулась на подушки, созерцая окрестности. От успокаивающего отвара Тапара стало хорошо и спокойно. Тревоги последних месяцев внезапно улетучились, словно не было резкой перемены в жизни. Рораги замерли у столбиков, поддерживающих шелковый полог, и напоминали статуи. Неподвижны. Красивые. И словно неживые. Анна перестала их замечать почти сразу, и очнулась, только когда заметила, что не торопясь ест из крохотных мисочек, расставленных на широком подносе.

Манго со сладким рисом, жареный в кляре банан, дыня, залитая воздушным облаком крема... Вместо вилки в пальцах удобно устроились палочки. Анна отложила их в сторону и застонала — тяжесть в животе мешала двигаться. Так много и часто она еще никогда не ела!

Движение за спиной привлекло внимание. Коленопреклоненный рораг осторожно покачивал большой веер, создавая прохладу. Синие, с переливом перья оттенялись мелким жемчугом. Нанизанный на нитку, он рассыпался по темному фону фантастическими узорами.

— Можно посмотреть?

Рораг молча протянул опахало. Анна повертела его в руках, любуясь изящной вещицей. Но мысли уже перестали течь спокойно, требовался выплеск энергии.

— Как Эйр? Ничего не известно?

— Капитан пришел в себя и теперь отдыхает.

— И навестить его, конечно, нельзя.

— Нежелательно, госпожа. Командиру сейчас необходим покой. Но если кара-наири настаивает...

— Да Бог с тобой, что я, нелюдь? Пусть отдыхает.

Анна вздохнула, она на самом деле переживала за Эйра. Прилипала, похуже банного листа, но... привычный. В отличие от остальных.

Решив, что именно этим и объясняется её тревога, Анна откинулась на подушки и прикрыла глаза — впечатлений оказалось слишком много.

Эйр старательно впихивал в себя принесенную Тапаром курицу с рисом и овощами. Маг стоял рядом, держа наготове кружку с отваром.

— Может, отложишь поездку? Или возьми повозку...

— Нельзя. Я не могу терять время. Так что оставляю все на тебя и Пайлина.

— Мне это не нравится, — маг поднял руку, заставляя Эйра замолчать. — Кара-наири ведет себя... — тонкие пальцы заплясали в воздухе, помогая подобрать слово, — неадекватно. Для людей такое состояние опасно. Тебя она знает, доверяет... Его Величество поймет, если ты отправишь с докладом кого-то другого.

— Доверить новости письму? Ну нет. Что касается Наири... Обеспечь её необходимым, и вскоре она захочет большего. Исполни все капризы человека — и мысль о вседозволенности закрадется в любую, даже самую умную голову. И тогда то, что казалось неприемлемым, станет нормой. С ними всегда так. Не беспокойся. Наири вернется очень скоро, — Эйр отложил ложку. — Ну, давай сюда свое лекарство. И разбуди ближе к полуночи.

Длинный, пронзительный стон взвился к звездам. Анна резко села, оглядываясь. Пруд с лотосом спрятался во мраке, а деревья, что так манили спрятаться в тени днем, теперь темнели непонятной, пугающей стеной.

Стон повторился. Анна поежилась. Нервы словно на вал намотало.

— Что это?

— Жверинда, — рораг бережно накинул на плечи Анны мягкую шаль. — Для кара-наири она не опасна.

— Вот как...

Анна укуталась поплотнее. Её знобило — то ли от вечерней прохлады, то ли крик так подействовал.

— Госпожа, вам лучше уйти в дом. Ночи в этих краях холодные.

— Наверное, — она направилась за рорагами. — Как Эйр?

— Командир отдыхает. Вы тоже отдохните — день выдался тяжелым.

Анна пожала плечами. Интересно, что, по их мнению, она делала весь вечер?

Но, как оказалось, для отхода ко сну существовал целый ритуал.

Бассейн в ванной комнате наполнили горячей водой и напустили голубоватой,

пахнувшей фиалками пены. Снова пришлось выдержать бой за уединение. Анна злилась, но в душе понимала комичность ситуации: женщина в возрасте изо всех сил отбивается от молодых красавцев, горящих желанием услужить.

Явившийся Пайлин встал на её сторону. И перед уходом расставил на бортике бассейна пузырьки:

— Целители велели передать, раз уж вы их к себе не подпускаете. Это для волос, госпожа. Это — для тела. Вот этим можете умаститься, когда закончите купание...

Теперь Анна смогла искупаться как следует. Усталость отступила, да и нервы успокоились: если подглядывают — им же хуже, могли и поинтереснее занятие найти. А она не маленькая девочка, поднимать панику из-за мужских взглядов.

Для сна ей приготовили одежду, которая больше открывала, чем скрывала секреты женского тела. Анна хмыкнула — ну как есть мазохисты! Хотят мучиться — их проблемы.

Пайлин встретил у двери и проводил к кровати. Звякнули, качнувшись, хрустальные нити, сверкающим дождем свисающие по обе стороны от ложа. Упали занавески, более не сдерживаемые атласными подхватами. В комнате воцарился приятный полумрак.

Оставшись одна, Анна закрыла глаза. День был долгим, и последние события утомили.

Но то ли духота гнала прочь сон, то ли дневная дрема его перебила... Анна ворочалась на повлажневших от пота простынях, считала сначала белых, затем серых овечек. Наконец, решив, что виной всему свет, задула огонек в лампе.

Неестественная темнота обступила со всех сторон. Большое пространство спальни сыграло злую шутку — казалось, во мраке скрывается нечто живое, дышит и... шевелиться!

Над головой кто-то вздохнул, да так, что Анну обдало потоком воздуха. Завизжав, она скатилась с кровати, шаря руками по полу, в попытке нащупать хоть что-то, напоминающее оружие.

Створки двери грохнули о стену. Вместе в рорагами в комнату ворвался свет.

Чудовища рассеялись. И только одно продолжало ворочаться над кроватью, запутавшись в складках балдахина.

— Госпожа, кто...

— Там! — Анна ткнула пальцем в шевелящуюся ткань. — Что там такое?

Один из рорагов заглянул и недоуменно пожал плечами:

— Никого нет, кара-наири. Только опухало.

— Что?

Анна не поверила и сама полезла смотреть. Над кроватью, поперек реек, удерживающих ткань, висела тонкая деревянная пластина. Прикрепленная к ней тесемка то натягивалась, то опадала, заставляя опухало раскачиваться.

— Интересная конструкция. А предупредить не судьба? Меня чуть инфаркт не хватил!

— Простите, госпожа.

Инкубы извинялись, но Анна уже знала эту привычку: в любой непонятной ситуации — проси прощения. Все, на что хватило сил — усталый вздох:

— Мне дадут поспать?

Её вновь оставили одну. Задуть свечу Анна больше не решилась, так и задремала, глядя на танцующий огонек.

Но в мире сновидений оказалось еще хуже. Длинные коридоры ветвились, поднимались вверх лестницами, опадали крутыми горками... И кто-то шел следом, медленно, неотвратно. Эхо шагов металось, обгоняло, кружило вокруг, но не отставало. Анна бежала,

так, что сердце грозило пробить грудную клетку, и легкие пытались вырваться с кашлем... А преследователь неумолимо настигал, даже не ускоряя темпа.

Вырвал из нескончаемой ловушки протяжный крик. Анна вздрогнула и проснулась, таращась в темноту. Все не могла сообразить — где она. В яви, или еще продолжается сон.

На движение рядом с кроватью материализовался рораг. Свеча уже погасла, и Анна не видела лица мужчины. Но едва заметный в темноте силуэт сейчас стоял между ней, и кошмаром. Впервые за последние дни Анна порадовалась, что не одна в комнате.

— Кара-наири? Вас потревожили?

— Крик. Снова.

Анна выбралась из кокона простыней и распахнула шторы.

Огромная, неестественно желто-зеленая луна освещала джунгли. И там, в глубине чащи, среди льнувших к деревьям лиан кричала неведомая жверинда. То ли от ужаса, то ли от отчаяния.

— Название я уже слышала. Но... кто это? Зверь?

— Рыбы. Они всегда так кричат во время нереста.

— Вот дела... Не знала, что рыбы орать умеют.

— Они еще и танцуют.

Анна оглянулась на рорага — смеется? Но инкуб казался совершенно серьезным.

— Вижу, у вас тут много диковинок. Не заскучаю. Я... могу прогуляться?

— Кара-наири... — телохранитель чуть склонил голову и отступил к дверям.

— Подожди! Не говори остальным. Я хочу побыть в одиночестве.

— Мы не помешаем, госпожа. И накиньте шаль — из леса прилетает холодный ветер.

Анна подхватила палантин и вышла вслед за рорагом.

Он зажег фонарь, напоминающий оранжевый шар физалиса и пропустил Анну вперед, позволив самой выбирать дорогу.

Она присела на скамейку в саду, подставив лицо ветерку. Телохранитель замер за спиной.

Но не прошло и десяти минут, как появился Пайлин.

— Кажется, моя прогулка кое-кому поперек горла встала. Извини, я не знала, что это проблемы вызовет!

— Не беспокойтесь, кара-наири. Вы в своем праве... Кого-то ищете? — Пайлин смотрел, как она крутит головой, высматривая что-то в темноте.

— А? — Анна перестала оглядываться. — Эйра. Судя по тому, что ты лично сюда примчался, скоро и он явится.

— Командир уже уехал.

Конь хрипел, роняя на грудь и сапоги всадника клочья пены. Эйр не заботился о жизни животного — он должен успеть в столицу до рассвета. В демонской ипостаси дорога заняла бы часа три, но силы еще не восстановились, да и пополнить их будет непросто — из людей в Эстарье только Анна. Потому и не принял помощи у остальных. Забрать хоть одного рорага значит — ослабить защиту Наири.

Столица встретила как обычно — шумом вливающейся в ворота толпы. Но перед ним поток расступился — черный мундир королевского телохранителя заставил всех прижаться к обочинам. Эйр даже коня не придержал — доклад государю куда важнее нескольких сбитых демонов.

Звание Верховного рорага позволяло Эйру являться к королю в любое время дня и ночи.

Вот и теперь никто не посмел задержать спешащего по мраморным спиральям лестниц рорага. Он знал, куда идти — король начинал работу задолго до рассвета. Вот и теперь склонился над бумагами, и даже головы не повернул, когда Эйр вытянулся в струнку перед массивным столом. Бросил, листая страницы:

— Докладывай.

Эйр отрапортовал коротко, опуская подробности.

Выслушав, король аккуратно сложил письмо, которое читал, и вложил обратно в конверт.

— Справишься? Или еще рораги нужны?

— Справлюсь, Ваше Величество. Опасно раздувать штат, даже если это королевские телохранители.

— Как скажешь. Но не рискуй — сердце Эстрайи сейчас бьется в такт человеческому. Не позволяй ему остановиться.

— Да, Ваше Величество.

— Когда обратно?

— У меня есть тут несколько дел. Как закончу...

— Поторопись. И явись на осмотр к моему лейб-медику. Неважно выглядишь. Не спорь! Это прямой приказ.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Эйр отсалютовал потерявшему к нему интерес королю и покинул кабинет.

Тело жаловалось после перехода и ночной скачки, шрам пульсировал болью, но рораг старался не обращать на это внимания. Приказ государя следовало выполнить в точности: поскорее управиться с делами и обеспечить полную охрану кара-наири.

В каземат, расположившийся под дворцом, даже глубже, чем винные погреба, входить без теплого плаща было чревато. Часовой посторонился, и толстая дубовая дверь закрылась за спиной Эйра. Дыхание срывалось с губ белесым облачком, и когда рораг дошел до большого зала, его ресницы поседели от инея.

В пыточной пришлось скинуть плащ и расстегнуть мундир — большую часть пространства занимал очаг. Багровое пламя с жаром обнимало железные прутья, которые для этого укладывали на решетку.

Эйр подал знак. Писарь тут же отложил гусиное перо и, собрав записи, выскользнул за дверь. Палач проверил инструменты и достал веревку.

— Я сам. Ступай.

— Вы уверены, господин рораг? Негоже вам, королевскому телохранителю, ручки марать... Мне это дело сподручнее.

— Я справлюсь. Иди. И скажи там, чтобы не мешали.

— Как скажете, господин. Ежели понадобится — вон за тот шнурок дерните. Я точь-точь явлюсь!

— Хорошо. Да иди же!

В дверях палач столкнулся с двумя тюремщиками. Те старались протащить в узкую дверь безвольно обвисшее тело.

Эйр нахмурился:

— Уже порезвились? Кто велел?

— Да как можно, господин хороший? От страха в обморок бухнулась. У нас тут и не такие без чувств валялись. А с этой что взять? Тростиночка...

— Я понял. Поторопитесь!

Девушку подтащили к столбу и, защелкнув кандалы, протянули сквозь них цепь. Руки узницы взлетели вверх, но голова оставалась опущенной, и спутанные волосы закрывали лицо.

Эйр осторожно отвел слипшиеся пряди. Запавшие глаза открылись, в них не было ни тени страха.

— Что же ты наделала, дуреха? Зачем?

Она молчала. И взгляд не отвела.

— Так и будем в гляделки играть? — Эйр вздохнул. — А ведь я тебе верил.

Едва он убрал руку, как Лаир снова спряталась за покровом волос. Молчание затянулось.

— Лаир... Ну ответь. Зачем? Кто приказал? Скажи сама, тебе будет легче, ты же знаешь — у меня рука не дрогнет!

— Тогда хватит болтать!

Сипение мало напоминало яркий, звонкий голос Лаир.

— А если я не хочу? От тебя же ничего не останется!

— Жалеешь меня, господин капитан королевских телохранителей? Мне уже все равно. Делай, что обязан, и будь что будет!

— Лаир, подумай. Я не смогу еще раз дать тебе шанс. Наири...

— Да пошел ты! Вместе со своей Наири!

Рука рорага снова взметнулась к лицу Лаир, но от былой нежности не осталось и следа. Голова девушки дернулась.

— Не смей. Слышишь? Не смей даже думать о Наири неуважительно!

— А то что? Убьешь? Тогда поторопись!

Вместо ответа капитан сменил мундир на кожаный фартук и натянул толстые перчатки.

— Не вини меня. Я старался избежать этого.

— Господин Эйр!

Рораг замер, так и не прикоснувшись к раскаленному железу.

— Почему вы так её защищаете? Я ведь знаю, как капитан королевских телохранителей к людям относится. Только не говорите, что все это из-за долга. Или... — острый кончик языка быстро лизнул разбитые губы.

Лицо Эйра исказила брезгливая гримаса.

— Посмотрите на него! Наш храбрый рораг не может контролировать эмоции. А вдруг вот так же при своем божестве скривись? Что скажет король? Его верная тень поставила под угрозу само существование Эстрайи...

Эйр прервал насмешки Лаир выверенным ударом. Окровавленные губы изогнулись в усмешке:

— Ладонью неба не закрыть. Я честнее тебя, господин телохранитель. Я не...

Вторая пощечина последовала вслед за первой. Хриплый смех напомнил воронье карканье.

— Это все, что ты можешь? Оплеухи раздавать?

Но Эйр уже сосредоточенно перебирал разложенные на столе инструменты:

— Ты действительно хочешь увидеть все мои умения? Тогда приготовься!

Рораг вошел в спальню без предупреждения. Распахнул занавески, закрепил подхватками кроватный полог. Солнечный свет залил комнату, мешая спать.

Заснувшая только под утро Анна зажмурилась и зарылась лицом в подушку. Но на рорага не подействовало:

— Кара-наири, пора вставать. Вы и так спали больше положенного.

— А Эйр про режим ничего не говорил!

— И все же...

— Это месть, да? За то, что ночью всех разбудила?

— Простите. Но у вас мало времени. Без строгого соблюдения графика вы не успеете пройти обучение до праздника.

— О нееет.

Анна села в кровати и уставилась на телохранителя:

— Ну, так и будешь стоять? Мне встать надо!

— Госпожа, я помогу... — мужчина метнулся к кушетке, на которой лежал широкий палантин.

— Сама справлюсь. Иди уж отсюда, а то я опять спать лягу, раз из кровати не

выпускают.

Хоть рораг и ушел, Анна очень сильно подозревала, что сквозная резьба в двери кроме эстетического имеет еще и практическое значение. Поэтому, когда пошла умываться, поплотнее закрыла дверь. Как подогреть воду, она не знала, умылась холодной. Зато это помогло проснуться!

В гардеробной на всякий случай заперлась изнутри. Подглядываю — шут с ними, а ну как помогать ворвутся?

Оказалось, ничего приличного для неё так и не приготовили. Все прозрачное, очень короткое или напротив — слишком длинное. Узкие юбки с разрезами чуть не до талии, отрезки ткани, которые, судя по всему, надо было драпировать вокруг тела... И ни одной блузки!

Выбор одежды занял много времени, так, что даже охранники забеспокоились.

— Госпожа, у вас все в порядке?

Стук в дверь грозил перейти в выламывание.

— Да, уже выхожу.

Зеркало показывало что-то несуразное. Анне пришлось повозиться, чтобы выглядеть прилично. Она накручивала один слой ткани на другой, стараясь прикрыть наготу многослойностью. И радовалась, что с обувью таких проблем нет — босоножки на высокой танкетке вполне подошли под наряд.

Завтрак уже накрыли. Мясной суп с лапшой удивил привкусом кокосового ореха. Им же благоухали рисовые шарики. Внутри каждого спрятался кусочек креветки. На сладкое подали затейливо нарезанные кусочками фрукты: манго, киви, дыню.

— А кто всю эту прелесть готовил?

— Простите. Во дворце еда будет лучше, а пока... — опустил голову рораг.

— Наоборот! Вкусно. Очень. Можно поблагодарить повара?

— Здесь только рораги.

— Значит, сами? — Анна вспомнила, что Эйр говорил по поводу кулинарных умений телохранителей. — Спасибо. А кофе сварите?

— Нет, госпожа. Из напитков — сок. Принести?

— Давай, — Анна вздохнула. Как можно жить без кофе? Горячего, свежего, с густыми сливками и очень-очень сладкого!

Напиток из неизвестного фрукта приятно взбудрил. Но полностью проснуться без кофе не получилось, Пайлин даже посочувствовал:

— Простите, пока мы не достали ваш любимый напиток — активность в окрестностях охотничьего домика может вызвать подозрения. Вы закончили завтракать?

— Да. Благодарю.

— Тогда начнем занятия? В кабинете будет удобно?

Перемещение из одной комнаты в другую рораги снова обставили, как большой королевский выход. Анна почувствовала себя если не английской королевой, то принцессой — точно.

Анна устроилась за столом. Пайлин замер напротив.

— Кара-наири, я не знаю, что именно рассказывал вам об Эстрайе командир, поэтому простите, если повторяюсь.

— Я вся внимание.

Анна выпрямилась, сложив руки на столе — как примерная ученица. Серые глаза

женщины встретились с оливковыми — инкуба, заставив его запнуться.

— Вы, наверное, уже знаете, что нам для продолжения рода необходим особый вид энергии. Тот, который высвобождается при человеческом оргазме. Мы называем его праной. Но в этом мире люди появляются редко, и ненадолго — сариты безжалостны. Что они могут сделать с теми, кого считают грязью, вам лучше не знать. Поэтому люди жили спокойно только в Эстрайе. Мы оберегали их, как могли, обеспечивали всем необходимым. И, постепенно, у нас появился второй Двор, богини-жрицы. С его структурой я вас сегодня и познакомлю.

Во главе рода стоит Наири — воплощение богини-матери, прекрасной Лилит. Её слово — закон, её желание — закон, её мнение — неоспоримо. Единственное ограничение для Наири — она не может влиять на политику страны. Это прерогатива короля и Совета. Во всем остальном... даже Его Величество склонит голову перед величием воплощенной богини.

Ступенью ниже стоят наследницы, кара-наири. Дочери или внучки, что бывает реже. Увы, при всей своей власти век Наири отмерен человеческий. Он не долгов по сравнению с жизнью инкубов.

— А сколько они живут?

— Я помню трех Наири, госпожа. Вы будете четвертой.

— Впечатляет! Так Наири может стать только женщина?

— Да.

— А... что случается с мальчиками?

— Живут в свое удовольствие. Принимают поклонение. Увеличивают необходимую прану. Род продолжают. Для рождения ребенка нужны двое.

— А от инкуба родить можно?

— Да. Но такой союз очень редко приводит к появлению детей. Плоды истинной любви, а не желания. И у них есть дар. Самые сильные маги Эстрайи — полукровки. Тапар, например...

— Тапар? Он полукровка?

— Вскоре вы научитесь их различать. Вы не устали?

— Нет. Очень интересно.

— Пока не проведен обряд инициации, госпожа лишь наследница. Хотя праной одарить наш мир сможете.

— А этот обряд... он страшный? Сложный?

Пайлин улыбнулся:

— Тонкости вам Тапар сообщит, я знаком с ним лишь в общих чертах.

— Ну, тогда то, что знаете.

— Говорят, во время обряда в Наири вселяется сама Лилит. В действительности Богиня-мать лишь благословляет ту, что заботится о её любимом народе. Госпожа? Вам плохо?

— Нет, ничего, Анна помахала рукой, то ли успокаивая Пайлина, то ли отгоняя головокружение. — Просто... странные ощущения. Наверно, акклиматизация. Расскажи еще про Лилит.

Но Пайлин отказался.

— Закончим на сегодня. Вам нужно отдохнуть перед следующим уроком.

— Я не хочу возвращаться в спальню.

— И не надо. В вашем распоряжении еще весь сад. Хотите снова принять ванну? Купель

в беседке наполнили чистой водой и собрали свежие цветы.

Купаться? Снова? Анне больше хотелось погулять по саду, а то и по джунглям, знакомясь с новым миром. Но у инкубов явно развита мизофобия. Или она была у их прежней Наири? Хотя, если подумать... частые купания при такой жаре вполне естественны.

— Вы искуситель, Пайлин.

Купание прошло по уже знакомому сценарию. Беседку окружили плотной тканью и оставили Анну в покое. Нежась в горячей воде, она лениво гоняла плавающие на поверхности лепестки цветов и пыталась привести чувства в порядок. Упоминание Лилит тревожило. Ничего хорошего от той, кого в её мире называли Матерью демонов, Анна не ждала.

Неожиданно по спине пробежал холодок. словно кто-то легко-легко подул на обнаженную кожу. Анну передернуло. Странные ощущения в горячей воде. Или это кто-то из магов балуется?

Холодок появился снова. Теперь он скользнул по груди, заставив сморщиться соски. Анна прикрылась руками огляделась. Никого. А невидимый шалун продолжал развлекаться — щекочущие ощущения возникали на животе, на шее, на бедрах. Когда невидимая рука провела по темному треугольнику волос, Анна не выдержала. Одним прыжком выскочила из бадьи, завернувшись в полотенце от шеи до пят, и позвала:

— Там кто-нибудь из магов есть?

Тапар явился тотчас, словно ждал.

— Наири? — он оглядывал её, стараясь не выдать удивления. — Что-то случилось? Вас напугали? Кто? Здесь, кроме дневных бабочек никого нет.

— Есть, — отрезала Анна. — В доме есть маги. И мне это не нравится.

Тапар посерьезнел:

— Госпожа, вы можете рассказать поподробнее? И прошу, присядьте, вам неудобно там стоять.

Он усадил её на низенькую скамеечку, и сам присел на корточки рядом.

— Я слушаю, Наири.

— Скажи, маги могут прикоснуться к человеку на расстоянии?

— Вас кто-то трогал? — вмиг посерьезнел Тапар.

— Да. словно невидимой рукой по телу провели. И ветерок... Знаешь, такое ощущение, словно дули.

— Хм, — на лицо мага набежала тень. — Наири, а кроме этого ничего необычного с вами не происходит? И когда это началось?

— Ну, — она задумалась, говорить, или нет. — Началось еще там, дома.

— Не беспокойтесь, госпожа. Я усилю охрану. Маги увеличат щит, и вас больше не побеспокоят.

— То есть вы исключаете, что это кто-то из ваших людей? Простите, инкубов конечно.

— Они не самоубийцы, Наири. Но я проведу расследование. Если это кто-то из них — вы получите его голову.

Анна долго смотрела на качающуюся занавеску. "Получите его голову". Они так легко говорили о жизни и смерти... Анна поежилась — полотенце промокло и перестало согревать. Да и время, отведенное на купание, истекало.

Тяжелые мысли занимали до самого обеда. Накрыли его прямо в саду, притащив

круглый столик. И тут Анна заподозрила, что её откармливают.

— Меня съедят?

— Простите? — рораг замер с пиалой в руке.

— Нормальный человек не съест столько. Вы смерти моей хотите?

— Госпожа!

Глядя на паникующего телохранителя, Анна вздохнула:

— Пошутила я. Давай ложку. Но, ради всего святого, я что, действительно должна съесть все?

— Приятного аппетита.

Пайлин с поклоном подал прибор и отодвинулся чуть за спину. Но, повернув голову, Анна различала замерший на коленях силуэт. Пайлин ей нравился. Он был проще Эйра, и разговаривать с ним было легко.

Позже инкубы позаботились и о послеобеденном отдыхе. Раскатали на траве ковер, разложили подушки.

Полный желудок требовал покоя. И Анна решила получить от этого момента как можно больше удовольствия. Не каждый же день на такой пикник попадаешь!

Мысли текли патокой. Глаза слипались, но из леса появился мужчина. Рораги даже не пошевелились. Анна успокоилась — значит, свой. И продолжала лениво поглядывать по сторонам.

Пайлин сидел в изголовье. Несмотря на жару, черная рубашка оставалась застегнутой на все пуговицы. Большой, чуть изогнутый меч лежал на траве. Солнце высекало искры их аспидно-черных ножен.

Чуть повернув голову, Анна любовалась телохранителем. Как красивым рисунком. Или статуей. Просто смотрела, скользя взглядом, выхватывая отдельные черты, но не соединяя их в одно. Красивый изгиб бровей. Прямой нос. Плотно сомкнутые губы. Ей нравился его отрешенный вид. Пайлин походил на большую кошку, что вот только что спала, но уже через мгновение мчится по саванне, настигая добычу. Или выпускает когти, отвечая на нападение.

Вот и теперь — небольшой поворот головы, быстрый взгляд на подошедшего и снова — обманчивый покой.

В мужчине Анна узнала того самого телохранителя, что сопровождал её на ночную прогулку.

Но как же он теперь отличался от мундирного служаки! Штаны и сапоги на нем остались форменные, остальное... остального не было.

С длинных волос стекала вода. Капли падали на плечи и устремлялись дальше, по загорелой коже, огибали четкие квадратики пресса и впитывались в ткань штанов. Сильный, гибкий... Сексуальный... Мечта!

— Кара-наири...

Подошедший мужчина опустился у ковра на одно колено и протянул Анне сложенные лодочкой ладони.

В них скрывалась небольшая чаша. Стали понятны аккуратные движения рорага — он боялся расплескать воду. Едва поверхность успокоилась, как её снова повело рябью, и Анна охнула: на неё уставились два поразительно мерцающих глаза.

— Кара-наири спрашивала о жверинде. Я подумал, вам будет интересно увидеть её саму.

— Такая крошечная?

В этот момент рыбе надоело плясать, и она подняла голову над водой. Жабры раздулись, и над поляной полетел крик, так напугавший Анну ночью.

— Потрясающе! А с виду — обычная селедка! Только глаза красивые.

— В них — отблеск луны. Когда жверинда умирает, они превращаются в драгоценные камни. Вот! — инкуб снял с пальца кольцо и протянул Анне.

В серебряном ложе покоился круглый камень. Призрачно-белый, словно клубящийся туман. Как опал, мерцающий в свете Луны.

— Он светится ночью.

— Ужас какой. Как можно такое носить?

— Кольцо — знак рорага, госпожа. Посмотрите, почти у всех оно есть!

Анна огляделась. И правда!

— И как вы всех рыб еще не извели?

— Жверинда — непростая рыбка. Тот, кто её убьет, познакомится с проклятием. У такого рыбака никогда не будет детей. Мало того — члены его семьи в течение года станут бесплодными.

— А как же... вы?

— В день, когда рораг приносит клятву верности, он оставляет родных. Мать, выкормившую его грудью. Отца, заботливо растившего... Братьев и сестер. В миг, когда звучат последние слова, для рорага остается только король. Или Наири. Ну, а чтобы подтвердить это, новый телохранитель должен убить жверинду и принести камни. Один он отдает своему господину, второй, в знак верности, носит сам.

— А Эйр? Я не видела у него такого кольца.

— У капитана? Он вырос в Военной Академии. Сироты, воспитанные там, считаются детьми короля. Поэтому командир скорее умрет, чем обидит жверинду. А вместо кольца у него браслет.

Анна вспомнила широкую бисерную полоску на руке Эйра. Она еще тогда подумала, что совсем не мужское украшение.

— Выпусти рыбу, где взял.

— Жверинды хорошо живут в домах. Может, оставите?

Идея показалась Анне неплохой.

— А где её держать? Чем кормить?

— Я все сделаю, госпожа. Только скажите...

— Кара-наири!

Услышав Пайлина, рораг с рыбкой тут же отошел в сторону. А десятник легко поднялся на ноги.

— Надеюсь, вы хорошо отдохнули? Готовы к занятиям?

— Уже?

Анна с тоской посмотрела на возящегося со жвериндой инкуба. Впервые за долгое время она нашла подходящего собеседника, и вот... Но Пайлин протянул руку, помогая встать, и пришлось идти по стриженной траве, в дом, а потом дальше, по бесконечным переходам и галереям.

Десятник привел её во внутренний дворик, напоминающий кусочек леса. В зарослях папоротника и хвойных журчал ручеек. Покрытая мхом тропинка петляла между крохотными соснами. Там же в определенном порядке лежали похожие на черепах камни.

— Прошу, госпожа! — Пайлин подал руку.

Анна не сразу поняла, что ей предлагают встать на камень.

— Зачем?

— Походка Наири должна быть грациозной и изящной. Ступая по этим камням, вы привыкните ходить правильно. Не бойтесь, я буду держать вас за руку. Ну, госпожа, смелее!

Анна закусила губу. Она, конечно, не считала себя грациозной бабочкой, но и коровой на льду — тоже. А вот инкубы, кажется, придерживались другого мнения. Но делать было нечего, и Анна подчинилась.

Балансируя при каждом шаге, она порадовалась, что обула танкетку, а не шпильки. Но даже этот небольшой подъем оказался лишним.

Повиснув на руке Пайлина, Анна изо всех сил старалась найти в ситуации хоть что-то приятное. На десятом шаге придумала: ожирение не грозит! С тем количеством пищи, что приносили четыре раза в день, Анна начала всерьез опасаться за свою талию. Не то, чтобы она была помешана на фигуре, но все же...

— Устали?

Пайлин наконец сжалился и позволил спуститься. Земля показалась такой надежной!

— Потерпите. Скоро сможете легко по ним бегать. Даже на каблуках. Церемониальная обувь Наири очень высокая.

— За что мне это?

Анна села там, где стояла. По знаку Пайлина подскочил второй телохранитель, расстелил покрывало:

— Земля влажная, вы можете простудиться.

К вечеру Анна вымоталась окончательно. Заснула, едва унесли тарелки. От усталости она с трудом заставила себя поесть хоть немного. И в ванной не стала садиться, побоялась отключиться прямо в бассейне. Доползла до кровати и не слышала, как рораги опускают полог.

Казалось, только что заснула, а уже будят! Ванна, завтрак, урок.

В этот раз учил Тапар, и Анна вскоре заскучала по Пайлину — тот хоть отдохнуть разрешал!

География не поддавалась. Единственное, что поняла Анна — у Эстрайи много соседей, и почти все хотят отколушнуть кусочек территории себе.

Еще меньше разобралась в магии. Оказалось, прана нужна не только для зачатия и метаморфоз. Инкубы использовали её и для мелких, бытовых надобностей.

Какое-то время Анна обдумывала полученную информацию. Перекинувшихся инкубов

она уже видела, но вот сложить два и два как то не догадалась. Теперь же, когда рядом были учителя, любопытство показалось уместным.

— Тапар... А почему вы как люди выглядите? Из-за меня?

— Нет. Это наш нормальный вид.

— Значит, демоны — боевая форма?

— Не только. В том виде мы выносливее, сильнее. Обостряются чувства. Поэтому и используем по необходимости нужный образ. Ну, как одежду меняем. Правда, потом со здоровьем проблемы, но иногда это неважно. Увы, к таким перевоплощениям мы прибегаем все реже — прана почти исчезла.

— А она нужна только инкубам?

— Другие демоны используют иной вид энергии. В большинстве своем её источником так же является человек.

— Расскажешь?

— Не сейчас, кара-наири, времени на это нет. Вы отвлекаетесь от урока. Утомились? Тогда сменим род занятий. С вами позанимается Пайлин, после чего вы немного отдохнете. А мы продолжим вечером.

— Хоть бы с утра мне расписание сказали — морально подготовиться.

— Как скажете, госпожа, — неожиданно согласился полукровка. Протянул руку, помогая встать из-за стола. На пальце замерцало кольцо.

— Подожди. Я думала, ты маг.

— Маг. Целитель. Вас что-то смутило?

— Кольцо, — показала Анна. — Это же жвериндовое? Я думала, их только рораги носят.

— По вашему, маг не может быть телохранителем? — мрачное лицо Тапара осветила улыбка.

Анна невольно залюбовалась. Таким полукровка нравился ей куда больше! Высокий, широкоплечий... С длинными седыми волосами, забранными в хвост. Рораги, как успела заметить Анна, вообще предпочитали отращивать косы. Эйр, с его короткой стрижкой, оказался исключением. Но и Тапар... не походил на остальных. Телохранители, все как на подбор, словно сошли со страниц любовных романов. Статные, молодые... и невероятно красивые. Ожившие статуи древнегреческих мастеров. А вот Тапар казался... живым. И человеческим. Но это совсем не мешало ему иметь стальной характер. Поблажек подопечной он не давал. Проводил в тенистый дворик и сдал с рук на руки Пайлину.

— Опять по камням ходить? — поинтересовалась Анна.

— Не только.

Пайлин отвел свисающие до земли ветки ивы и показал на каменный столбик чуть выше колена высотой.

— Госпожа, Наири должна не только двигаться красиво, но и стоять — изящно. Позвольте?

Он опустил на колено и дотронулся до обуви. В это раз Анна выбрала сандалии с плоской подошвой, а не столь любимую прежде высокую танкетку.

Сначала рораг касался только узких ремешков. Потянул, распуская узелок, провел рукой по завязкам, распутывая плетение. Все это — не сводя с Анны вопросительного взгляда. Словно проверял, как далеко может зайти.

А потом... пальцы соскользнули, прикоснувшись к коже. Осторожно, едва-едва, самыми

кончиками... Раз, другой... и вот ладони уже уверенно скользят по лодыжке, а в темных глазах запрыгали искры.

— Ну и что ты делаешь?

Анна наклонилась, чтобы разуться самостоятельно. Пайлин тут же перехватил её руки:

— Нет, госпожа! Вам нужно привыкать.

— К чему?

— Наири — важная фигура в Эстрайе. Вы должны вести себя соответственно.

И вернулся к прерванному занятию. Правда, взгляд отвел. А вот прикасаться стал смелее.

Под кожей словно электрические разряды гуляли, поднимаясь к колену, и выше. Анна раздраженно отодвинулась:

— Ты разуть меня хочешь, или на траву повалить?

— Как пожелает госпожа.

От улыбки Пайлина стало не по себе. Ни противная, ни сальная... Но было в ней что-то... нехорошее.

— Ты говорил, осанку будем держать? — Анна поторопилась отвлечь его от опасных мыслей.

— Да, кара-наири.

Пайлин, наконец, справился с ремешками. Теперь Анна стояла босиком на прохладной траве.

— Прошу!

— Что? Сюда?

Она вытаращила глаза на столбик:

— Я не акробат!

— Госпожа, мышцам вашего тела нужно привыкать работать правильно. Такое упражнение научит их гораздо быстрее. Прошу!

И он протянул руку.

Его помощник тут же подставил скамеечку.

— На ель ворона взгромоздись... — Анна одарила телохранителей убийственным взглядом и вскарабкалась наверх.

Устоять оказалось нереально. Velo то вправо, то влево. Анна отчаянно балансировала, но почти сразу сдалась и спрыгнула вниз.

Пайлин легко поймал её, не дав коснуться земли.

— Хорошо, кара-наири. Теперь еще раз. И не бойтесь — я всегда вас поймаю.

За час ничего не изменилось. Анна точно так же спрыгивала, едва коснувшись ногами столбика. А Пайлин каждый раз подхватывал, чтобы водрузить обратно.

Наконец, тело отказалось слушаться. Одежда пропиталась потом. Кровь стучала в ушах, грозя смести преграды и фонтаном вырваться наружу, уравнивая давление в черепе с окружающим. Но Пайлин словно не замечал. И Анна просто отказалась в очередной раз взбираться на этот инструмент пыток.

— Лучше сразу убей! Милосерднее будет.

Пайлин молча подал знак.

Тут же, в тени ивы, поставили легкое кресло и столик. Принесли фрукты. И воду. Анна жадно выпила один стакан, второй... третий отобрали:

— Не стоит так. Сосчитайте до двадцати, и вам станет легче! Ну? Помогло?

Для обеспечения комфорта даже опыхало притащили. Ветерок охладил влажную кожу, но мокрая одежда неприятно липла к телу.

— Переодеться бы. Можно?

Хитрый Пайлин не позволил ей скрыться в комнатах. Рораги сами принесли новый наряд. Попытались прислуживать во время переодевания, но Анна привычно закатила истерику. Уговоры, что "надо привыкать к высокому положению" больше не действовали. Рораги сдались и дружно отвернулись.

— Пайлин?

— Да, кара-наири?

— А можно мне другую одежду? То, что есть, не подходит для спорта.

— Простите?

Инкуб удивленно оглядел Анну.

— Наряд вполне соответствует ситуации.

— Но оно... вечернее! И юбка длинная. И золотое шитье...

— Это дневное платье, госпожа. И оно очень скромное. Став Наири, вы на такое и не посмотрите.

— Может быть. Но для занятий...

— Вы не занимаетесь спортом, госпожа. Всего лишь небольшие уроки этикета!

— Этикета?

Анна опешила. Если это — "этикет", то что тогда спортивными упражнениями называют?

— Вы хотите увидеть настоящие тренировки?

Анна подумала, что для её пошатнувшейся психики это будет лишним.

— Не сейчас. Все, чего мне хочется в данный момент — заползти в кровать и отрубиться.

— Пока это невозможно, кара-наири. Урок не закончен.

Анна застонала. Ноги сводило судорогой, в позвоночник словно кол вогнали... Пайлин понял её страдания.

— Госпожа, прилягте, — он устроил её на покрывале и сам рядом.

Теплые руки осторожно массировали уставшие ноги. Подушечки, пальцы, очень осторожно — свод стопы... Стало легче, но глаза закрывались сами собой, уводя Анну в мир сновидений. Довольно сильная боль выдернула её обратно.

В руках Пайлина появилась черная палочка. Он надавливал ей на определенные точки, заставляя вскрикивать от боли...

— Прошу прощения, кара-наири. Но вы слишком зажаты. Потoki энергии словно узлом завязаны... В прошлой жизни вам приходилось много ходить?

Память услужливо подсунула бесконечные лестничные пролеты.

— Да, немало.

— Поэтому вам сейчас так больно. Со временем станет легче. Ну, а теперь как самочувствие?

Анна прислушалась к ощущениям. Общая усталость никуда не делась, но тяжесть ушла.

— Жить буду. Спасибо.

— Тогда... — рораг увлек её к уже знакомым плоским камням.

Сжалился, только когда тело на самом деле перестало слушаться. Анна почти теряла сознание от усталости, но вместо спальни её запихнули в купель, после чего заставили

пообедать. И только после этого оставили в покое. Ненадолго. На полчаса.

А после на вечерний урок явился Тапар.

— Пайлин сказал, вы интересовались местными видами спорта?

— Ну... Надо же было как-то выживать. Он меня совсем замучил.

— Потерпите. Скоро вы привыкните.

Анна хмыкнула. Вот к чему, а к подобной жизни привыкать хотелось меньше всего.

— Что-то это мало напоминает обещанный Эйром рай, — пробормотала она. — Ну, значит, сама дура.

— Простите? — не расслышал Тапар.

— Ничего. Это я так... Ну, что у нас по плану?

Но и Тапар оказался прав. Ежедневные тренировки принесли плоды. По камням Анна ходила, уже почти не опираясь на руку помощника. И столбик потихоньку освоила. И с магом все чаще спорила. Даже свободное время появилось. Немного, но...

Анна стала познавать окружающий мир. Начала с сада. Она то и дело ахала, увидев новое чудо — потрясающей красоты цветок, или особо удачную композицию из растений. В самых неожиданных и уютных местах находились крохотные павильоны с мягкими скамейками.

Какое-то время Анну развлекала жверинда — инкубы устроили своеобразный аквариум из широкой глиняной корчаги. Насыпали на дно цветного песка, посадили растения... Но рыба просто топорщила плавники, таращась на всех подходящих, да изредка орала.

— Отпустите её!

— Подождите немного. Она скоро начнет вас узнавать и брать еду прямо из рук...

— Не надо. Пусть уж в своем пруду орет.

Корчагу унесли. А Анна нашла себе другое занятие.

Её манила библиотека. Предложения инкубов читать ей вслух, Анна отмела. На полках стояло достаточно фолиантов с картинками. Оказалось, знаний они дают не меньше, чем текст.

Большинство книг, как объяснил Анне Тапар, описывали жизнь Дома Наири. Картинки правда, шокировали. Анна сперва отложила книгу, но, подумав, снова раскрыла на первой странице. Ей следовало знать, чего ожидать в дальнейшем.

"Дочитав", Анна пришла к выводу: "Камасутра" — невинная детская книжечка. За кожаными обложками скрывалась летопись самого разврата. Если это то, что от неё требуется... Анну замутило.

Вздыхнув, Анна достала с полки следующую "книжку с картинками". Противно, но иначе не поймешь, как себя вести, что именно требуется... И как настоять на выполнении условий. Как же ей не хватало знания языка! Но в расписании таких уроков не стояло.

— Кара-наири? Нам пора.

Телохранитель придержал дверь, пропуская Анну. Сегодня занятие с Пайлином будет проходить на поляне перед дворцом, прямо под жарким солнцем.

Невысокое, покрытое расшитым хлопком возвышение. Рораг с широким зонтиком рядом. И — улыбающийся Пайлин.

— Госпожа, приветствую.

— Виделись уже. Какую пытку на этот раз приготовил?

— Наири! — в голосе — ни капли раскаяния, но голову виновато склонил. — Госпожа, ваше тело стало сильным. Урок будет для вас нетрудным. Сегодня у вас только подготовка к

церемонии. Прошу!

Анна взошла на помост и уселась на разостланное покрывало. Уже одно отсутствие стула для неё оказалось катастрофа. Так что всем заверениям рорага она не верила ни на грош.

— Нет, госпожа, неправильно. Сядьте ровно, руки сложите на коленях. Вот так.

— И сколько сидеть? У меня ноги затекают!

— Кара-наири, церемония начинается с рассветом и длится до заката. С первыми лучами солнца ваши носилки трижды обогнут город. Затем их внесут в храм. Все это время вам положено сидеть в такой позе и улыбаться.

— А без улыбки никак? — не выдержала Анна.

— Госпожа, жители Эстрайи должны увидеть счастливую богиню-жрицу. Ну?

Анна послушно растянула губы. Пайлин чуть нахмурился:

— Кара-наири, приветливее! У вас не улыбка получается, а оскал.

— Ноги затекли. Сам бы так попробовал...

— Госпожа... Вы обращали внимание на своих телохранителей? Видели, как замирают они и стоят часами, без движения? Под палящим солнцем, в дождь, днем и ночью — неподвижны. Всегда. Неужели вы не сможете выдержать несколько часов?

— Не смо... Ты что, сейчас сравнил меня и рорага? — Анне стало смешно. Требовать от женщины в возрасте того же, что и от молодого, тренированного мужчины! Пайлин не понял и кинулся извиняться:

— Простите, кара-наири. Я позволил себе лишнего. Но я и не думал вас оскорбить. Всего лишь привел пример выносливости. Вы ноете, как ребенок.

— Теперь еще и ребенок? — Анна решила немного развлечься.

А заодно выяснить границы дозволенного. Для начала поджала губы. Крылья носа затрепетали, но инкуба, похоже, её гнев только забавлял. Но Анна уже завелась:

— Тогда давай "по-взрослому". Я сяду, а ты — замрешь, как положено телохранителю. И поглядим, кто из нас дольше проулыбается.

Пайлин насмешливо приподнял бровь и чуть поклонился.

— На счет "три". ТРИ!

Инкуб замер. Анна выпрямилась, вздернула подбородок и чуть выгнула спину. Пайлин стоял сзади, она слышала его дыхание. Ровное. Спокойное. Успокаивающее.

Вскоре сидеть стало неудобно. Ноги начали неметь, в поясницу словно иголок понатыкали. Длинных, раскаленных. Чтобы отвлечься от неприятных ощущений, Анна прислушалась — ритм дыхания рорага остался прежним.

Следить за позой становилось все труднее. Заныли плечи и шея. Анна заставляла себя улыбаться, слушая Пайлина. Вдох-выдох, вдох-выдох...

— Ты всегда так громко дышишь? Или устал?

— Ничуть, Наири. А мое дыхание вы и должны слышать — я стою прямо за вашим правым плечом.

Ноги окончательно онемели. Но теперь это было не важно.

Эйр спешился. Кивнул подскочившему рорагу и сам отвел лошадь в конюшню — ослаблять охрану не стоило.

Поднялся в свою комнату, переоделся в чистое. И заторопился к кара-наири.

Тишина, царящая вокруг, напрягала. Эйр не позволил панике поднять голову, спокойно

прошел анфиладу и спустился во внутренний дворик. Никого. Даже телохранителей.

— Ну, получите у меня! — тихо выругался. И наткнулся на телохранителя.

— Господин капитан!

— Что тут происходит?

Эйр с трудом сдержался, чтобы не обрушить гнев на явно обрадовавшегося ему подчиненного.

— Да не молчи! Что случилось?

Рораг выдохнул, словно переложил тяжкий груз со своих плеч на плечи командира:

— Там... Кара-наири и Пайлин... Они соревнуются...

— Где?

В глазах потемнело. Паника, чувство, про которое он забыл много-много лет назад, вынырнула из глубин подсознания. Пайлин, этот... паршивец опять что-то учудил! Ну где это видано — ставить себя на одну доску со жрицей? А если что-то случится? Хорошо, если с рорагом. Успев узнать Анну, Эйр не сомневался, что соревнование затеяла именно она, нащупав болевые точки телохранителя. А если она вступила в борьбу...

Капитан оттолкнул рорага с дороги и помчался, перепрыгивая через ступеньки.

То, что он увидел, ему не понравилось.

Анна замерла на возвышении, сидя в церемониальной позе. К губам маской прилипла улыбка. За её спиной статуей возвышался Пайлин.

— Давно они так?

— С обеда. Командир, мы просили госпожу прекратить, но она не слушает...

— Идиоты! Где Тапар! Сюда его, живо! Скажите, чтобы обезболивающее взял, и целителя!

Эйр подлетел к Анне. Та только глазами повела в его сторону.

— Наири, вы как? Двигаться можете?

— Нет.

Услышав короткий ответ, Пайлин тут же забыл о соревновании:

— Госпожа... Командир, что с ней?

Эйр одарил десятника таким взглядом, что тому захотелось самому закопаться в землю и привалить могилу тяжелым камнем.

— Наири, придется потерпеть. Я вас подниму...

— Я сама.

Анна пошевелилась. Губы скривились от боли.

— Не надо, — удержал ей на месте Эйр. — Сейчас... Да где же Тапар?

Маг уже мчался, а за ним торопился целитель, на ходу разворачивая кожаный футляр.

— Помогите Наири. Иначе мы её перенести не сможем.

Чуткие пальцы пробежали по спине, вызывая вспышку боли. Анна зашипела.

— Простите, госпожа.

Судя по лицу целителя, дело было плохо. Тапар и Эйр, задержав дыхание, следили, как он выбрал иглы. Три — на затылок, пять — вдоль позвоночника. Втыкал прямо сквозь одежду.

— А теперь?

Анна осторожно повернула голову.

— Лучше.

— Тогда терпите, — вмешался Эйр.

Целитель отступил. Эйр бережно обхватил Анну одной рукой за плечи, вторую умудрился просунуть под сведенные судорогой колени. Осторожно, чтобы не задеть торчащие иглы.

— На счет три. Раз... Два...

Анна взвыла. В позвоночник словно раскаленный кол воткнули. Эйр даже не поморщился, хотя правое ухо перестало слышать. Он бежал в сторону дома, стараясь при этом не растрясти вцепившуюся в него Анну. Краем глаза заметил обогнавшего Тапара и слегка расслабился — полукровка знал, что делать.

В комнате уже ждало расстеленное на полу покрывало. Вокруг плавилась свечи, курильницы выплевывали ароматный дым, а в чашах с горячими маслами уже грелись плоские камни. Целители суетились, раскладывая свои снадобья. В воздухе остро пахло каким-то лекарством.

Анна, шипя сквозь зубы, вытянулась на боку во весь рост, выбирая удобное положение.

— Госпожа, вам нужно перевернуться на живот...

— Подожди. Сейчас. Дай пару минут. — Анна закрыла глаза, прислушиваясь к боли. Потом осторожно перевернулась. Сама.

Тапар отгеснил командира и, не тратя времени, просто вспорол тонкую ткань, обнажая спину.

— Будет больно, кара-наири. Но умоляю вас потерпеть, — и повернулся к целителям: — Действуйте!

Иглы выстроились двумя рядами вдоль истерзанного позвоночника. Между ними легли блестящие от масла камни. Целитель с иголками переместился к голове Анны, остальные устроились справа и слева. Касаясь кончиками пальцев запястий, они следил за пульсом.

Один провел над спиной ладонями:

— Кара-наири, почему вы ничего...

— Эй!

Окрик Эйра оборвал фразу. И целитель молча продолжил лечение.

Анна закричала, когда её тело выкрутили, словно мокрую тряпку. Разогретые мышцы не сопротивлялись и позвонок хрустнул, вставая на место. Едва дав отдышаться, целитель погасил массажную свечу и вылил теплый воск в ладонь. Под нежными пальцами боль сменилась истомой. Сладкой, как предрассветный сон.

Инкуб разминал аккуратно, от затылка до поясницы, спускаясь все ниже. Но Анна словно не чувствовала — массаж, аромат благовоний и усталость помогали полукровке.

— Эй! Ты что творишь?

Строгий голос Эйра выдернул из объятий неги. Анна прислушалась к ощущениям. Руки мага оставались нежными, но очарование развеялось. Осторожные пальцы, поглаживающие внутреннюю сторону бедра скорее, раздражали.

— И ты туда же? Я же говорила, что бесполезно...

Отчитав целителя, Анна закрыла глаза, позволяя сну увести себя в родной мир.

Тапар и Пайлин вытянулись перед Эйром. Тот с трудом сдерживал ярость. Наконец, не выдержал — и подчиненные отлетели к стенке, получив один с правой руки, второй — с левой.

Тут же вскочили и снова замерли на своих местах.

Выпустив пар, Эйр мрачно поинтересовался:

— Для чего я вас оставил? Вы её угробить решили? Пайлин? Тапар? Я слушаю.

— Простите, господин верховный рораг...

— Это все? Кому вообще в голову эта идея пришла?

— Госпоже. Командир, я даже не думал, что...

Новый удар сшиб Пайлина с ног.

— А должен был. Тапар, а ты? Маг же, обязан думать!

— Я не чувствую её. Капитан, она словно каменной стеной закрыта. И прикоснуться к себе не позволяет. О том, что у кара-наири позвонок выбит... как я должен был догадаться?

Эйр схватился за голову:

— И что дальше будет? С такой охраной саритам и усилий прилагать не нужно, мы сами все сделаем. Вы, двое. Надеюсь, оба понимаете, что без наказания не обойтись?

На заднем дворе, подальше от личных покоев Анны собрали всех рорагов, за исключением тех, кто оставался рядом со спящей кара-наири.

В пересохшую, утрамбованную до каменной твердости почву много лет назад вкопали каменные столбы с деревянными перекладинами. К ним теперь и привязали обнаженных по пояс Тапар и Пайлина.

Эйр стоял рядом, вертя в руках плеть:

— Вы пренебрегли своим долгом, подвергнув опасности последнюю надежду Эстрайи. Наказание за это — смерть.

Он помолчал, раздумывая, и продолжил:

— Но в этот раз я пощажу ваши жизни. За все годы службы ни ты, Пайлин, ни ты, тапар, не допускали подобных ошибок. Поэтому...

Свиснула плеть, обвившись вокруг распятого тела. Её кончик, увенчанный мелкими узелками, впился в кожу.

Эйр, скинув рубашку, взмахивал рукой снова и снова. И с каждым взмахом на гладкой коже вздувались кровавые рубцы. Иногда они пересекались, и алая кровь заливала спину.

Отвесив каждому положенное количество ударов, Эйр отложил плеть и ушел. Без его разрешения никто не посмел подойти к наказанным, и они остались стоять под еще жарким солнцем.

За лечение Анны взялись всерьез. Едва она проснулась — получила сеанс мануальной терапии. Её поразило, как местные целители, не имея даже рентгена, безошибочно вычислили больное место. Их методы казались странными, но действенными. Если с массажем, ароматерапией и акупунктурой более-менее было понятно, то все остальное... Плаваясь под умелыми руками массажистов, Анна в сотый раз давала себе зарок — побольше узнать о местной медицине.

— Это лечебные свечи? Что в них добавлено? Так хорошо обезболивают...

— В основе — соевый воск, кара-наири, — послушно отвечал массажист. — И добавки... В этой, например, вытяжка из имбиря и белого мирта... В сочетании с ароматом душицы они улучшают заживление костей и суставов.

— А в курильницах?

— Травы. Сочетание ароматов и веществ, попадающих на кожу, может как исцелить, так и убить. Поэтому не каждому разрешено использовать эти методы. А сейчас отдыхайте, госпожа. Вам лучше всего поспать.

Целитель сменил курильницы и замер у изголовья.

— Останешься?

— Да. Я буду наблюдать за вашим самочувствием. Не обращайтесь на меня внимания.

Анна хотела возмутиться, но веки отяжелели и глаза закрылись. Мысли пошли вразброд, и только одна — о сонных травах — оставалась ясной.

Проспала она до утра. Целитель все так же стоял в изголовье, и первым делом полез считать пульс.

— Спина болит?

Анна удивленно поерзала по кровати.

— Как новенькая.

— И все равно — осторожнее. Сегодня вам лучше остаться в постели.

Сил спорить не было. Поэтому Анна стойчески выдержала сеанс утреннего массажа и вернулась в кровать.

Целители сменяли один другого. Обновляли травы в курильницах, зажигали благовония, переставлял их с места на место...

— Послушай... — Анна замаялась, не зная, как зовут целителя, который оказался рядом.

— Да, кара-наири?

— Куда вчера афродизиак добавили? В свечи, или в курильницы?

— Никуда. Вам до любви было.

— Не врешь?

Инкуб улыбнулся и вернулся к своим курильницам. Анна сделала вид, что поверила.

— Расскажи об ароматах? Для меня это направление темный лес...

— Не забивайте голову, госпожа.

В комнату, печатая шаг, вошел Эйр. Целитель отшатнулся, а Эйр опустился на колени у кровати, прижав руку к груди:

— Наири, из-за действий охраны вы вчера оказались в опасности. Я не смею просить прощения и молю о наказании. Но если прикажете умереть...

— Умрешь? Я это то и дело слышала там, дома. Ты клялся, что едва перенесемся в ваш мир...

— Я принадлежу королю, Наири. Если вам нужна моя жизнь, следует сказать Его Величеству. Он наверняка согласится. Любое другое наказание я готов принять прямо сейчас.

— Слишком много слов. Но так даже лучше. Может, ты разъяснишь мне, что это такое? Анна протянула руку, чтобы взять со столика тяжелый фолиант. Эйр успел первым. Подхватил книгу, развернул и положил на кровать:

— Вам нельзя поднимать тяжести. Спину только начали лечить. Она не ответила. Открыла нужную страницу и показала картинку:

— Объясни? Твои люди молчат.

Эйр внимательно изучил сплетение трех тел на рисунке.

— Это "Летопись Наири".

— Мне уже говорили. За мной тоже каждый жест записывать будут?

— Несомненно.

Эйр перевел взгляд с книги на Анну:

— Это Лакани, седьмая Наири и две её любимых игрушки. Здесь запечатлено семнадцатое утро девятого лунного месяца, третьего года Молитв.

— Э... — Анна не знала, что сказать.

— В тексте пояснения: Наири Лакани в тот день была разгневана: инкуб Сларин прежде любимый ею, плохо выполнял свои обязанности, отчего она не получила должного удовольствия. За это Сларин понес наказание: его...

— Стоп! Здесь, в этом мире такое... нормально?

— Конечно. У инкубов и суккубов, приставленных к Дому Наири, единственная обязанность и цель в жизни — доставлять своей госпоже удовольствие. Любым способом. Всем вместе, либо по отдельности. Физически, или морально. Если они не справляются, кара будет жестокой.

— За то, что был плох в постели?

— Удовольствие Наири и её Дома — залог процветания нашей нации. Чем сильнее прана, тем больше рождается здоровых, крепких детей. Это ли не высшее достояние страны?

— И поэтому ты забыл свое обещание, и не ищешь мне замену. Вместо этого меня окуривают афродизиаками, кормят морепродуктами и всячески стараются соблазнить. Думаешь, я ничего не понимаю? Эти прикосновения у здорового человека крышу сорвут. И знаешь что? Впервые в жизни я радуюсь своей болезни.

— Вы радуетесь, что целая нация вымрет?

— Не передергивай. И еще...

— Да, Наири?

— Неужели мне и вправду можно просто валяться в кровати и бездельничать? Даже лекций никаких не будет?

— Верно. Отдыхайте, госпожа.

— Интересно, как я это сделаю, если в комнате постоянно толпится народ? Вы бы хоть вышли, уважаемые инкубы!

— Целитель — полукровка, Наири. И он останется с вами.

Эйр отсалютовал и вышел. Анна смотрела на закрывшуюся дверь, и только отголоски боли в спине не позволили запустить вслед инкубу фолиантом.

Капитан вышел на задний двор, отданный рорагам, только к вечеру второго дня. Опаленные солнцем до волдырей, с воспалившимися ранами, наказанные Тапар и Пайлин молчали, глядя на остановившегося напротив командира.

— Надеюсь, вы понимаете, что в следующий раз поркой не отделаетесь?

Спекшиеся губы разомкнулись. Трещины тут же покрыла кровавая роса.

— Снимите их. Завтра вы должны приступить к своим обязанностям!

Он не остался смотреть, как рораги снимают страдальцев и уносят в дальнее крыло лазарета. И инкуб, и полукровка были достаточно сильны, чтобы восстановиться за остаток дня и ночь. Ну, а боль послужит им хорошим напоминанием об ошибке.

Анну и в самом деле оставили в покое. Почти. Сменили физические упражнения на лечебные. Какие были лучше — Анна уже и не знала.

От иголок, что раз за разом втыкал в неё целитель, кожа покрылась красноватыми штрихами. После массажа мышцы ныли, словно Анна марафон бежала. Свечи и ароматические палочки, призванные смягчить боль, помогали плохо. А целитель не успокаивался — мял, скручивал до хруста позвонков, снова мял... А потом придумал еще одну пытку — устанавливал на спину конусы из прессованной пылицы каких-то растений, и поджигал верхушку. Анна кричала от боли, пыталась скинуть "лекарство", но рораги крепко держали, прижимая к кровати.

При этом теоретические занятия оставили. Теперь их проводил лично Эйр. Он поблажек не делал. И на вопросы отвечал одно и то же:

— Наири, сейчас важнее всего — подготовка к церемонии. Времени очень мало, неразумно тратить его на простые беседы. Вы все узнаете, но позже.

И Анна в сотый раз повторяла имена важнейших сановников, зубрила ритуальные фразы, и слушала, слушала, слушала... Не понимая и десятой части. Дни снова слились в нескончаемый поток строго распланированного существования. Анна уже начала привыкать к рутине, как во время занятий дверь распахнулась и в спальню вошел Пайлин.

Скованно поклонившись, он скользнул к Эйру и что-то ему шепнул. Рука инкуба, держащая книгу, чуть дрогнула.

— На сегодня достаточно, госпожа. Отдыхайте.

— Ты куда?

— Простите. Я должен уйти.

Анна сжала зубы. День за днем одно и то же. Неизвестность. И вот — снова ничего не хотят рассказывать!

— Куда?

— У меня появилось неотложное дело...

— И оно важнее меня? — Анна капризно надула губы. — Ну, я тебе и так уже давно не верю, так что...

— Наири... — Эйр вздохнул. — Важнее вас в этом мире сейчас действительно ничего и никого нет.

Анна уставилась в точку над головой инкуба. Пайлин уже выскользнул из комнаты — именно на нем будущая Наири начала оттачивать умение трепать нервы рорагам.

— Госпожа!

— Иди уж...

Но Эйр не послушался. Присел перед кроватью, заглядывая в глаза снизу-вверх:

— Наири, я не имею права поручить заботу о вас кому-либо. И только поэтому сейчас ухожу. А ваш гнев просто меня убивает. Как я могу жить, зная, что вызвал ваше неудовольствие?

— Судя по всему — прекрасно.

— Хорошо, — инкуб вздохнул. — Что я должен сделать, чтобы извиниться?

— Ответ на вопрос.

— Из дворца доставили депешу.

— И все?

— И все. Как видите, ничего особенного...

— Врешь! Нагло и цинично...

— Наири!

— Эйр, я не ребенок и вижу, когда меня обманывают. И уж тем более, могу заметить несостыковки в твоих заверениях. Я — самое главное? Но не важнее обычной депеши? Самому не смешно? То-то гляжу, Пайлин каждый раз в спальню врывается, как письма приходят... Так что случилось?

— Я еще не видел сообщение — вы же меня не отпускаете.

— Иди уж...

Анна вздохнула, глядя на закрывающуюся дверь...

— Подожди! Кто там охранять остается? Пусть сюда идет. Тошно одной сидеть...

В следующие полчаса она заставила явившегося рорага трижды закрыть и открыть окно — то сквозняк беспокоил, то душно становилось... Несколько раз пыталась читать книгу, вернее, рассматривать картинки. Но красочные иллюстрации сливались в одно яркое пятно, а сосредоточиться не получалось.

— А ты хоть догадываешься, что может быть в этой чертовой депеше?

Рораг покачал головой:

— Откуда, кара-наири?

— Ну, а вдруг ты смог мысли Эйра прочесть... как мои. Не кривись, я в курсе ваших шуточек. Читаете ведь... и куда лучше, чем я — вот это, — она хлопнула ладонью по обложке фолианта. — И знаешь, я не телепат, но сказать могу — что-то будет...

Новости появились к вечеру. А до того времени Анна слышала шум за дверью — четкие команды, топот ног... Потом рораги что-то двигали, переставляли. На все её вопросы телохранитель отмалчивался или старался сменить тему. И Анна начала рисовать себе всякие ужасы. А умирать от страха и неизвестности не хотелось.

— Кара-наири! Вам нельзя вставать!

— Иди к черту!

Повизгивая от боли, Анна облокотилась о высокую спинку кровати. Колени дрожали, холодный пот заливал глаза.

— Кара...

Телохранитель, поняв, что в одиночку не справится, выскочил за дверь. Анна не успела усмирить тело, а в спальню уже ворвался Тапар. Его ноздри раздувались, как у породистого жеребца после скачки. Маг осторожно подхватил Анну на руки и, не слушая протеста, вернул в кровать.

Едва слышный стон, который сорвался с его губ, Анну не насторожил — она тут же попыталась встать снова.

Теплые ладони крепко, но аккуратно прижали её за плечи, почти утопив в подушках:

— Нельзя. Позвонок...

— К черту позвонок. И тебя со своими запретами. Что там происходит?

— Где?

Словно издеваясь, в открытое окно влетел окрик. Тапар посмотрел на дежурного рорага и тот испарился. Через несколько минут голоса в саду смолкли.

— И что это было?

— Я не понимаю вас, кара-наири. Почему вы вдруг решили встать? Если нарушить должный ход лечения, болезнь усилится...

— Мне все это надоело. Я еще как-то терпела, пока вы видимость моего участия в собственной жизни создавали. А теперь...

— И что изменилось теперь? — дверь приоткрылась, пропуская Эйра.

— Мне нельзя даже узнать, что происходит в доме.

— Ничего особенного. Здесь такое случается. Его Величество решил нанести вам визит. Он прибудет ночью, и уедет на рассвете. Для всех в Эстрайе король плохо себя почувствовал и решил отдохнуть пару дней. Наири? Что случилось? Почему вы так смотрите?

— Да вот не пойму, это — тайны мадридского двора, или очередная часть Марлезонского балета...

— Простите? — Эйр терпеливо ждал пояснений.

— А, забудь, — настроения посвящать инкуба в милые сердцу фразы из земной жизни не было. — Мне-то что делать?

— Ничего. Отдыхайте. Вы больны, так что Его Величество сам придет в ваши покои.

— Какие китайские церемонии планируются?

— Ближайшая церемония — ваша инициация. И...

Анна вздохнула. Лишенная возможности читать, она все же перелопатила кучу литературы — инкубы оказались любителями сопровождать тексты рисунками. Особенно хроники главных Домов страны. Художники не жалели красок, стараясь передать великолепие светской жизни, и Анна углядела много интересного.

— Эйр, будь добр, подай вон ту книгу. Нет, правее, с зеленым переплетом. Смотри.

Эйр заметно расслабился, когда она перевела тему. И взгляделся в картинку.

Вельможа сидел в окружении домочадцев. Женщина рядом с ним почти утонула в подушках узкого дивана. Дети устроились на низких круглых пуфиках. Остальные инкубы, стоя на коленях, занимаясь повседневными делами. Одни держали в руках подносы с фруктами, другие — опахала. Но все они старательно склоняли головы, словно боясь чего-то.

— Что вас смущает? — Эйр едва взглянул на иллюстрацию.

— Объясни, что здесь происходит. Без имен, просто действие, — поспешно уточнила Анна, зная способность Эйра мгновенно залезать в дебри. — Почему они так скукожились?

— Слуги не смеют возвышаться над господами. Особенно в доме. Их место — на полу, на коленях.

— А вот этот? Он же из знати?

Анна ткнула в изображение мужчины в богатой одежде.

— Да. Но при короле никто не смеет оставаться на ногах, кроме семьи и дежурных рорагов.

— Вот об этих церемониях я и спрашивала. И знаешь, Эйр... даже думать боюсь, что у

вас тут за оскорбление величия полагается. Но на колени я не встану. Не то воспитание, знаешь ли.

— Наири и её наследницы вольны вести себя, как им угодно. Единственное правило — не выказывать откровенного непочтения, хотя бы на людях. И еще. Наири пользуется теми же почестями, что и Его Величество. Предупреждаю, чтобы вы свыклись с этой мыслью, потому что у вас и вправду — другое воспитание.

До вечера Анну перенесли в любимую беседку — в спальне делали уборку. Зачем, она не понимала — рораги и так держали комнату в почти стерильном состоянии. Но, решив, что от демаршей толку мало, подчинилась и даже поспала, как советовал Эйр.

Сам он снова исчез, зато целитель снова не отходил ни на шаг. Каждый час считал пульс, водил руками вдоль спины, поил отварами. Отстал только, когда Анна задремала, да и то ненадолго.

Приготовления закончились поздно вечером. Анну вернули в спальню, напротив кровати поставили удобное кресло с подставкой для ног. На низком столике появились хрустальные кувшины с водой и соком. И — блюда с фруктами.

Охотничий домик замер в ожидании.

Король явился в сопровождении пятерых рорагов. Спешился, кинул поводья подскочившему телохранителю и жестом велел Эйру подняться с колен.

— Как она?

— Самочувствие Наири не слишком хорошо. Но к церемонии...

— Церемонию перенесли. У тебя неделя, чтобы поставить кара-наири на ноги.

— Уже?

— Я не могу ждать. Эстрайя не может ждать. Нам нужна прана...

— Но ваше величество, я уже докладывал, что...

— Помню. Постарайся. Найди лучших, дай ей все, что попросит, и то, о чем промолчит — тоже. Я пойду на все, лишь бы в Эстрайе снова звенели детские голоса.

— Да, Ваше Величество.

Анна, не скрываясь, рассматривала расположившегося в кресле мужчину.

Красив... Нет, не так. Чертовски красив!

Худощавый, но не настолько, чтобы казаться слабым. Скорее — изящный. Холеный. Карие глаза с миндалевидным разрезом, внимательно наблюдают из-под выбившейся из прически пряди. Остальную гриву волос удерживает золотой обруч. Из-под него волной стекают на спину и плечи длинные локоны. Завивал он их, что ли?

Представив этого царственного красавца с папильотками на голове, Анна прыснула.

Четко очерченная бровь тут же вопросительно приподнялась, и тонкие пальцы метнулись к лицу, проверяя, все ли в порядке. Анна отметила безупречный маникюр.

Но, судя по всему, эти руки привыкли держать не только веер. Вид изнеженного баловня судьбы казался только костюмом, который скинут, как только в маскировке отпадет нужда. Его величество двигался плавно, перетекая из позы в позу... Манера, свойственная рорагам.

На пристальный взгляд король ответил тем же. И первым прервал молчание:

— Ну, и как я вам? По-моему, ожидали более эффектной внешности?

— Нет. Я бы удивилась, появившись вы в образе настоящего демона.

Король рассмеялся.

— Если честно, я тоже от вас не в восторге. Но... за неимением лучшего...

— Я бы тоже предпочла, чтобы у вас тут появился кто-нибудь получше меня.

— О, не обижайтесь, кара-наири. Будем считать, приветствиями обменялись. Ступай!

Рораг, замерший за креслом, поспешил выполнить приказ.

— Так ведь лучше, да? Налить вам сока? Или, лучше вина? Оно на самом деле превосходно!

— Пытаетесь соблазнить? — Анна приняла высокий бокал, похожий на чашечку цветка.

— Пытаюсь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он даже не отрицал!

— И как?

— Увы! Пока проигрываю, — король поддержал спорное озорным взглядом. — Но не хочу терять надежды! Может, ваша холодность уйдет, когда мы познакомимся поближе?

— Да уж, наверное, стоит представиться.

Король рассмеялся:

— А вы совсем не боитесь! Поразительно! Ну что же, раз госпожа настаивает на формальностях...

Он встал, поправил одежду и на миг склонил голову:

— Лартих Третий, старший сын Дома Речных Камней, правитель Эстрайи и Зеленых островов.

Как же царственно он поклонился! Если рораги склоняли голову четко, по-военному, то король... Он не кланялся — проявлял вежливость.

— Теперь ваша очередь.

— Анна Сергеевна Рубцова. Врач. Простите, громких титулов не имею...

— У вас один из самых громких титулов в Эстрайе. Разве Эйр не сообщил? В этой стране выше вас — только я. Да и то не всегда. Еще вина?

— Спасибо. Я, пожалуй, перейду на сок.

— Жестокая вы женщина, Анна Сергеевна Рубцова. Я провел в седле несколько часов ради мимолетного знакомства с вами, а вы отказываете мне в компании. Не могу же я пьянствовать в одиночестве!

— А пьянствовать вообще — не надо. Я не ханжа, но вам сегодня обратно ехать? Стоит побережся.

Совет вызвал новый приступ веселья:

— И вы тоже? Слово супруги и рорагов мне мало! Один Эйр... Надеюсь, вы по достоинству оценили этого телохранителя?

— Вполне.

Король посерьезнел:

— Кажется, он посмел вас расстроить. Порки будет достаточно, или вам нужна его голова?

Почему-то Анна испугалась. Слова, сказанные в полушутливом тоне, все равно вызывали ужас. Можно было не сомневаться: одно слово сидящего напротив мужчины, и ей принесут голову Эйра на золотом блюде. Где-то в глубине души Анна хотела увидеть эту картину, но все же нахальный инкуб не заслужил такой судьбы.

— Что с вами? — король не ожидал такой реакции. — Тапар!

Маг ворвался ураганом. Анна смотрела на его испуганное лицо, на встревоженное —

короля, и не могла произнести ни звука. А Лартих Третий, получив заверения Тапара, что кара-наири ничего не угрожает, зло выплюнул:

— Эйра ко мне.

И стремительно вышел.

В охотничьем домике возникло два центра притяжения: Анна, вокруг которой завертелся круговорот из целителей, и — правителя.

Король метался, как запертый в тесной клетке тигр. Его гнев не уступал ярости дикого зверя. Эйр, едва переступив порог кабинета, рухнул на колени, вжимаясь лицом в пол.

— Как это понимать? Что ты натворил такого, если кара-наири при одном упоминании о тебе в дрожь бросает?

— Ваше Велич...

— Молчи! Сам докладывал — у неё проблемы. И как с ними справляться, если она всегда в напряжении по твоей милости?

Эйр замер, пережидая первую волну гнева. Он хорошо знал короля.

Вскоре тот немного успокоился и готов был выслушать провинившегося.

— Государь, Наири пришлось оставить привычный мир, она слегка испугана и сбита с толку. А винит во всем меня — как проводника. Постепенно это пройдет.

— У нас нет времени. Через шесть дней человеческая женщина должна быть в Храме Обретения. И постарайся как можно меньше показываться ей на глаза. Хватит Тапара и Пайлина. А потом я пришлю более опытных инкубов. Простым рорагам не под силу пробудить её чувства.

— Ваше Величество... — робко окликнул короля телохранитель, так и не поднимая головы от пола. — Судя по некоторым признакам, Лилит уже отметила эту женщину. Вы можете быть спокойны — мы не ошиблись.

— Хорошо, коли так...

Рогаг вскочил, когда король прошел мимо. Догнал в коридоре и проводил до крыльца. Там уже ждал эскорт. Эйр придержал стремя, помогая повелителю сесть в седло. Тот кинул, даже не глядя на слугу:

— У тебя мало времени. Прана необходима нам больше воздуха!

Капитан королевских телохранителей разогнулся, только когда стук копыт по камням сменился глухими ударами о землю, а после и вовсе стих. Вгляделся в темноту, высматривая всадников, и вернулся в дом. Он не раздумывал, когда шел к спальне Наири: приказ — приказом, но сейчас она ждала его объяснений.

Весть о скором переезде Анна приняла стоически. А вот Тапар взвыл:

— Мы не успеем её на ноги поставить!

— И не надо. Достаточно, если Наири просто хорошо перенесет дорогу.

Следующие три дня превратились для Анны в настоящую пытку. Тапар развил невероятно бурную деятельность. Когда Анна не притворялась ежиком, она стонала под крепкими пальцами массажиста, или кричала, обжигаясь дымящимися пыльцовыми пирамидками. Но, надо отдать должное — к назначенному дню боль отступила.

Анну усадили в носилки и по длинным коридорам вынесли наружу. У ворот уже ждал сигнала маленький караван: маги сустились вокруг навьюченных мулов, рораги, закончив последние приготовления, вскидывали за спину большие короба, заменяющие в этом мире рюкзаки.

Но Анна смотрела не на них. Среди мулов затесалась потрясающей красоты вороная лошадь в золоченой сбруе, увешанной красными кистями. А центром каравана являлся огромный "корабль пустыни".

— Верблюд?

Анна не поверила, когда её носилки поднесли к лежащему животному.

Горбоносая голова медленно повернулась в её сторону. Обрамленный длинными ресницами глаз моргнул, и верблюд утратил интерес к человеку. Анна же в шоке рассматривала свой транспорт.

Тело громадного животного покрывали рисунки — шерсть выстригли замысловатым орнаментом, превратив верблюда в произведение искусства. Легкий паланкин на спине дромадера украшали алые ленты.

— Вы хотите... меня туда?

— Наири, там вам будет удобно.

— Я пока в своем уме. Еще бы слона притащили.

— Слон привлечет слишком много внимания.

— А сейчас мы прямо-таки замаскировались. Кто-то не узнает рорага в форме?

— Время от времени Его Величество оказывает своим подданным милость — дает для сопровождения личных телохранителей. Вас примут за госпожу знатного Дома.

Так что сесть на верблюда все же пришлось.

Седло и вправду оказалось мягким и покойным. Анне полулежала на подушках, оглядывая окрестности сквозь полупрозрачные занавески. Караван двигался медленно, и только Эйр метался на вороном коне туда-сюда, пытаясь уследить за всем разом.

Лес оглушил. Птицы орали, свистели, верещали... Изредка издали доносился грозный рык. Но верблюд величаво шествовал сквозь буйство дикой жизни.

В день делали несколько остановок. Для Анны разбивали крохотную палатку. В ней помещался только мягкий ковер и низкий столик. Но даже в этой клетке она не оставалась одна — маги и целители продолжали лечение. Обрато в паланкин Анна попадала, измученная процедурами донельзя.

На второй день джунгли сменились равниной. Вдоль дороги раскинулись рисовые поля, вдалеке виднелись дома, крытые соломой.

Но караван в деревни не заходил, оставляя позади даже богатые дворцы, манящие тенью садов и прохладой фонтанов. А прохожие, едва завидев верблюда и рорагов, отступали в сторону, стибаясь в низком поклоне.

К вечеру поменялся и этот пейзаж. Зелень уступила место бурой, жесткой растительности.

Из-под широких подошв верблюда белесым облачком взметывалась пыль, и вскоре сопровождающие Анну инкубы замотали лица тканью.

— Наири, прикройте рот и нос, — привстав на стременах, Эйр поплотнее задержал занавески паланкина.

Тени удлинились и почти слились по цвету с землей, когда пустыня заключила караван в душные объятия.

В этот раз палатки поставили для всех, взяв шатер Анны в кольцо. Весело заплясал костер, аккомпанируя себе треском хвороста.

Вымотанная дневным переходом Анна мечтала о покое, но пришлось подчиниться Тапару. Он отпустил её, только когда целители промассировали тело от шеи до пяток и намазали спину вонючей буро-зеленой мазью. Анна радовалась, что хоть теперь её не соблазняют и мечтала о сне.

Но на смену магу явился капитан королевских телохранителей:

— Простите, Наири, в дороге еда незамысловата. Прошу, поймите правильно и поужинайте.

Эйр совершенно неверно истолковал взгляд на тарелку. Анну не разочаровала рисовая похлебка, её просто мутило.

— Я не хочу есть.

— Госпожа? — рораг встревожился. — Вам нехорошо?

— Наверное, укачало. Я спать пойду, ладно?

Толстый ковер, мягкие подушки и теплые покрывала. Что еще нужно для хорошего отдыха? Но усталость гнала прочь сон. Анна лежала, вглядываясь в узкую полоску плохо занавешенного входа, слушала, как тихо переговариваются рораги. И не понимала ни слова.

Будить её пришли до восхода.

— Госпожа, сегодня предстоит долгий переход. Будет тяжело, но, пожалуйста, потерпите.

Про "тяжело" Эйр не обманул. Взошедшее солнце разгулялось. Раскаленный песок включился в игру, выплевывая в путников горячие воздушные потоки.

Рораги вскинули на четырех шестах широкое полотно, закрыв паланкин от неласкового светила. Но помогло мало — одежда моментально намочла. И постоянно хотелось пить. Благо, в воде не ограничились.

— Еще немного, Наири. К вечеру станет легче.

Оазис встретил тенью пальм, зарослями тростника и огромным круглым озером. С одной стороны в него изливался водопад — невысокий и очень узкий, так что можно было спокойно стоять под струями воды.

Караван вступил в царство зелени, солнце закатилось за горизонт, но темнее не стало — сотни факелов заменили угмонившееся светило.

В дороге рораги просто помогали Анне спуститься со стоящего верблюда. Теперь же к животному поднесли высокую лестницу. Широкие ступени украшал золотой галун и кисти. Анна осторожно спустилась, но встать на голую землю ей не позволили.

По траве зазмеилась ковровая дорожка, черная в неровном свете факелов. Над головой повис такого же цвета зонт исполинских размеров. Мужчина сгибался под его тяжестью, но старался держаться прямо.

— Удержишь? — участливо поинтересовалась Анна.

Рораг промолчал.

Анна огляделась — Эйра не видно. Как и знакомых рорагов. Вместо них вдоль дорожки выстроились в шеренгу незнакомые мужчины и женщины. Они все терпеливо чего-то ждали,

разглядывая траву под ногами.

Топтаться на месте стало казаться глупым. Анна собрала волю в кулак и сделала шаг.

Женщины мягко стекли на землю, так же, как когда-то Лаир. Рораги, легко узнаваемые по мундирам, в едином порыве опустились на правое колено, салютуя. Мужчины уткнулись лбами в траву.

Анна шла между воздетых к ней в молитвенном жесте рук, оглохшая от приветственных криков. Хотелось развернуться и бежать. Все равно куда — в джунгли ли, что окружали охотничий домик, или в горячую пустыню... Но сзади шел мужчина с зонтом, перекрывая пути к отступлению. А Эйра или Пайлина, чтобы защитить и успокоить — не было.

Ковер привел к большому шатру. Его стены покрывал замысловатый орнамент, а крыша устремлялась вверх металлическим шпилем. Вокруг, заключив временное жильё Наири в кольцо, замерли рораги. Анна углядела среди них Пайлина, но он даже не ответил на улыбку. Стоял, глядя в одну точку, как и остальные.

Обида разлилась в груди жгучей кляксой. И все же надежда приподняла крылья, заставив задохнуться — у входа подждал Тапар. Он не стал делать вид, что незнаком. Но прежде, чем Анна приблизилась, церемонно опустился на колени:

— Маг-полукровка Тапар Аик приветствует кара-наири, будущее воплощение Великой Матери, Дарующую Жизнь.

Анна не знала, как себя вести теперь. Целитель понял её замешательство. Откинул занавеску, заменяющую дверь, и чуть отступил.

Но отдых снова сорвался. Внутри ждали девушки. Церемония приветствия повторилась, а Тапар делал вид, что не замечает жалобные взгляды Анны.

Отбив положенное количество поклонов, служанки окружили кара-наири с явным намерением раздеть. Она взбунтовалась — Тапар, хоть и лечил, никогда не видел её полностью голой. Маг тут же отвернулся.

О том, что простое переодевание может превратиться в длинную церемонию, Анна и не подозревала. Девушки окружили плотным кольцом. Старшая снимала одежду, предмет за предметом, и с важным видом передавала его остальным. Наконец, на Анне не осталось ни клочка ткани.

Предводительница служанок критично осмотрела смущающуюся Анну. И что-то сказала. Тут же между ней и Тапаром водрузили ширму. Анна возмутилась: раньше нельзя было? Но на неё не обратили внимания.

Из-за перегородки тихо прозвучал голос мага:

— Госпожа, Рийта говорит, ваше купание займет много времени. Я не осмелюсь мешать омовению и вернусь позже.

Анна разрывалась между стыдом и страхом остаться наедине с незнакомыми людьми, имеющими над ней полную власть. Но её не спрашивали. Укутали плечи мягким покрывалом и раздвинули занавеску, делящую внутреннее пространство шатра на комнаты.

Прямо перед Анной исходила паром огромная деревянная бадья. Ноги увязли в рассыпанных по полу лепестках цветов. Их аромат кружил голову. Вокруг этого ковра яркими бутонами трепетали огоньки свечей.

Невысокая лесенка в три ступени. В бадье, под водой, скрывалась низенькая скамейка. Анну усадили и, подложив на жесткий край бочки свернутое полотенце, занялись волосами.

Их намыливали чем-то душистым, смывали пену, расчесывали и снова намыливали. Затем, замотав голову подобием тюрбана, принялись очищать Анну от пыли странствий.

Просто помыться не позволили. Намазали тело зеленой пастой, дали схватиться и смыли. Потом повторили с белым снадобьем. Вода помутнела, в ней плавали неприятные на вид хлопья. Но Анну уже вывели из бадьи и, слегка промокнув с кожи влагу, перевели в следующую «комнату». Посреди неё возвышалась кушетка. Женщины заставили Анну лечь и продолжили издевательства. Только теперь занялись и ногтями. Маникюр, педикюр... Анна уже плохо понимала, что происходит. Чего от нее хотят... Мечтала оказаться в кровати и заснуть, давая отдых уставшему телу и сознанию. Но её не отпускали. Скрабы, пенки, мази... Наконец, вернулись к бадье. В ней успели сменить воду. Теперь она доставала Анне до подбородка, так что душистые цветы, качающиеся на поверхности, касались лица. Их запах одурял, кружил голову, и стало трудно отличить реальность от сна...

Наконец, Анне позволили выйти. Вытерли, укутали в теплую простыню и проводили до кровати. Она не стала осматриваться, а исполнила мечту — закопалась в покрывала и подушки и отключилась.

А потом кошмарным сном явился Тапар. Анна застонала, когда он вошел в сопровождении трех девушек и целителей:

— Опять? На мне после твоего лечения места живого нет!

— Прощу прощения, кара-наири. Но ваша спина...

— К черту спину. Я устала.

— Позвольте хотя бы ноги размять, иначе завтра болеть будут.

Они не ограничились массажем. Вскоре из ступней торчали иглы, а Анна с ненавистью следила за действиями целителей.

Но их усилия увенчались успехом. Утром тело двигалось легко, и мир казался прекрасным.

Пока не явились служанки.

В этот раз купание в бадье ограничили по времени. Но последующие сборы заняли большую часть утра. Анну долго причесывали, наносили макияж... Так она даже к собственной свадьбе не готовилась! Да и наряд оказался куда роскошнее её подвенечного платья.

Уже привычная узкая юбка обняла бедра. Голубой цвет ткани почти скрылся под серебряной вышивкой. Сверкающие цветы с блестящими прозрачными камешками на лепестках, бабочки с жемчужными усиками... Анна ощутила тяжесть роскоши.

Юбку закрепили широким серебряным поясом. С него свисали цепочки, на концах которых покачивались голубые бусины в форме запятой. Пока Анна рассматривала их, грудь стянули шелковым шарфом.

Широкое ожерелье, больше смахивающее на оплечье, скрыло декольте. Запястья украсили браслеты, надетые выше тех, что в свое время вручили Анне в охотничьем домике, а пальцы перестали гнуться от большого количества колец. Апофеозом ювелирного безумия оказался головной убор. Он напоминал шлем, сотканный из серебряной паутины. В местах, где проволоочки соприкасались, сверкали крохотные бриллианты. Надо лбом, окруженный крупным жемчугом, сиял огромный сапфир.

Тяжесть украшений пригибала к земле. Служанки подхватили под руки, помогая стоять ровно, и повели к выходу. Перед занавеской задержались — к парадному наряду кара-наири прилагались сандалии с серебряными цепочками вместо ремешков.

Еще раз убедившись, что все готово, Рийта подала знак.

От рева духовых заложило уши. Солнце ворвалось в распахнутый проем, и Анна шагнула

ему навстречу.

Трубы смолкли. Встречающие приветствовали её явление сплоченным движением. Анна в растерянности рассматривала согнутые спины — на ногах остались только рораги и служанки.

Единственным свободным местом в округе оказалась дорожка. При свете дня она поменяла цвет с черного на глубокий синий. Как и зонт, который моментально укрыл Анну от солнца.

Верблюда в конце пути не оказалось. Вместо него поджидал открытый паланкин. Шестеро носильщиков в белой одежде распластались рядом.

Влекомая служанками, Анна уселась в высокое кресло и, согласно заученному ритуалу, сложила руки на коленях.

Снова запели трубы. Носильщики плавно встали, осторожно подняв паланкин. Служанки выстроились справа и слева, а рораги окружили процессию. Впереди, оседлав вороного, гарцевал Эйр. Рядом, по левую руку, вышагивал Тапар, стараясь не попасть под тень зонта. Замыкали шествие трубачи.

Анна пыталась поймать взгляд Эйра. Тщетно. Командир делал вид, что не замечает. В правой руке он держал сверкающий жезл, движению которого подчинялись окружающие. Трубачи дублировали приказы, и, сопровождаемый какофонией из духового оркестра, ржанием лошади и криков людей, паланкин покинул оазис.

Анна приготовилась к долгому пути, но едва верхушки пальм скрылись вдаль, впереди показались скалы. К ним и повел Эйр процессию.

Прямо из светлого песка выростали каменные клыки. Они тянулись вверх и хищно загибались, словно вот-вот готовые перекусить наглеца, осмелившегося потревожить их покой. Красно-бурый цвет, похожий на засохшую кровь, усиливал впечатление.

Носильщики остановились у первого круга скал. Поставили паланкин и отступили, согнув спины. Служанки помоги выйти и тоже отошли. Синхронный звук труб взвился к расплавленному небу и затих — музыканты опустили инструменты и замерли, подобно статуям.

Рораги окружили Анну. Эйр кинул поводья служанкам и жестом пригласил её следовать дальше, прямо в клыкастую пасть.

Тонкая подошва не защищала от жара. Ноги утопали в раскаленном песке, и Анна с завистью поглядывала на высокие сапоги рорагов. И на их одежду — узкое платье карнаири оказалось не приспособленным к пустынным прогулкам, тем более, что зонт остался возле носилок.

Всегда внимательный Эйр словно ничего не замечал. Только Тапар время от времени бросал сочувственные взгляды. А капитан шагал и шагал, прямо к центральной скале. В ней, на высоте пяти метров зияло отверстие. К нему вились по камню узкие ступеньки.

Рораги замерли. Эйр отступил в сторону, пропуская Анну и Тапара вперед, и последовал за ними — то ли страхуя от падения, то ли отсекая возможность вернуться. У входа, вставленный в железное кольцо, висел факел. Огонь заплясал на его конце, освещая дальнейший путь.

Эйр поклонился и отступил. В пещеру Анна вошла в сопровождении мага.

Спуск оказался длинным. У Анны кружилась голова и болели обожженные ступни, не остановиться не получалось: внизу зиял провал, а про перила строители забыли. Так и шла, медленно, ощупывая перед собой пространство.

Встреча с полом произошла неожиданно. Тапар отстал, освещение ослабло, и Анна споткнулась, не найдя под ногами следующей ступеньки. Машинально сделала несколько шагов и замерла в темноте.

Над головой посветлело. Анна оглянулась в поисках сопровождающего, но факел уже погас.

А свет становился ярче. Постепенно из темноты проступили силуэт. Узнав мага, Анна успокоилась и осмотрелась.

В каменном монолите стен один за другим зажигались светлячки. Искры разгорались, так что скоро все вокруг переливалось мириадами огоньков. И мрак отступал под их напором.

Впереди убегала вдаль извилистым световым потоком длинная пещера. Анна оглянулась на Тапара. Тот слегка поклонился и протянул руку, приглашая к новому путешествию. Жвериндовое кольцо светилось так, что можно было разглядеть вышивку на обшлаге рукава.

Глаза рорага сияли, и полностью поменялось выражение лица. Оно стало мягким, человеческим, что ли. Словно в ожидании чуда.

Анна послушалась призыва полукровки. Но прежде, чем свернуть за первый поворот, оглянулась.

Тапар распластался на полу, протягивая руки. Его шепот отражался от стен и долго провожал её по извилистому коридору, развеивая чувство одиночества.

Но тепло в сердце слабело с каждым шагом, выдуваемое холодным ветром. Он налетел ниоткуда, дул со всех сторон, больно хлестал по спине, от его пощечин горело лицо. Анна остановилась. Вместе с холодом пришел страх.

Вернуться не получилось. Ветер свернулся спиралью, превратившись в прозрачную, но непреодолимую стену.

Тонкое платье совсем не грело, и вскоре перед Анной встал выбор: замерзнуть насмерть, или идти дальше. Обхватив себя за плечи, чтобы сохранить остатки тепла, она продолжила путь.

Ветер вытолкнул её в огромную пещеру. Солнечный свет, падая в круглое отверстие в потолке, заливал все вокруг ослепительным потоком. В центре купался в ярком водопаде Храм. Крыша его напоминала перевернутый многоярусный колокол, а сверкающий шпиль, венчающий здание, тонким копьём указывал прямо стоящее в зените Солнце.

Ослепнув, Анна прикрыла глаза. Когда искры под веками угомонились, проступили детали. Темно-синяя крыша, голубая роспись на белых стенах... И — гостеприимно распахнутые двери высоких ворот.

Прикосновение к плечу испугало. Анна вздрогнула. Но сзади была пустота. Только из погасшего коридора словно наблюдала пара внимательных глаз.

Она осторожно повернулась, стараясь не оставлять темный провал за спиной. Но прикосновение повторилось, и стало настойчивее. Кто-то подталкивал к храму. Это напомнила сон. Тот кошмар, когда невидимые руки ласкали, а губы пытались вызвать любовный жар... Глубоко вздохнув, Анна шагнула к воротам.

За расписными створками начинался мост. Он вился, словно белая река, плавно изгибаясь то вправо, то влево. Казалось, он парил в воздухе, и Анна не удержалась, посмотрела вниз.

Бездна заглянула в душу. Там, внизу, ворочалось что-то живое. Страх сковал ноги, а

холодный ужас приморозил их к камню. Постепенно в темноте проступили контуры, заставив сбросить оцепенение. Анна отшатнулась, стараясь как можно скорее забыть увиденное.

Руки. Сотни, тысячи рук тянулись из расселины. Скрюченные пальцы, сжатые кулаки, простертые ладони... Бледные, полупрозрачные. Они двигались, и поднимались все выше и выше. Когда ногти касались стен ущелья, слышался леденящий скрежет.

Анна кинулась вперед, к распахнутым дверям храма. Что бы ни ждало внутри, лучше познакомиться с ним побыстрее. Стоять и бояться — куда страшнее.

Просторный зал и своды, теряющиеся в вышине. Под ногами — мраморная мозаика. Синие, красные, зеленые камушки смешались в гигантском калейдоскопе. Стены, покрытые рисунками.

Женщина. Красивая, гибкая, с темными омутами глаз. Вот она же — кружится в неистовом танце. Анна поежилась — по телу пробежала теплая волна, замерла внизу живота и свернулась клубком.

Следующая фреска. Женщина на троне. Руки чинно сложены, спина прямая... и все же в изображении не было покоя. Рисунок волновал, вызывая непонятные чувства.

Анна шла по кругу, любуясь шедеврами неведомых мастеров. И то, что происходило с её телом, ей совсем не нравилось.

Клубок, свернувшийся внизу живота, начал пульсировать. Медленно, робко... Но с каждым ударом он захватывал все новое пространство. Вскоре тело сотрясала непонятная, сладкая дрожь, и в месте, где встречаются ребра, затеплился огонек. Его жар распространился мгновенно, наполнив Анну тягучей, и одновременно, болезненной истомой. Она не в силах была стоять, но какое-то чувство звало, манило, приказывало выйти на середину зала, в точку, отмеченную кроваво-красной двенадцатиконечной звездой.

Пол ударил по выставленным ладоням. Заныло ушибленное бедро. Но Анна отмахнулась от боли. Окружающее затянул туман, и только одно оставалось ясным — алое пятно в центре огромной мандалы.

Добралась из последних сил, и едва рука коснулась звезды — тело сотряс невероятной силы оргазм.

Анна кричала, но сама себя не слышала. Раз за разом, пока вместо стона из горла вырвался хрип. Все мысли, мечты, чаяния и желания свелись к одному — прекратить это безумие! Но волна удовольствия накатывалась снова и снова, становясь с каждым разом болезненнее, пока, наконец, Анна не отключилось.

Очнулась от холода. Темноту вокруг рассеивали несколько десятков светлячков, кружась в медленном хороводе. Ноги отказывались держать, мышцы тягуче жаловались, хотелось свернуться клубочком и не двигаться... Но Анна заставила себя встать. Светлячки тут же переместились, словно зовя за собой.

Шаг, другой... Огромный зал остался позади, а в дыру над головой заглядывали звезды. Их свет манил так же, как и огоньки, мерцающие перед лицом. Непонятная, выматывающая тоска поселилась в душе и Анна поддалась чувству — опустила на землю и заплакала. Громко, в голос, не стесняясь, забыв про страх. Рыдания отразились от стен, ворвались в провалы подземных галерей и затихли вдали.

Немного успокоившись, Анна вытерла слезы и двинулась дальше. Но у моста замерла, не решаясь ступить на белеющие извивы. То, что вырывалось из глубины было страшнее одиночества, темноты и неизвестности вместе взятых.

Но покинуть бездну и заполнить пещеру ужасу ничего не мешало. Анна зажмурилась глазами и нащупала ногой начало моста. Идти вслепую оказалось еще страшнее. Спасли светлячки. Они закружились вокруг, отвлекая от плохих мыслей, и полетели, указывая дорогу. Анна заторопилась следом, стараясь не смотреть вниз.

Мост остался позади. Впереди чернело ущелье. Зарево, что освещало путь в прошлый раз, погасло. Пришлось снова довериться светлячкам. Они не подвели — шаг за шагом вывели к лестнице.

Тапар стоял на нижней ступеньке. Факел в его руках ослепительно сиял, но боль в глазах казалась такой малой платой за компанию. Анна подбежала к магу, и замерла.

Влажный, горящий взгляд снизу вверх. И лицо, прижатое к пыльному подолу:

Тапар Сонги, полукровка, личный Маг Его Величества Лартиха Третьего приветствует Наири, Дарующую Жизнь, воплощение Лилит, великой Матери.

После ритуальных слов полукровка выпрямился и посторонился, пропуская Анну на лестницу.

Восхождение далось нелегко. Все силы остались в Храме, и физические, и моральные. О произошедшем даже думать не хотелось. Мысли вертелись вокруг горячего душа, бездумного сериала и родной кровати. Но это осталось в другом мире, и Анна запретила себе мечтать.

Тапар обогнал у выхода. Встал в проеме и замахал факелом. Круг, треугольник, снова круг... Потом — замысловатая фигура. Движения были столь быстры, что пламя оставляло росчерки на фоне темного неба. И навстречу звездам взвился приветственный крик.

Встретили их уже привычным коленопреклонением. В этот раз распластались даже рораги. Анна отвернулась. Путь освещал только факел мага, и она то и дело останавливалась, чтобы не наступить на лежащего.

Носилки плыли, покачиваясь в такт шагов. Пустыня остыла, и прохладный ветер доставлял немало неприятных ощущений. Но новоиспеченная Наири, убаюканная сумраком и усталостью, задремала.

Сквозь сон Анна почувствовала, как её поднимают на руки и куда-то несут. Сил проснуться не было, и она только поудобнее устроила голову на крепком плече. В мужских объятиях оказалось неожиданно надежно и уютно, Анна даже протестующе застонала, когда её отпустили. Как снимали украшения и переодевали, она уже не чувствовала.

Хотелось, чтобы блаженное состояние на грани сна и яви длилось вечно, но реальность заявила права и Анна проснулась.

Знакомый шатер, удобная кровать. И — никого. Не веря своему счастью, Анна огляделась. Ни служанок, ни рорагов. Только снаружи доносятся приглушенные голоса. Неужели они получили, что хотели, и оставили её в покое?

Надежды вдребезги разбила Рийта. Она вошла в спальню и распласталась на полу:

— Приветствую Наири, Дарующую Жизнь!

Настроение стремительно портилось:

— Что сегодня придумали?

— Госпожа, вас ждет престол Храма Облаков. Да не будет он больше пустовать!

Анна вздохнула. Церемонии хороши время от времени, в качестве экзотики. Но взялся за гуж...

— Умываться?

В этот раз ритуал проходил по-новому. К бадье Анну не пустили. Зато, облачив в

невесомый белый наряд, чем-то смахивающий на халат, повели к озеру.

Процессия растянулась. Впереди шли рораги. За ними, с купальными принадлежностями в руках, выступали служанки. Дальше несли легкий паланкин со смущенной Анной. Замыкали шествие снова телохранители.

Двигались к водопаду. По знаку Рийты рораги отвернулись, зорко вглядываясь в окрестности — не подглядывают ли за смущающейся Наири любопытные? Служанки разложили косметику и, сняв с Анны одежду, осторожно подвели её к природному душу.

Вода оказалась неожиданно теплой. Струи мягко массируют кожу головы, ласкали плечи и спину.

Анна закрыла глаза, растворяясь в ощущениях.

— За что вы гневаетесь на наш народ, Наири?

Вопрос вырвал из блаженного состояния. Анна удивленно взглянула на Рийту:

— С чего ты взяла?

— Вы не позволяете увидеть свое тело никому, кроме нас. А по традиции омовение Наири в Купели — достояние всей Эстрайи.

— Так я что, еще и мыться должна прилюдно?

— Таков обычай. Но господин Эйр велел прятать вас от нескромного взгляда, сказал — вы разгневаются. Скажите, чем мы заслужили ваше недовольство и позвольте вымолить прощение. Иначе страна погрузится во мрак.

Анна фыркнула. Отвечать не решилась, чтобы не вызвать у служанок шок. А слова поприличнее в голову не шли.

Зато, пока девушки сутились вокруг, Анна разглядела их одежду. Верх, как прежде, заменял обернутый вокруг груди шарф, а вот низ...

В этот раз вместо длинных юбок девушки надели что-то похожее на просторные штаны до колен. Анна пригляделась и поняла ошибку. Штаны оказались хитро замотанной набедренной повязкой! Но смотрелись симпатично. А главное — удобно.

— Рийта, — спросила она у фрейлины, — А можно мне такие же шортики?

Женщина пришла в ужас:

— Что вы, Наири! вам не подобает...

— Понятно, — сразу заскучала Анна и вышла из-под водопада.

— Когда выезжаем?

— Как только вы будете готовы.

Ужас сборов повторился. Длинное платье, макияж, прическа. И груда украшений.

— Мне прямо в этом ехать? По пустыне?

Рийта удивленно посмотрела и молча застегнула на ней широкий пояс, инструкторованный нефритовыми пластинами.

Одежда самой Рийты мало смахивала на дорожную. Но Анна успокоила себя тем, что в прошлый раз путешествовала в чисто мужской компании. Возможно, фрейлина тут и останется. И тогда несколько дней можно будет провести без удушающей опеки.

Надежды не оправдались. Паланкин ждал у входа, только Эйр в этот раз шел пешком, возглавляя процессию.

В глубине оазиса две пальмы сплелись стволами так, что у корней образовалась арка. Землю вокруг усыпали гладкие плоские камешки размером с ладонь. На каждом, с верхней стороны, виднелся орнамент из разноцветных точек.

Анна пригляделась. Расположение гальки оказалось упорядоченным — концентрические круги и соединяющие их волны. Тапар, отстранив командира, переложил несколько камешков и воздел руки. Сложные пассы, переплетение пальцев, и между пальмами словно мыльная пленка повисла. По знаку мага Эйр шагнул прямо в неё. Носилки качнулись следом. Анна сжала подлокотники так, что пальцы судорогой свело. Но... ничего не произошло.

Воздух напрягся и лопнул с едва слышным хлопком.

Огромное пространство с пологими холмами напоминало старую заставку Windows. Почти зеленая безмятежность, но встречающая толпа испортила впечатление. Она расступилась перед паланкином, как замерзший панцирь под ударами атомного ледокола. Анна снова не рассмотрела лиц — ей видны были только согнутые спины. И помост с высокими креслами.

В одном сидел король. Он поднялся навстречу Анне, подал руку, помогая выйти из носилок. И — развернул к толпе.

— Приветствуйте Наири, воплощение Великой Матери, ипостась Лилит, Дарующую Жизнь!

И первый склонил колени.

Успевший подняться народ снова повалился на землю.

Исполнив ритуал, король поднялся и ободряюще улыбнулся.

— Все в порядке. Великая Мать признала вас, Наири. Отныне вы в безопасности.

Тихий шепот тек густым медом. Анну передернуло — мед она любила только свежий, в сотах. Но ответила улыбкой:

— Я надеюсь, что данное мне слово сдержат. Больше ничего не прошу.

— Напрасно. Отныне вы можете требовать все! Взгляните.

В сопровождении рорагов к помосту приближался слон. По-настоящему белый, без малейшего оттенка серости. Уши, хобот и ноги животного покрывал яркий орнамент, в котором преобладал синий цвет. На его спине покачивалась беседка, напоминающая пагоду. Солнечные зайчики усыпали посеребренную крышу, на конце венчающего её шпиля сверкал огромный камень, похожий на сапфир. Круглые фонари свисали с углов попоны, и голубые шелковые кисти ритмично покачивались на загнутых бивнях.

Анна с ужасом смотрела, как громадина подходит прямо к помосту и поворачивается боком, чтобы удобнее было садиться. Услужливо подставленная лесенка упростила задачу. Молясь всем богам, Анна забралась в беседку. Просторнее, чем в паланкине, но качка невероятная.

Наблюдать за процессией она не смогла — все силы, до капельки, ушли на борьбу с тошнотой. Только краем глаза заметила, что король оседлал другого слона — обычного, серого, но украшенного с не меньшей роскошью.

Озеро сверкало голубым зеркалом. А в середине, ослепительно-белый, до боли в глазах,

вырастал Храм. К нему, извиваясь по ослепительной поверхности, вел широкий каменный мост.

Анна вздрогнула — в памяти всплыл другой, из подземелья. Но, идя об руку с королем, не удержалась — взглянула за перила.

Внизу вальяжно плавали золотые караси. Да и само озеро оказалось мелким — все камешки на дне можно было пересчитать. Чешуя рыб ловила солнечные лучи, соревнуясь по яркости с водяными бликами.

— Нравится?

— Да, очень красиво.

— Надеюсь, остальные чудеса вас не разочаруют.

Храмовый комплекс оказался гигантским. Здания соединялись крытыми галереями, изогнутыми мостиками, узорчатыми балкончиками... Между ними раскинулись мощные белыми плитами площади, огромные, и совсем крохотные. На них живописными группами стояли вазоны с цветами. Кадки с плодоносящими деревьями образовывали небольшие сады, а фонтаны, искрясь в солнечных лучах, дарили прохладу.

— Вам нравится?

Король наслаждался Аниным восторгом.

— Очень. Архитектор — гений! Так все продумать...

— Я рад, что ваш дом пришелся к душе, Наири. А сейчас — отдохните немного, скоро начнется церемония.

Еще одна? Анна едва сдержала стон. Но покорно пошла со служанками.

Комнаты в охотничьем домике, показавшиеся тогда роскошными, совсем терялись на фоне новых покоев. Белый, влажно блестящий мрамор, из металла — только серебро. Мягкие ковры, в которых ноги тонули, как в песке, погружаясь по щиколотку, почти полностью скрывали под собой каменные полы. Разноцветные подушки, разбросанные тут и там, разбавляли монотонность белого. Низкие столики, чтобы есть полулежа, и высокие — для нормальной трапезы. Стулья, диваны, кушетки... Хрусталь и шкатулки, полные драгоценных камней.

Кроме того, здесь только личные покои занимали площадь большую, чем весь тот "домик".

Да и инкубов было побольше.

В каждой комнате Анну встречали люди. Юноши и девушки утыкались лбами в пол, в после поднимали головы, с обожанием глядя на Анну.

Красивые. Если рораги напоминали мраморные статуи древнегреческих скульпторов, то слуги походили на чувственные рисунки индийских мастеров. И позы они принимали соответствующие. Но Анна осталась равнодушна. Кроме того, ей не очень нравились смазливые личики юношей, скрытые под тонной косметики. Да и одежда... большинство ограничились набедренными повязками, зато щедро украсили себя ювелирными шедеврами.словно новогодние елки. Анна свой-то наряд с трудом терпела, а когда вокруг бегают полуголые юнцы...

А еще ей полагался личный сад. Деревья сгибались под тяжестью плодов, другие еще только зацветали, даря легкому ветерку аромат едва раскрывшихся бутонов. Птицы перепархивали с ветки на ветку, оглашая окрестности радостными трелями. Время от времени в эту мелодию какофонией врывается крик павлина или фазана. Длиннохвостые птицы вольготно чувствовали себя у невесомых беседок, возле которых специально для них

были устроены кормушки.

Прямо из сада Анна попала в собственную спальню. Она не поверила своим глазам, взирая на сооружение в центре комнаты.

— Что это?

— Кровать, Наири.

Постамент, к которому вели по девять ступенек с каждой стороны больше подходил для памятника. Сверху многоярусной конструкции разместилось гигантское ложе. Анна прикинула: метра три на четыре. Память услужливо подсунула картинку из Хроник.

Поежившись, поинтересовалась:

— А попроще ничего нет? Неуютно...

— Вам стоит только приказать, и здесь все переделают. Но маленькая кровать будет неудобной...

— Хорошо, хорошо, — сил на спор не было, и Анна отвлекла сопровождающих традиционным вопросом: — Умыться хоть можно?

Ванная комната занимала зал размером с олимпийский бассейн. Да и сама купель немногим уступала объемами. Чаши, в которых можно было заплывы устраивать, каскадом спускались от самого потолка. Фонтаны вырывались прямо из стен. От одних веяло ледяным холодом, другие исходили паром.

— Мда. Похоже, семейка Наири страдала гигантоманией... Ой, душ?

Водопад между двух белых колонн напоминал именно этот шедевр современного мира. Анна кинулась к нему, как к старому, давно потерянному другу. Служанки грустно переглянулись и принялись её раздевать.

Какое блаженство — теплые, ласкающие струи. Кожа нежится под легким массажем капель, становится упругой. Пыль и грязь стекают вместе с усталостью, оставляя после себя чистоту и покой.

Ей позволили купаться, сколько душе угодно. Но, выйдя, Анна снова попала в цепкие ручки служанок. Крема, притирания для лица, тела, рук, ног... Гребни осторожно распутали влажные волосы, мягкая ткань собрала остатки влаги. Наконец, от Анны отстали — проводили обратно в спальню, помогли подняться на постамент. Смирившись, Анна забралась под легкую простыню. Матрас спружинил не хуже ортопедического.

— У вас полтора часа, Наири. Отдохните. Мы вернемся, как придет время.

Надежды Анны на пусть мимолетное одиночество разбились, словно фарфоровая чашка об каменный пол. Сотня осколков материализовалась в виде рорагов, вошедших в комнату. Они окружили кровать, оккупировав ступеньки.

— О нет!

Просить их бесполезно, она давно усвоила этот урок. Еще и служанка осталась. Замерла у изголовья коленапреклоненной статуей, словно так надо.

Анна закрыла глаза. Похоже, заснуть — единственный способ сбежать из этого безумия.

Разбудили её ровно через полтора часа. Служанки вошли попарно, возглавляемые Рийтой. Первые девушки держали золотой, с изумрудами по краю, таз и небольшое полотенце. Не пришлось даже спускаться с помоста, чтобы умыться.

Анна начала злиться. Похоже, её пытаются лишить единственного развлечения в этом мире — купания. Оно неплохо прерывало монотонность дней, позволяя хоть недолго побыть наедине с собой, без навязчивой опеки. Но окружающие воспринимали происходящее как само собой разумеющееся. Оставалось лишь пожалеть прошлую Наири.

Пока служанки хлопотали, рораги рассредоточились по комнате.

— Они не уйдут?

— Нет, госпожа. Рораги всегда находятся рядом. Некоторое время вас будет охранять личный отряд государя. Для ваших телохранителей пока только дату отбора назначили. Его Величество не хотел раскрывать ваше присутствие до обряда в Храме.

— А теперь раскрыл?

— Скрыть рождение новой Наири невозможно! Потоки изначальной праны сильны, и через известный срок у многих в Эстрайе появятся малыши. Первые, кому вы даровали жизнь.

Пока Рийта говорила, её руки колдовали над прической. Две девушки разукрашивали Анины ладони хной, две — делали то же со ступнями. Одежда в этот раз отличалась — Анну от груди до щиколоток задрапировали в длинный кусок белой ткани, а на плечи легло золотое украшение. Браслеты на руках, на ногах, масса шпилек в шиньоне. И — роскошная диадема.

Когда Анне позволили взглянуть в зеркало, она испугалась — отражение показало непривычную картину. По ту сторону стекла стояла прекрасная, уверенная в себе женщина, ни в чем не уступающая столпившимся вокруг суккубам.

Церемония проходила на одной из площадей храмового комплекса. До места Анну провели крытыми переходами и, поставив перед дверьми, отступили. Рядом остался только юноша, почти мальчик, высоко вздымающий огромный зонт.

Трубы взревели так знакомо и ожидаемо, что Анна даже не вздрогнула. Потом к ним присоединилась пронзительная песня флейты, и барабаны заволновались рассыпчатой дробью. Но все стихло, когда распахнулись двери, и Анна двинулась вперед. Монотонный голос чиновника, который перечислял её многочисленные титулы, помог удержать необходимый темп.

У ступенек Анна задержалась. Трон, стоящий наверху, совсем не походил на огромные, величественные кресла из музеев. То, что приготовили для Наири, напоминало скорее мягкий диван, усыпанный подушками.

Сидеть ровно, как учили Пайлин и Эйр, оказалось невозможно. Помогла Рийта — осторожно коснулась ног, показывая, что можно подобрать их под себя и прилечь, облокотившись на мягкий подлокотник.

Юноша с зонтом остался в стороне — над тронном раскинули навес, напоминающий крышу храма. Он прикрывал от солнечных лучей, но не от жары. Её изгнанием занялись два полуобнаженных опахалоносца. Анна оценила их мускулатуру, пока поднималась.

Церемония оказалась вполне рутинной — новой Наири представляли высший свет. Начали с короля. Он склонился до земли, а потом устроился на большой подушке, лежащей возле трона. И улыбнулся, наблюдая за удивлением Анны:

— Таковы правила. Но только в Храме Облаков. Во дворце, уж простите, ваше сиденье будет ниже моего.

Представители домов по очереди подходили к ступенькам. Уткнувшись носом в мрамор, терпеливо ждали, специальный чиновник зачитывал их имена и титулы. Потом, на коленях подползали облобызать краешек шлейфа, струящегося по ступенькам.

Анне быстро все надоело. Монотонность убаюкивала, но король помогал не заснуть. Тихо, чтобы слышала только собеседница, он несколькими словами описывал лежащего подданного, причем делал это так забавно, что вскоре Анна с трудом сдерживала смех, глядя

на спины внизу.

Но все имеет начало, и все приходит к концу. Церемонии — в том числе. До сумерек оставалось время, и король предложил пообедать вместе — в саду. Проголодавшаяся Анна не стала отказываться.

Впервые за много дней еда принесла удовольствие. Его Величество оказался великолепным собеседником. И галантным кавалером. Вечер омрачал только Эйр, превратившийся в тень короля. Правильно поняв мелькнувшую на лице Анны тень недовольства, государь тут же отослал рорага:

— Что мне может угрожать в сердце Храма Облаков?

После ужина решили прогуляться. Король устроил Анне экскурсию, показав самые красивые уголки. Фонтанчик-ручей, бьющий из-под "земли", оранжереи. Бассейны с золотыми карасями и разноцветными карпами кои. Они приплывали на звук колокольчика, чтобы взять корм прямо из рук.

Особое впечатление произвел пруд, покрытый лотосами. Глянцевые листья полностью скрывали воду, и белоснежные лепестки цветов казались на их фоне ослепительными.

— Они прекрасны, как сама Наири, — не отрывая взгляд от растений, проговорил-пропел король. — О, вы так смущаетесь. Почему? Не верите мне?

Анна улыбнулась, отводя взгляд. Но зардевшиеся щеки выдали с головой. Она давным-давно отвыкла от комплиментов.

Когда король откланялся, она долго смотрела на закрывшиеся за его спиной створки. Чашку, из которой пила, поставила мимо столика, и удивилась, когда та рассыпалась сотней мелких осколков.

— Наири устала. Вам нужно отдохнуть.

Анна не спорила. Силы закончились, хотелось только забраться в кровать и помечтать о приятном. Так что услуги девушек в этот раз оказались кстати.

Зато после, когда закрытые веки отсекали от реальности — толпы, замершей возле кровати, сны были легкими, как перистые облака в ветреный день и приторно-сладкими, словно сахарная вата. Но, проснувшись, Анна не вспомнила ни одного.

Завтракала в саду, возле прохладного фонтана. Искренне наслаждалась пением птиц, любовалась цветами. Стоящие поодаль музыканты не посмели прикоснуться к инструментам, боясь помешать Наири слушать звуки природы. Настроение ей не испортили даже служанки и рораги. Видимо, начала к ним привыкать.

— Не помешаю?

Король подошел со спины. Анна расцвела — хоть кому-то в этом мире интересна она, а не её статус.

— Присоединитесь?

— Пожалуй.

Служанка тут же принесла второй прибор. Но гость не торопился завтракать. Сияющий взгляд следовал за Анной, любясь малейшим её движением.

— Вы освоились? Вам все нравится? Если нет — только скажите, исправим на ваш вкус.

— Спасибо. Мне удобно, но... немного экзотично.

Король неожиданно развеселился:

— И что вам кажется таким необычным?

— Да все! — смехом на смех ответила Анна. — Еда, питье, но боле всего — отношение окружающих. То, что рораги ни на минуту не оставляют одну. Даже в спальне от них не

скрыться. И слуги... я никак не могу уговорить их подняться!

— Ну, стоять в моем или вашем присутствии могут только дежурные телохранители да фрейлины знатных Домов. Простым слугам место на земле. И уж тем более, их головы не должны возвышаться над нашими!

— Странные обычаи. Ой, не подумайте ничего плохого. Просто я привыкла к другому, и все это...

— Скучаете по дому?

Анна промолчала. Не стоило ему вот так...

— Кажется, рана еще свежа, — понял король. — Простите. Я приложу все усилия, чтобы она поскорее затянулась. А вообще, я пришел пригласить вас покататься на лодке. Вы не против?

Анна была не против. После всего увиденного ей самой стало интересно, какая в этом случае предусматривается церемония. Но все оказалось очень прозаично: озеро и маленькая лодочка. Правда, скамейки на ней были оббиты мягкой кожей.

— Прошу! — король подал руку.

Слуги отвязали веревку, и, подгоняемая веслами, лодка заскользила по морщинистой поверхности — ветерок в тот день решил порезвиться как следует.

Лартих Третий греб так, что вскоре на рубашке проступили мокрые пятна.

— Не возражаете?

Анна удивленно приподняла бровь, и тогда Его Величество просто скинул лишнюю одежду:

— Жарко сегодня.

— Навееееерно...

Она видела много мужчин, голых — тоже предостаточно. Но такой фигурой обладали единицы. Гибкий, с тонко очерченными мышцами торс. То, давнее впечатление оказалось верным — изнеженным существом король не был. На смуглой коже прозрачным бисером проступил пот. Капельки двигались, объединялись и тонкими ручейками скатывались вниз, к широкому поясу. Вскоре алая ткань, обнимающая талию, промокла.

Анне стало интересно — штаны он тоже снимет?

До такого не дошло. Король старательно греб, явно торопясь.

— Мы куда-то спешим?

— Я хочу показать вам кое-что. Нужно успеть до того, как солнце окажется в определенной точке.

Целью их путешествия оказался небольшой островок, вернее, скальный выступ в самом сердце озера. Король выскочил на камни, привязал лодку и помог Анне выйти. Места едва-едва хватало одному, и Лартих обхватил спутницу за талию, тесно прижав к себе.

— Осторожнее, — теплое дыхание согрело висок, поиграло непослушной прядью волос и умчалось. — Замрите, тут скользко.

Анна промолчала — ей было неудобно и некомфортно в объятиях малознакомого мужчины, но безрассудством она не страдала. Камни покрывал темно-зеленый налет водорослей, и вырваться — значило оказаться в воде.

— Смотрите.

Непонятно откуда по поверхности озера поплыл клочки тумана. Ветер сбивал их в кучу, как овчарка — овец. Вскоре вокруг островка клубились белые волны. А ветер все не унимался, не в силах побороть алчность. Наконец, текучие потоки под его ударами начали

подниматься, превращаясь в облако.

— Откуда?

— Тссс, — король крепче прижал Анну к себе. — Не шевелитесь. Сейчас начнется!

Солнечный луч пробил белесое марево. И еще один. Каким-то образом они добрались до поверхности воды и отразились от неё. Началась завораживающая игра в пинг-понг, где соперниками были солнце и озеро.

Солнечные зайчики прыгали туда-сюда, оставляя на туманном полотне быстрые росчерки. Их становилось все больше, и вскоре Анна только ахала от восторга, наблюдая за игрой цвета. Перед ней на одной палитре смешались радуга и северное сияние. Невероятное по красоте шоу сделало бы честь ведущим светохудожникам мира. Но сейчас рисовал лучший из них — сама природа.

Все закончилось, когда ветру надоела эта забава, и он разогнал туман. Анна долго стояла, потрясенная зрелищем. Мысли разбежались, остались лишь впечатления.

— Понравилось?

Она не сразу поняла, что это к ней обращаются, медленно выныривая из увиденной феерии.

— Понравилось, — король выглядел довольным.

Посадил Анну в лодку и погреб к темнеющему вдали берегу. Но теперь не торопился, явно наслаждаясь.

— Что... это было?

— Магия самой природы, — король улыбнулся. — Кто знает, на какие чудеса она способна. Знаете, я проголодался. Предлагаю позавтракать!

Ранний подъем, прогулка, восторг — все вместе разбудило аппетит.

— Прямо тут? Но... мы же в лодке?

— Почему вас это смущает?

Король достал из-под скамейки большую корзину. Креветки, творожный сыр с невероятно нежным, тающим вкусом. Мед. Немного винограда, персиков и апельсинов.

— Думаю, вы тоже не любите сухомятку?

На свет появилась глиняная бутылка с залитым воском горлышком.

— Вино подойдет? Очень старое и редкое. Подождите, я сейчас угощу вас необычным десертом.

В чашу отправились мелко порезанные персик, апельсин и мед. Сок тек по пальцам, и Лартих то и дело вытирал их о салфетку. Но потом увлекся и несколько раз слизнул его прямо с ладони.

— О, простите. Наири. Я, кажется, совсем расслабился. В кои то веки удалось сбежать от чопорных придворных. У вас, по крайней мере, нет церемониймейстера!

— О, — посочувствовала ему Анна. — Мои фрейлины вполне справляются.

Король рассмеялся и вернулся к приготовлению десерта.

Корица и шафран чуть припорошили смесь. А когда на дне выступил сок, король залил фрукты тягучим красным вином.

— Попробуйте. Ну, как?

— Ммм... Необычно. Вроде бы напоминает сангрию, но на вкус... весьма экзотично.

— Еще?

— О, нет. Спасибо.

— Тогда просто — вина?

От свежего воздуха кружилась голова. Отсутствовали и Эйр, и Тапар, контролирующие каждый шаг. Служанки не стояли над душой. Только озеро, ветер и простор. И приятный собеседник рядом. Бокал хмельного напитка оказался к месту.

— Возможно, мы станем друзьями...

— Всего лишь? — король наклонился поближе.

Его дыхание пахло фруктами и вином. И еще чем-то терпким и сладким. Возникло желание потянуться и попробовать губы на вкус.

Анна усмехнулась сама себе. "Попробовать на вкус"? Приступ вампиризма, не иначе.

Очарование моментально испарилось.

— Вы пытались меня соблазнить?

— Почему — пытался? Я и сейчас...

Анне стало скучно. Одно и то же. Всегда. Везде. В любом мире мужчины вели себя одинаково.

— Давайте вернемся. Спасибо за прекрасную прогулку, но я устала.

— Как скажете.

Погрустневший король сел за весла. Анна убирала остатки еды в корзину.

— Вы это серьезно — про друзей?

— Да. При условии, что не будете испытывать на мне ваши инкубские штучки.

— Увы, увы, увы. Наири — очень интересная женщина. А я, как вы только что заметили

— инкуб. На меня любовные чары тоже действуют.

— Ваше величество, не знаю, доложил ли вам Эйр...

— Все доложил, будьте уверены. Он практически единственный в этом мире, кому я могу доверять полностью. Поэтому прошу, не обижайте его.

— Мы будем говорить о вашем рораге?

— О себе же вы не хотите...

Мышцы напрягались при каждом гребке. Инкуб оставался соблазнительным, но явно обиделся. Анне стало неловко: старался, устраивал ей праздник...

— Я выросла в строгой семье. И, боюсь, буду бесполезна, даже если вылечусь. Вы же не слишком разочаруетесь? Еще есть возможность найти мне замену...

Король промолчал.

Их встречали. Анна, сославшись на усталость, повела свою свиту в сторону спальни. Король направился туда же.

Она расчесывалась, когда он вошел в комнату. Постоял за спиной, любясь на отражение Анны в зеркале. Потом, когда молчание стало почти неприличным, подошел ближе:

— Наири позволит?

Анна растерялась. Король забрал расческу из её рук, едва заметно, на грани ласки, скользнув подушечками пальцев по коже. Несколько раз провел гребнем по волосам...

— Слуги вас смущают?

Одного знака Лартиха хватило, чтобы и служанки, и рораги покинули спальню. Анна чуть отстранилась от короля:

— А меня они совсем не слушались!

— Вполне естественно, — Лартих снова запустил в волосы Анны черепаховый гребень, осторожно провел сверху вниз, — У вас очень короткая стрижка.

Зубцы коснулись шеи и продолжили путь, едва касаясь кожи. В месте, где они прошли, зародились мурашки и кинулись врассыпную, вызвав озноб.

— Что вы... делаете?

Король отбросил гребень и положил ладони на туалетный столик, поймав Анну в западню своих рук.

— То, что и всегда — соблазняя вас.

— У вас не получится.

— Правда?

Там, где прошелся гребень, теперь скользили губы. Анна дернулась, но преграда оказалась тверже каменной. Возникло ощущение чугунной клетки. Грудь сдавило и стук сердца эхом отозвался в висках.

— Я позову на помощь!

— Да? Вы же сами сказали — они вас не слушаются. Только меня. Поэтому... просто дайте мне шанс.

Анна закричала. Но голос предал, вместо отчаянного зова получился хриплый стон, перешедший в кашель. От резкого движения все, что было на туалетном столике, полетело вниз. Остро запахло мускусом — в груди упавших вещей разбился флакон с духами.

Увы, как и предсказывал король, не отозвался никто — ни рораги, призванные охранять Наири, ни служанки, приставленные её оберегать.

Губы стали настойчивее. Они скользили уже по платью, и тонкий шелк предательски усиливал прикосновения. А Анна не могла избавиться от липкого ощущения слизи на коже. Она попыталась вырваться, но вместо этого оказалась лицом к лицу с мужчиной. Жаркий поцелуй смял её губы, язык властно проскользнул в рот. Передернувшись от отвращения, Анна с силой сжала челюсти.

Попытка сопротивления провалилась — инкуб даже не заметил. Наглядно продемонстрировал, что плоть демона человеку не по зубам. Язык оказался упругим, и необычно сильным. Анна могла кусаться сколько угодно — Лартиха это только заводило. Подхватив её на руки, король взбежал по ступенькам, к кровати.

Белья в этом мире женщинам не полагалось. Мужская ладонь сжала бедро, потом пальцы нежно погладили истерзанную кожу и двинулись вверх, к животу. Попытки вырваться пресеклись быстро и жестко — инкуб вдавил Анну в кровать.

Она отбивалась. Но силы оказались неравны, и сопротивление было сломлено. Король завел её руки за голову и крепко сжал запястья. Теперь женщину ласкали только губы и язык. Настойчиво, и при этом невыносимо нежно.

Поняв, что силы не равны, Анна затихла — переломы и прочие травмы были некстати. А на последствия таких сопротивлений она насмотрелась. И ладно бы, помогало! К тому же Лартих оказался не безумным зверем, действовал очень бережно, стараясь ни синяков не оставить, ни боли не причинить... Нежный, аккуратный, чутко реагирующий на все происходящее с женщиной... Что произойдет с ней самой, Анна — она не монахиня, тело ответит на ласку. Так и случилось: жар прилил к щекам, высушивая слезы ярости, опустился вниз — к наряженным соскам и стек ниже. Анна всхлипывала в такт движений, а инкуб не торопился и был осторожен. Заботливый любовник, беспокоящийся об удовольствии партнерши больше, чем о своем.

Когда её перестали бить сладкие судороги, король отстранился. И довольно кивнул:
— Вам понравилось. Продолжим?

Анна оттолкнула его, опрокинув на спину. Лартих не сопротивлялся. Затих ненадолго, наблюдая, как она старательно кутается в покрывало, отводя взгляд от обнаженного мужского тела.

— Вы вдруг стали такой стыдливой? Хорошо-хорошо, сейчас уберусь...

Натянув штаны и прихватив рубашку, Лартих вышел, провожаемый ненавидящим взглядом. Едва двери закрылись, Анна кинулась в туалетную комнату, сотрясаемая рвотными позывами.

Король спускался по широкой лестнице. Впереди ждали дела, и главнейшее — посещение гарема. Несмотря на собственную неудовлетворенность, к губам инкуба приклеилась улыбка, словно произошло что-то невероятно хорошее.

Навстречу, перепрыгивая через ступеньку, спешил Эйр. Увидев короля, он отступил, склонив голову:

— Поздравляю, Ваше Величество. Как вам удалось?

— Нелегко, очень нелегко. Думаешь, так просто доставить удовольствие женщине, которая сопротивляется совсем не для виду? И, надо сказать, зубы у неё острые.

— Вы... Наири оказала нам эту милость...

— Эту милость нам оказал я. А Наири... В конечном итоге, ей понравилось.

— Но зачем, государь? Мы же планировали немного подождать, пока... Ваше Величество, кажется, сейчас вы обрекли Эстрайю на гибель.

— Ерунда. Я вернул Эстрайе жизнь. Пусть женщина сопротивляется, сколько хочет. Я всегда сумею доставить ей удовольствие. А что касается "зачем"... Ты мне допрос устраиваешь?

— Ваше Величество! — Эйр рухнул на колени, не смея смотреть королю в глаза.

— Хорошо, я отвечу. Тот пленник, которого ты так заботливо скрывал в казематах тайного этажа... Она сбежала.

И пошел дальше.

Эйр тоскливо посмотрела на белые стены Храма Облаков. Где-то за ними Анна зализывала раны. Но он подавил порыв ворваться к ней, успокоить... Побег Лаир грозил большими неприятностями и, решительно отвернувшись, рораг поспешил за королем.

Суккубы Храма Белых Облаков всполошились. Их Наири спряталась в ванной и заперла дверь. На просьбы открыть — молчала. Из звуков слышался только плеск воды.

Рораги толпились у входа, не решаясь вышибить преграду — где это видано, громить главный Храм страны, жилище почитаемой Наири. Но подбегавший Пайлин велел:

— Ломайте. Лучше накажут, чем...

Что может случиться, он не произнес, боясь привлечь Судьбу. Его и без того поняли.

Дверь слетела с петель, рораги ворвались следом.

Анна сидела на полу, сжавшись в комок. Вода, падающая сверху, смешивалась со слезами. Плечи вздрагивали, то ли от холода, то ли от рыданий.

Служанки быстро выставили рорагов за дверь. Но едва попытались приблизиться — Анна закричала. Понадобилось время, чтобы уговорить её выйти из-под душа. Снимать мокрое платье она не желала ни в какую. Любое прикосновение приводило к истерике.

Пайлин метался по спальне. Угроза потерять едва обретенную Наири маячила черным призраком.

— Лоргин!

Молодой рораг вытянулся перед десятником.

— Дуй к капитану. Хотя нет, сначала за Тапаром. Он тут нужнее. И не болтай особо. Расскажешь только им!

Маг явился незамедлительно. Даже не поприветствовав боевого товарища, скрылся в ванной. А Лоргин доложил: капитана нет во дворце — уехал по приказу Его Величества.

— Свободен, — Пайлин даже не скрывал своего раздражения.

Через полчаса в спальне появился Тапар. Он шел спиной вперед, приковывая взглядом впавшую в транс Анну. На лбу блестели капельки пота, но маг не замечал, даже когда они скатывались по ресницам, попадая в глаза.

Служанки двигались осторожно, боясь неверным движением развеять чары. Тапар раздраженно поморщился, и Пайлин поторопился убраться из комнаты. Происходящее — не для понимания простого служаки.

Часа через полтора маг вышел. Облокотился о стенку и долго стоял с закрытыми глазами. Пайлин побоялся лезть с расспросами — так Тапар выглядел после серьезных магических поединков. Засунув любопытство куда подальше, десятник потащил друга к кушетке.

Маг рухнул на неё и мгновенно уснул. Успел пробормотать едва слышно:

— Как только проснется...

Что делать, и кто должен проснуться, Пайлин уточнять не стал. Вместо этого позвал дежурного и приказал проследить за магом:

— Как выспится — обеспечить едой и чистой одеждой. Похоже, он тут надолго.

А сам занял пост у дверей спальни, наострив слух.

Горничные тоже притихли. На протяжении долгого времени из комнаты не доносилось ни звука. А потом...

Служанки забегали. Тапар услышал даже сквозь сон, подскочил и, оттолкнув приставленного рорага кинулся в спальню. Пайлин решил заглянуть в приоткрытую дверь.

Наири сидела на кровати, обхватив себя за плечи так, что побелели пальцы. Суккубы и маг сустились вокруг, но никак не могли уговорить её открыть глаза.

Тапар готов был признать свое бессилие. Ему удалось немного успокоить Наири там, в душе, вывести из шока. Теперь пришло оцепенение. Анна не двигалась, только отворачивалась от чаши с лекарством, едва та касалась сжатых губ.

Так продолжалось довольно долго. Наконец, Тапар решил:

— Оставьте её в покое. Пусть сидит. Через какое-то время ощущения вернуться, тогда и попробую что-нибудь сделать. А пока не тревожьте.

Для мага у кровати поставили мягкий стул, придвинули столик, на котором он разложил склянки со снадобьями. Тапар мечтал об одном — только бы Анна вышла из этого страшного оцепенения, тогда можно будет действовать. Если не магией, то обычными лекарствами.

Ему пришлось потратить немало сил, пока Наири стала хоть немного реагировать на окружающее. К тому времени маг был выпит до донца и мечтал даже не о постели — просто об отдыхе. И напиться.

Но вместо этого приходилось заваривать травы, напityвать отвар магией так, что чаши звенели и поить Анну. Последнее оказалось сложнее всего.

Запах сжигаемых благовоний наполнял комнату. Время от времени окна распахивались, чтобы выветрить ставший ненужным аромат. Но свежесть держалась не долго — в курильницы тут же закладывали новую порцию смесей.

Саше с кореньями и сухой травой гроздьями висели на изголовье кровати. Вокруг постамента цветным песком нарисовали магические узоры, и служанки старались не нарушить их, порхая туда-сюда.

Наконец, усилия Тапара принесли плоды: Анна заплакала.

Рыдала в голос, с подвыванием, раздирая криком горло. Маг с готовностью подставил плечо, полуобняв. Он молчал, давая горю самостоятельно выйти наружу, и только успокаивающе поглаживал вздрагивающую спину. Рука двигалась мягко, плавно, ни на минуту не прерывая движения. Постепенно рыдания стихли и Анна заснула.

Тапар осторожно уложил её, потеплее укутал и тихонько вышел из комнаты. Выплакавшись, всегда спят крепко и долго, а он еще усилил сонливость.

Теперь бы самому хоть немного поспать! Но едва Тапар прикорнул на кушетке, запыхавшийся слуга сообщил о визите короля.

— Что делать будем?

Пайлин кусал кулак, силясь придумать чего-нибудь путного.

— Эйр не вернулся? — Тапар спешно приводил в порядок одежду.

— Был бы здесь уже. Если кто и может Его Величество остановить...

— Значит, придется нам. Им нельзя сейчас встречаться.

Потупив взгляд, Тапар кинулся навстречу королю.

Тот остановился перед распластавшимся на земле магом:

— Как Наири? она готова меня принять?

Тапар застонал:

— Ваше Величество, умоляю! Откажитесь от задуманного! Наири едва пришла в себя!

— Но ведь пришла же?

Пайлин, видя решимость государя, упал на землю рядом с товарищем, обнимая блестящие сапоги государя:

— Ваше Величество! Просим вас отложить свой визит...

Король рассердился:

— Вы указывать мне будете? С дороги!

От пинка оба рорага откатились в сторону. Его Величество взбежал по лестнице и скрылся в Храме.

Они попытались еще раз. У самой двери в спальню. Суккубы, почуяв грозу, яркими птахами порскнули подальше от опасного места. Только Рийта решилась присоединиться к бунту.

— Ваше Величество! Если Наири сейчас вас увидит...

— То что?

Лартих переводил взгляд с одной коленапреклоненной фигуры на другую.

— У вас тут настоящий заговор! Вы, идиоты, Эстрайе нужны дети, нужна молодая поросль, иначе через несколько сотен лет от страны камня на камне не останется.

— Ваше Величество, если вы войдете к Наири, случится катастрофа! Я едва вернул ей желание жить. Боюсь, второй раз мне не удастся... Нужно время.

— Много? — Король задумчиво посмотрел на дверь. — День? Два? Десять?

— Государь, можете казнить меня, но я не знаю.

— И казню. Срок тебе — до отъезда Наири в Северную провинцию. Не успеешь — голову оторву.

Рораги, сдерживая радость, ткнулись лбами в землю. Уже собравшийся уходить король повернулся:

— И совсем не обязательно, чтобы это был я. Если кто-то сумеет разжечь в Наири страсть... Я буду только рад. Поэтому — постарайтесь.

Рораги лежали, пока эхо шагов не стихло за поворотом. После чего Тапар, не вставая, осторожно приоткрыл дверь — резные створки прекрасно пропускали звук. Он оказался прав — Наири сидела на полу, закрыв рот ладонью.

— Пайлин, никого не впускай!

Анну трясло. Тапар усадил её в кресло, укутал плечи накидкой.

— Сейчас, сейчас...

Притертая пробка пузырька открылась с легким звуком, по комнате поплыл травяной запах.

Несколько капель ромашкового масла на пальцы, и легкий массаж висков привел Анну в чувство.

— Полегче?

Маг умоляюще смотрел снизу вверх.

— Мммм...

— Поплачьте?

Горло сдавила судорога, так что вздох получился прерывистый.

— Наревелась уже. Тапар, ты... можешь оставить меня одну? Мне надо в себя прийти.

— Да-да, — засуетился маг, — но я буду сразу за дверью. Если почувствуете себя плохо...

Плохо... Анна сомневалась, что теперь когда-нибудь будет по-другому. Свой мир она потеряла безвозвратно, и вряд ли отыщет дорогу обратно. Доверилась соблазнительному голосу, на миг поверив в чудо, а предатель заманил — и бросил. Все чужое... Нет, чуждое. И то, что требуют от неё... Эйр нарушил слово, разорвал клятвы. Кроме того, собственное тело предало её! Анна хорошо помнила, как плавилась под умелыми руками, как кричала в исступлении, как боялась, что прервется сладкая пытка...

На туалетном столике мерцали хрустальные флаконы. Анна перебрала их все. Не то. Провела пальцем по зубцам черепаховой расчески. Мастер хорошо обточил каждый, закруглив кончики. В шкатулках нашлось подходящее украшение — шпилька для волос. В меру острая и тонкая.

В ванной безошибочно нашла чашу с горячей водой. Платье сначала облепило колени, а потом пузырем вздулось на поверхности. Анна обмяла ткань и задумалась.

Куда ударить, она знала хорошо. Но... хватит ли сил и решимости пробить мышцы? Оставались вены. Под красной, распаренной кожей вились тонкие голубоватые жилки. Провести вдоль сосуда, вспарывая хрупкую стенку... Горячая вода поможет. Немного подождать, и...

Что-то с силой вывернуло кисть, выдирая шпильку. Мужские руки обхватили да талию, выхватывая из уютных объятий воды.

— Сумасшедшая!

Тапар бегом перенес Анну в спальню. Накинул полотенце, принялся растирать... Одежда мешала. Но когда он попытался её снять, женщина превратилась в демона. Такого отпора маг за всю свою жизнь не получал. Она царапалась, кусалась, била руками и ногами, и ей было безразлично, куда попадает... И все это — в полной тишине. Только дыхание хрипло вырывалось сквозь крепко сжатые зубы.

От пощечины голова женщины дернулась. И снова. На щеках отпечатались след ладони. Но безумие исчезло из глаз. Анна очнулась и, поняв, что сейчас угрозы нет, горько заплакала.

И снова Тапар прижал её к себе, успокаивал, гладил по плечам и спине. Но в этот раз между ними не было ни капли магии. Дождавшись, когда рыдания слегка стихнут, Тапар тихо спросил:

— Совсем плохо?

Анна закивала, не отрывая лица от его груди.

— Ничего. Что-нибудь придумаем. Но вы должны взять себя в руки, Наири.

Она подняла голову. Нос покраснел и распух, веки отекали, на щеках блестели дорожки от слез... Тапар осторожно промокнул их платком:

— Я обязательно что-нибудь придумаю. Ты мне веришь?

Вкрадчивый голос и переход на "ты" превратил вопрос в интимный. Анна всхлипнула в последний раз и постаралась взять себя в руки:

— Нет.

Тапар чуть отодвинулся, создавая комфортное для человека расстояние.

— Жаль. Но я понимаю. И не обижаюсь. Тебе сейчас сложно поверить кому-либо.

— Я даже себе не верю.

Даже в этом ей теперь было отказано. В последних каплях гордости...

Тапар вздохнул:

— Напрасно. Себе надо верить всегда, при любых обстоятельствах. Тогда справишься с любой проблемой. Постепенно, но справишься.

Анна задумчиво посмотрела на мага и встала. Тот протестующе вскрикнул, увидев, куда она направилась.

— Я всего лишь умыться. Сейчас вернусь.

Анна сдержала слово — плеснула в лицо несколько пригоршней холодной воды, смывая остатки слез, глубоко вздохнула и, почувствовав, что может мыслить здраво, вернулась.

— Говоришь, не все потеряно?

— Мы живы, значит...

— Мы?

— Анна, я рядом с тобой с момента твоего прихода в этот мир. И успел привязаться. Бесспорно, Наири нужна стране. Но ты-то тут при чем? Эстрайя не твоя Родина, и платить такую цену за чужое государство... А еще... мне стыдно. Тебя ведь сюда обманом затащили?

— Может быть, — сдержанно ответила Анна. — И что ты предлагаешь?

Тапар подозрительно огляделся и одними губами произнес:

— Бежать.

Бровь Анны поползла вверх. Но женщина удержала вопросы при себе — открытая со всех сторон спальня на самом деле казалась неподходящим местом для заговоров. Ажурные двери, запахнутые окна, слуги, прислушивающиеся к каждому шороху...

— Хотите прогуляться, Наири? Вам нужно успокоиться и прийти в себя, — понял её замешательство Тапар.

— Хорошая идея. Только переоденусь. О нет! Не зови их, я сама!

Маг осторожно отставил в сторону колокольчик и вышел.

Пайлин, как ни прислушивался, самую важную часть беседы пропустил. Тапар умело использовал остатки своей магии. И теперь отвел товарища в сторону:

— Наири хочет прогуляться. Но ей нужен покой. Проследи, чтобы в саду никого не было.

— Даже охраны? Правила...

— Сейчас куда опаснее вызвать еще один срыв. Тем более, я буду рядом с ней. Ну, и держи своих людей наготове, я позову, если понадобится.

Они медленно шли по мощеной тропинке. Оба молчали: Тапар ждал, Анна собиралась с мыслями. Наконец, она решилась:

— Ты говорил, что есть возможность вернуться домой...

— Не совсем так. Чтобы открыть переход, нужно точно вычислить дату.

— Сколько понадобится времени?

— Немного. Но искомый день может наступить не скоро. Нас же поджимает время — Его Величество дал срок только до переезда в Храм Снегов. Вместе с подготовкой на все про все две-две с половиной недели.

— И что же делать?

— Бежать из страны. Спрятаться так, чтобы не нашли, и ждать.

Анна промолчала. У беседки, увитой клематисом, сорвала цветок, повертела его в руках и повернулась к магу:

— И кому я там нужна?

— Саритам.

Шок лишил дара речи. Но Тапар торопливо продолжил:

— Тише! Они не чудовища, какими их здесь представляют. И потом, им не обязательно знать, кто скрывается на их землях.

— Но ведь они пытались меня убить... И уничтожили весь род прошлой Наири. Во всем, что случилось со мной, виноваты эти демоны!

— Не буду спорить.

Тапар склонил голову, потом хитро улыбнулся:

— Но согласись, скрыться от преследователей в самом сердце змеюшника... кто там тебя искать будет?

Обижать мага отказом не хотелось. Да и захлопывать дверь к последней надежде на спасение казалось неправильным. И Анна кивнула:

— Я... подумаю.

Багровый цветок полетел на тропинку. Тапар заторопился за Наири — оставлять её одну не стоило.

Следующие несколько дней Анна замкнулась в себе. Двигалась, ела, спала, но все — молча. Тапар видел, с каким напряжением ей давалось это спокойствие. Волновался. И не он один. Пайлин тоже с тревогой посматривал на Наири.

— Может, представление устроить? Как бы снова беда не приключилась.

— Давай попробуем. Отвлечь её надо.

— Тогда, огненный театр?

— Но сейчас же не Праздник Четвертого Духа.

— Ну и что? Если для развлечения Наири нужно в один день все четыре Представления устроить, я готов. Конечно, командир бы получше что придумал...

— Эйра здесь нет! — Тапар раздраженно махнул рукой. — Театр, так театр. Давай послезавтра.

Анну подготовка к действию оставила равнодушной. Но в назначенное время она явилась к главному зданию Храма.

Для неё на невысоком помосте установили широкое кресло. Опахалоносцы замерли справа и слева, но Анна даже не взглянула на их совершенные тела. Юноша с зонтом расположился чуть поодаль, но так, чтобы быть на виду у Наири. Красивый, несколько женственный мальчик. Анна скользнула взглядом по гибкому телу и повернулась к площадке. Там уже закончили приготовления и ждали только знака начинать.

К темнеющему небу взвились четыре огненных столба. Пламя гудело, чуть покачиваясь, но скоро этот звук заглушил мерный стук барабанов.

"Тук. Тук. Тук" — гигантское сердце бьется ровно, его не волнуют заботы простых смертных. Но что-то происходит, и удары становятся чуть быстрее. Совсем капельку, и этого хватает, чтобы настроение сменилось.

Гудящие столбы выбрасывают толстые протуберанцы. Пламя трепещет на них осенним багрянцем. А между пылающих деревьев показались танцовщицы.

Нагие девушки, прикрытые лишь желто-оранжевыми покрывалами, скользят, изгибаются, взмывают ввысь в стремительных прыжках. Шелк трепещет в их руках,

обнимает гибкие тела, и Анна не сразу замечает, что вместо ткани — живое пламя.

К барабану присоединяются тамтамы, и голоса флейт прорезают ночное небо. Подстраиваясь под мелодию, огненные деревья меняют цвет от почти белого до багрового и обратно, пульсируют в такт. Скорость все увеличивается, и танцовщицы сплетаются с огнем в невероятной феерии так, что зрители забывают дышать. Их движения полны той грации, что заставляет мужчин сходить с ума, забывать обо всем, лишь бы не гасло пламя, разгорающееся в паху...

Вскоре к девушкам присоединяются юноши. Их тела блестят от душистого масла, и блики огня танцуют по обнаженным телам. И они совсем не скрывают своего возбуждения.

Пламенный шелк вьется между двигающимися телами, но вскоре опадает, открывая безумный танец любви. Юноши и девушки сплетаются в объятиях, и их движения подчиняются строгому ритму большого барабана.

"Тук. Тук. Тук." Звук усиливается, заглушая мелких собратьев. Едва слышно флейты тянут последние ноты, и тамтамы затихают, отступая в тень.

"Тук. Тук. Тук." Движения танцующих замедляются, они словно не с огнем в дикой пляске кружились, а пробирались в толще воды, и пламя в их почти гаснет.

"Тук. Тук. Ту..." Гигантское сердце замолчало, и с последним ударом площадь погрузилась во мрак.

В наступившей тишине слышны стоны наслаждения, и доносятся они не только с площадки. Кто-то из зрителей, не выдержав зрелища, поддался общему порыву, и страсть витала в воздухе.

Почти сразу запылали факелы, разгоняя тьму. Тапар и Пайлин глаз не сводили с Анны, а та сидела, погруженная в свои мысли. Слово и не заметила перепада освещения. Потом встала, потянулась совсем по-кошачьи, и отправилась к себе.

Утром Тапар решил на очередной разговор.

— Наири, срок подходит к концу.

— Я знаю.

— Чем больше вы думаете, тем меньше времени остается для подготовки. Одно ваше слово — и я все сделаю. Через несколько дней мы будем далеко отсюда, ни один рораг не найдет. По крайней мере, — Тапар осторожно коснулся пальцем Аниного запястья, — всегда останется последний выход. Вы ведь не оставили эту идею, я вижу.

Анна на мгновение прикрыла глаза, глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду, и выдохнула:

— Хорошо.

— Тогда будьте готовы — мы уйдем при первой возможности.

Два дня Анна провела, как на иголках — каждый раз, видя целителя, взглядом спрашивала о результатах. Но, хотя отпущенное время подходило к концу, указаний от него не было.

Утром третьего дня, дежурно осмотрев Анну, он велел окружающим:

— Госпоже необходимо развеяться.

Пайлин попробовал отговорить его: выезд Наири за пределы дворца не происходит вот так, без предупреждения. Да и слишком опасно...

— Хуже, если она затоскует. У тебя есть еще одно воплощение Богини-Матери?

И телохранитель отступил.

Перебросить дополнительных рорагов из королевского дворца не успевали. Пайлин с

горечью осмотрел своих подчиненных. Мало. Слуги, конечно, жизнь отдадут за госпожу, да и горничные умеют драться... Но подготовленный враг сомнет их моментально.

Тапар продолжал настаивать:

— Не переживай. Все будет хорошо. Доберемся до озера, погуляет Наири пару часов, на лодке покатается, пообедает на природе — и обратно. Ну, скажи, что может случиться? Мы же даже от столицы не отдаляемся!

Телохранитель с сомнением покачал головой:

— Тапар, ты, конечно, хороший целитель, но стратег из тебя никудышный. Засада...

— Чтобы её организовать, нужно знать время и место. Думаешь, саритам оно известно? Ну, только если ты или я кому-то не проболтались. Ты же молчал?

Пайлин только рукой махнул:

— Собирайтесь!

И только, когда маленький караван был готов, сообщил:

— Возле Озера Серой Цапли почти никого нет — это заповедное место. Готовы?

Анна вопросительно уставилась на идущего рядом Тапара. Тот улыбнулся:

— Ну, вы же хотели прогуляться, госпожа.

Высокие ивы смотрелись в озерное зеркало. Дальний берег зарос камышом и рогозом, и время от времени видны были бродящие по мелководью цапли. Для Анны раскинули небольшой шатер, подхватив боковые стенки вышитыми лентами. Разложенные на ворсистом ковре разноцветные подушки, ароматические палочки, высокие вазы придавали уют этому подобию жилища.

— А... я могу побыть одна?

Анна оглядела вооруженных инкубов, которые кольцом окружили бивак.

— Нет, Наири.

— Но... тогда какой смысл в поездке? — она расстроилась. Глядя, как заблестели в её глазах слезы, Пайлин сам готов был разрыдаться. Проводя рядом с Анной день за днем, он видел, как тяжело дается ей жизнь в Храме. Но она старалась. И в последнее время почти не доставляла хлопот.

— А может... я с госпожой прогуляюсь? Недалеко. Да вот, хоть до берега только, — поспешил разрядить обстановку Тапар.

Пайлин отступил в сторону, освобождая дорогу.

Тапар галантно отвел тонкие ивовые ветки, открывая Анне доступ к воде. Они тихо качнулись за спиной, серебристо-зеленым занавесом отделяя от свиты.

— Осторожно!

Прямо у ног перекрещивались процарапанные во влажной земле линии.

— Прошу!

Аккуратно, стараясь не наступать на черточки, Анна встала в центр рисунка. Тапар замер рядом:

— Прошу прощения. Потерпите мою близость? Недолго. Совсем чуть-чуть...

Сильные руки обхватили за талию, прижали к широкой мужской груди.

Целитель пах ветром и немного — дымом. Анна закрыла глаза, уткнувшись лбом в ткань форменной рубашки.

Вспышка ослепила даже сквозь веки. Закружилась голова и в нос пахнуло гарью.

— Прибыли.

Анна открыла глаза.

Простая комната. Стол, стул и... демон.

Сарит в боевой ипостаси смотрел на неё с любопытством.

— Это и есть ваша Лилит? Всего-то?

Анну покорило от такого заявления. Она даже не нашла, что ответить, и просто устало опустила на стул.

— И что дальше?

— А ничего, — пожал плечами Тапар. — Поживете здесь какое-то время. Да не беспокойтесь, никто вас тут не тронет... Наири.

Титул прозвучал насмешкой. И поведение целителя резко изменилось. Он даже об обычной, человеческой вежливости забыл.

— Тапар? А... домой когда?

— Потом. Как-нибудь. Сейчас отдохните. Теперь за вас Ларрик отвечает. Все вопросы — к нему.

Спрашивать о чем-либо ухмылявшегося во всю зубастую пасть сарита не хотелось. Решив быть осторожной, Анна послушно пошла за ним по длинному, залитому светом коридору. Сомнения в правильности выбора начали скрестись где-то в глубине души. Она тут же заглушила неприятные ощущения — что бы ни случилось, у неё всегда есть выход. Пусть и единственный, и очень страшный. Но возвращаться к инкубам нельзя. Что ждет её в той золотой клетке?

Чтобы отвлечься, Анна присмотрелась к светящимся шарам под потолком:

— А говорили, в этом мире нет электричества. Врали?

— Это магия. Но у инкубов такого не водится — у них прана почти закончилась. А Наири, которая могла её запасы пополнить — сбежала. Не стыдно?

— Ничуть. Они врали мне.

— А, ну да. Как же ты выжила, такая правдолюбка? Ну, заходи!

Стандартная комната. Стол, мягкий стул, шкаф, кровать. Окно, скрытое занавеской. Крашеная дверь.

— Располагайся. Если что-то будет нужно — скажешь. Обед я чуть позже принесу.

Впервые за много дней Анна осталась в одиночестве. Для начала распахнула занавески, в надежде впустить в комнату солнце. Увы — крашеная ткань скрывала имитацию окна. Стекло с красивой, объемной картинкой за ним. Залитый светом лес. Мастерская работа, но Анна задернула занавеску обратно.

И огляделась.

На столе стояли кувшин с прозрачной жидкостью и плетеная корзинка с крупным виноградом. Анна оторвала ягоду от кисти. Она взорвалась во рту сладким соком, захотелось пить. стакан воды спас, но хотелось чаю.

Дверь скрывала санузел. Стульчак с дырой. Таз со сливом и простым краном над ним. Тонкая струйка холодной воды ударила о жестяное дно. Интересно, для постройки канализации демоны тоже магию применили? Осмотревшись, Анна вернулась в комнату.

В шкафу нашлась смена одежды: хлопковое белье, что-то, похожее на длинную футболку и теплый халат. Негусто, но после роскоши дворца так приятно оказалось вернуться в простую ткань, не стесняющую движений. А главное — натянуть трусики! Пусть они и великоваты.

Вошедший Ларрик равнодушно скользнул взглядом по Анне:

— Чего подскочила? Вот, поешь. Голодная небось, после перехода?

Металлический поднос в руках сарита казался игрушечным. Но на столе стало понятно — он довольно большой. Как и тарелки, прикрытые салфетками. Анна сняла их.

В первой тарелке плескалось бордовое варево. Во второй грудой возвышались крупные куски зелени и помидорки-черри. В кувшине, судя по запаху, была вода.

— Ешь, не бойся, травить тебя незачем.

— А... что это? — Анна принялась к вареву.

— Свекольная похлебка. С мясом.

Цвет казался странным. Но запах говорил, что все в порядке. Анна зачерпнула и осторожно попробовала. Ложка полетела обратно в тарелку, и Ларррик с удивлением смотрел, как его подопечная судорожно хватается воду и глотает, стакан за стаканом.

— Горячо?

— Ох... — Анна отдышалась. — Там что, один перец?

— Остро? — сарит подхватил ложку. — Да нет. Все в порядке.

— Кажется, у нас разные вкусовые пристрастия. От этого озвереет даже мексиканец, не то, что я. А во все блюда перца сыпанули?

— Нет. Только в похлебку.

— Надеюсь, я хоть что-то смогу съесть.

Салат был вкусным. Пока Анна не раскусила помидорку. На языке словно взорвался вулкан, заливая рот лавой.

Снова вода. Кувшин почти опустел, но губы ощутимо жгло.

— Что это? Я думала, помидор...

— Он самый, да. Только сорт специальный. Острый.

Анна вздохнула.

— Значит, выбор у меня невелик: умереть или от голода, или от проблем с ЖКТ.

— Зачем же умирать? Можно ведь просто есть неострую пищу?

— А вы мне её принесете?

— Конечно! Ты мясо любишь?

— Люблю. Только не сырое.

— Хорошей прожарки, с горчишкой...

— О нет! Ничего острого, прошу вас. Но если это необходимо — можно перец и горчицу отдельно приносить? Я сама добавлю, сколько нужно...

— Как скажешь. Еще чего-то хочешь?

— Чай. Сладкий. Есть?

— Найдем. Ладно, отдыхай. Я попозже зайду.

— Подождите... Можно повидаться с Тапаром? Мне нужно с ним поговорить.

— Ну... — Ларррик замялся. — Твой маг уехал. Но как вернется — я ему передам.

— Надолго? — сообщение неприятно удивило.

— Кто его знает. Он не сказал. Я пойду.

— Подождите...

Сарит задержался на пороге.

— А вы в таком виде — чтобы меня напугать да?

— В каком?

Ларррик оглядел себя.

— Боевая ипостась.

— А, вот ты о чем. Нет. Это мое нормальное состояние. Я, конечно, могу под человека

подделаться, но зачем? Или с инкубами меня сравнила? С этими...

И Ларррик хлопнул дверью.

Анна долго смотрела ему в след. О том, что демоны враждуют, она знала. Но... похоже, существенную часть от неё скрыли. Почему сариты инкубов... презирают? Или это личное отношение Ларрика?

Решив не ломать голову, а просто снова вызвать тюремщика на разговор, Анна залезла под одеяло. После перехода изрядно штормило и хотелось спать. А тут еще этот перец...

Разбудил Ларррик. Судя по всему, обида не прошла, но еду он принес пресную. Даже без соли. Анна съела все. Тут, в неизвестном мире, ей нужны были союзники.

— Извините. За инкубов. Я не знала, что это оскорбление.

— Да куда тебе. Ты же кроме этих своих... инкубов и не видела настоящих демонов.

— А что такое... настоящие демоны? Как же я узнаю, если сижу тут, в четырех стенах.

— И будешь сидеть, коли жить хочешь.

— А... как долго? Тапар обещал меня домой отправить...

— Ну, раз обещал, значит, отправит...

Ларррик отвечал неохотно. Забрал посуду и ушел. Анна задумалась.

Целитель куда-то исчез. Ее саму заперли в комнате без окна... Еду приносит демон в боевой ипостаси, и утверждает, что всегда так выглядит. Но... как может она быть уверена в его правдивости? Перекинувшийся инкуб похож на сарита. Комната могла находиться где-нибудь в Эстрайе. Единственное — магические светильники. Таких она в Храме не видела, но сил магов-полукровок должно было хватить, чтобы пустить пыль в глаза.

Выход оставался один — разговорить охранника. И ждать. Если это политические забавы противоборствующих партий — ей скоро сообщат.

Через неделю Анна готова была по потолку бегать. Ларррик замкнулся, односложно отвечая на любые вопросы. О Тапаре вообще молчал.

— И что дальше? Долго мне еще ждать?

— Не знаю. Как велят.

— Кто?

Сарит пожал плечами и направился к двери.

— Подожди. Расскажите хоть что-нибудь! Иначе я с глузду съеду в этой одиночке.

— А что рассказать?

— Ну, например... о саритах.

— Не умею я сказки сказывать, — демон помолчал, раздумывая, а потом с гордостью сообщил: — Мы — первенцы Лилит!

Анна сдержала ухмылку. Где-то она слышала подобное.

— Так Лилит — на самом деле ваша Праматерь?

— Да, создала этот мир. У неё было много детей... Но почему-то последыши решили, что именно они — старшие, и могут диктовать условия остальным.

— Вы про инкубов? — начала догадываться Анна.

— Про них. Пора поставить на место этих зарвавшихся шакалов. Даже облик свой удержать не могут, в человеческий скатываются. А все туда же — о господстве над миром мечтают. Хотя чего это я... Твой полукровка вернется, он лучше расскажет. А пока — жди.

Анна упала обратно на стул. А войны-то, оказывается, не за территорию. За религию они воюют. И это куда страшнее.

Дни низались на нить однообразия. Ларррик приходил и уходил, иногда выдавал

крупницы информации. Анна старалась сложить их в общую картину, но пазл не сходился — слишком много пробелов оставалось.

Наконец, явился Тапар.

Она обрадовалась ему, как родному. А целитель вошел в комнату, огляделся и похозяйски расположился на единственном стуле. Анна смолчала. Не до правил приличия сейчас.

— Вы уезжали? — вежливо поинтересовалась она.

— Да, были кое-какие дела. Ларррик сказал, ему надоело твое жужжание. Тапар да Тапар. Что-то хотела?

— Вы обещали вернуть меня домой.

— Да? — удивился маг. — Разве? Ну, может быть. Но планы изменились. Ты останешься здесь.

— По... почему?

Кровать, на которой Анна сидела, вдруг показалась такой жесткой! И свет — ослепляюще ярким.

— Потому что инкубы снова тебя найдут. А в наши планы подобное не входит.

— В... ваши?

Подозрение насчет политических игр воспрянуло духом.

— Саритов и... мои.

— Но вы же инкуб!

— Наполовину. И я гораздо могущественнее их. Моему... — Тапар ухмыльнулся, — господину, чтобы остаться магом, необходима прана. Мне — нет. Я сам создаю её для себя. Король, если хочет получить потомство, снова должен черпать прану... Я — нет. Правда, считается, что такие, как я, бесплодны. Но отсутствие потомства — небольшая плата за могущество. И мне интересно, по какому праву инкубы, столь зависящие о людей, считают себя достойнее остальных? Выше тех, кто может в порошок стереть их одним пальцем!

На взгляд Анны, Тапар слишком раззадорился. Слово обиды выплескивал. И лукавил.

— Ну, если бы мог что-то сделать — уже сделал бы, не так ли?

Она перешла на "ты" и понаблюдала за собеседником. Тапар хмыкнул, остался расслабленно сидеть, но прикрыл нижнюю часть лица рукой.

— Тапар, я понимаю, у вас там какие-то свои игры. Проблема в том, что я не желаю быть в них безвольной пешкой.

— Думаешь, от тебя что-то зависит?

— Не знаю. Видишь ли, у меня тоже нет пылкой любви к инкубам. Возможно, вместе мы будем действовать эффективнее?

Тапар какое-то время разглядывал Анну, словно редкое насекомое. И захохотал.

— Людской род — это нечто. Скажи, что ты можешь сделать?

— Зависит от конечной цели. Я же её не знаю.

— Ну, положим, стереть саму память об инкубах. Как тебе?

— У меня слишком мало информации о местных нравах.

— О, уничтожение целого народа не кажется тебе отвратительным?

— Кажется. Но... они чужие. И чуждые. Меня обманули, использовали. Инкубы мне слишком много должны, чтобы я об этике задумывалась.

— О как! — Тапар встал. — Сиди уж тут, убогая. Ты вообще знаешь про этот мир? Чем живут сариты, о чем мечтают?

— Ну так расскажи!

— Потом. Если понадобится. А пока радуйся, что ты тут, в безопасности. И... ты ведь не поверила в уничтожение инкубов? А зря.

Нервы сдали. Анна запустила в Тапара подушкой. Она хлопнулась о закрытую дверь — целитель успел скрыться.

— Ну хоть книжки какие дайте! Я же с ума сойду.

Дверь приоткрылась. В щели показалось ухмыляющееся лицо Тапара:

— Читать научилась?

— Картинки смотреть буду!

Смешок и... снова одиночество.

Маг потер ладонями шею. Разговор с Наири дался тяжело, начинала болеть голова.

— Ларррик, а ведь она права. Свихнется — мало нам не покажется. Развлеки её. Действительно, книжек с картинками принеси, что ли... И об инкубах поменьше болтай.

В следующий визит сарит обрадовал Анну стопкой книг. Она осторожно открыла верхний том.

Рисунки. На каждой странице.

— Ты же по-нашему не понимаешь. Смотри тогда картинки.

— Ларррик, а ты читать умеешь? — решение пришло неожиданно.

— Любой уважающий себя сарит может. А еще — стихи слагать. Или рисовать. А что?

— Ну... я так понимаю, меня сюда надолго посадили. Гулять нельзя... Даже что тут написано, — Анна хлопнула ладонью по странице — мне непонятно.

— Я не нянька, книжки тебе читать!

— А и не нужно! Ты меня научи! Тогда вообще никаких проблем не будет. Что человеку для счастья надо? Вкусная еда, покой, и много-много книжек...

— Еще — секс.

Анна засмеялась:

— Звучит издевательски. Правда, тут уж камень не в мой огород.

— Про чтение нужно у Тапара спросить.

— Но книги-то он принести разрешил, так? И, наверное, ему надо, чтобы я вела себя тихо. Я только что подсказала тебе, как это устроить.

Ларрик перевел взгляд с Анны на книги и обратно.

— Точно неприятностей не будет?

— Точно-точно! — Анна умоляюще сложила ладони.

Кроме изучения языка заняться было нечем. Ларррик оказался хорошим учителем — терпеливым. И уже через пару недель Анна начала понимать простые предложения. Если сарит говорил медленно и внятно.

— А у инкубов другой язык?

— Да. Но учить не буду. И вообще, хватит о них.

— Хорошо.

Анна делала все, чтобы её надзиратель остался доволен. Сидеть в четырех стенах невыносимо, а уж в одиночестве...

Самодельный словарь рос. Появились первые прочитанные книжки. Детские, с крупными значками букв. Параллельно возникали вопросы. Кто такие усси? И почему в поговорках и потешках часто упоминаются призраки? Ларррик только стонал:

— Научил на свою голову!

Но объяснял.

Постепенно вырисовывалась картина. Оказалось, живут здесь так же, как и у Анны дома. Рождаются, растут, создают семьи, умирают. Любимых — защищают, из-за измен — страдают. Но и отличий оказалось немало. Скрывались они в мелочах. В мире демонов царила магия, и технический прогресс застыл на уровне средневековья. Во-первых, зачем изобретать машины, если можно наколдовать, а, во-вторых... Сам мир отвергал технику, даже оружие остановилось на уровне кремниевого ружья. Но и их мало использовали — ненадежные. Не взорвется порох — так пули мимо цели полетят.

Потом, капля за каплей, Анна выяснила отношения саритов и инкубов.

Демоны страсти возмнили себя старшими детьми Лилит и провозгласили Наири её основным воплощением. Это не понравилось остальным. Каждый народ имел свое мнение на этот счет, и, разумеется, считал его единственно правильным.

Без геополитики не обошлось. Инкубов на самом деле теснили с их земель. Большие пространства с тучными пашнями и густыми лесами вызывали зависть. Однако, сариты считали, что просто восстанавливают справедливость, и возвращают свое. Ну, и наказывают "младших" за кощунство. Это поведал Анне явившийся Тапар:

— Инкубы с ума сошли — объявлять воплощением Праматери человека! Посмотри на себя: слабое существо, подверженное порокам. И вот тебе они заставили поклоняться свой народ!

— "Они"? Разве ты — не инкуб?

— Наполовину, моя дорогая Наири, только наполовину.

— Зато вторая половина — человеческая. Ты — потомок тех самых презираемых тобою людей!

— О! А тебе палец в рот не клади. Признаю — это так. Но этот симбиоз позволил мне стать по-настоящему сильным. Человеческое несовершенство обошло меня стороной, и я получил все могущество инкуба, не нуждаясь в пране. За нами, полукровками — будущее!

— А потом? Вы же бесплодны.

— Верно. Но эту проблему мы решим. А если и нет... как там в вашем мире говорят? "После нас — хоть потоп"?

— Хорошо. Я уже говорила — не имею ничего против. Так почему же меня держат взаперти? Хотя бы раз в день можно выходить? Или жить в комнате с окном. Я могу заболеть без солнечного света.

— Ларррик не позволит заболеть. Да и я присмотрю. А что касается прогулок... Думаешь, тебя просто так в подземелье держат? И сариты такие милые существа?

— Вовсе нет, насколько я смогла понять из книг. Но я не всегда могу прочесть верно, а Ларррик отказывается переводить. Может, ты подсобишь? Меня интересуют отношения саритов с людьми.

— Скорее, с их душами. Живые люди демонам не интересны. Свои разлагающиеся тела оставьте себе. Другое дело души. Яркие, горячие...

— И, как мне говорили, очень вкусные.

Анна порывисто обернулась на знакомый голос. В комнату вошла женщина, полностью завернутая в плащ. Лицо скрывалось в тени большого капюшона, и Анна засомневалась в том, что узнала правильно: та суккуб не хромала.

Тапар тут же вскочил со стула:

— Зачем ты пришла?

— Посмотреть.

Посетительница откинула капюшон, и лишь врачебный опыт позволил Анне не потерять самообладания: вместо Лаир на неё смотрел ночной кошмар.

Кожа осталась невредимой только вокруг глаз. Остальное лицо превратилось в грубый, плохо заживший ожог. Шрамы рассекали щеки от уголков рта до скул, и толстые штрихи швов делили их на отрезки.

Поредевшие волосы не скрывали отсутствия ушей. А когда Лаир сняла перчатки, оказалось, что и пальцев — только половина.

— Любуешься? Видишь, какой мастер твой дружок — знает, как правильно.

— Это... Эйр?

Тапар, убедившись, что женщины не собираются вцепляться друг другу в волосы, быстро собрался:

— Ну, вы тут побеседуйте. Все развлечение будет нашей пленнице. Но, Лаир...

Она ответила на предупреждающий взгляд оскалом. А может, просто улыбнулась. Обезображенное лицо превратилось в свирепую маску, и Анна оперлась о стол.

— За что?

— О, ты еще спрашиваешь?

Лаир скинула плащ, оглядела комнату и удобно устроилась на кровати, смяв подушку.

— Думаешь, он забудет, как я пыталась прикончить его бесценную Наири? А он очень хороший палач — даже я, суккуб, не смогла до конца залечить раны.

— Значит, было еще хуже?

— Хотелось бы полюбоваться на меня там, в подвале королевского дворца? Поздно теперь. Но вот с тобой я поквитаюсь!

— Лаир, — Стул скрипнул, когда Анна присела. — Что я тебе сделала? Чем обидела, раз ты на меня с ножом кинулась?

— Сама не понимаешь? Нет? Я же рассказывала тебе о своей мечте! Тогда ничего в голове не щелкнуло? Мои надежды рассыпались прахом в тот миг, как тебя нашли. Все желания, планы... Кому какое дело, что дочь незнатного купца может родить нескольких детей, если праны достаточно для всех? Теперь и князь, и простой дворянин предпочтут жениться на ровне.

— Только поэтому? — Анна не верила услышанному.

— Зачем ты мне еще сдалась? — хмыкнула суккуб. — Но, как бы то ни было, отвечать за все придется тебе.

Обрубок пальца коснулся обезображенной щеки.

— Изуродуешь? — тихо спросила Анна.

— Зачем? Просто буду наблюдать, как ты сидишь тут, в полном одиночестве, в окружении демонов и стареешь. Ты молода, до смерти еще ни одно десятилетие протянешь, уж Тапар постарается.

— Для чего? Это же так сложно. Проще меня на тот свет отправить.

— Э неет. Во-первых, инкубы все же провели ритуал. Убить воплощение Лилит не так уж и легко.

— А Ларррик говорил, что это чушь.

— Ларрик — сарит. У него несколько другая вера.

— А ты, стало быть, веришь.

— Представь себе. Но у тебя не выйдет сыграть на этом. Между Праматерью и её воплощением — пропасть. Ты — всего лишь человек, которого она одарила мимолетным взглядом. Вполне достаточно, чтобы её народ оказался обеспечен необходимой праной. Иначе, для чего нам такие сложности? Дворцы тебе возводить, поклоняться...

Анна затаила дыхание. Лаир уже не сидела, а нарезала по комнате круги. В таком возбужденном состоянии она могла сболтнуть лишнего.

— А ты и рада... Как дойная корова. Ту тоже — кормят, поят, к быку водят... Чтобы молоко было.

Анна промолчала. Сравнение поражало своей точностью.

— Договор — есть договор. Наш народ не может его нарушить. Но если умрешь — двору придется искать другую Наири, а найти новую куда легче, чем осколок вымершего рода. Поэтому ты будешь жить, и даже в относительном комфорте. Думаешь, чего с тобой Ларрик возится?

— Я догадывалась, что все сложнее, чем кажется. А если рораги меня найдут? В моем мире сумели...

— Силенок не хватит. Тут везде магические щиты. Только, если сильный выброс праны будет, но тебе на секс наплевать...

Анна улыбнулась. А Лаир вдруг резко остановилась и развернулась к ней лицом:

— Вот тупые сариты! И Тапар тоже — хорош! А ты, — Лаир приблизилась вплотную, так что Анна почувствовала на лице её дыхание, — забудь об этом! У тебя все равно ничего не выйдет!

— Дошло, что я тоже не девочка-цветочек? Но, видишь ли, я хоть и не пылаю к инкубам особой любовью, саритов теперь тоже не жалую. И очень злюсь, когда меня используют вслепую и без моего согласия.

— А инкубы не использовали...

— Использовали. И я им это припомню. Но, в отличие от твоих саритов... они не скрывали, зачем я им нужна.

— И что ты сделаешь? Попытаешься подать им сигнал?

— Возможно. А если провалюсь — развяжу им руки. Они же почувствуют смерть Наири? Верно?

Маска, которую Лаир носила вместо лица, осталась неподвижной, но выражение глаз изменилось.

— Я права? — настойчиво повторила Анна.

— Не будь такой самодовольной! — злое шипение вылетело из безгубой щели, заменяющей рот. — Теперь ты живешь под присмотром! Всегда — и днем, и ночью — рядом будет сарит.

— Плюс еще один шанс, — Анна улыбнулась. — Что, не понимаешь? Да, я человек. Слабый, мягкий... Но очень вредный. Как думаешь, сколько мне времени понадобится, чтобы довести сторожа до белого каления?

— Долго стараться будешь, — хмыкнула Лаир. — Говорила же — убить воплощение Лилит непросто!

— А если я ему помогу?

Суккуб на миг задумалась, потом махнула рукой:

— Пробуй. Все равно ничего не получится. Ты чего радуешься?

Анна погасила улыбку. Кажется, Лаир забыла её профессию. И сколько способов самоубийства знает врач. Даже демон не успеет перебежать с одного конца комнаты на другой, чтобы оказать помощь.

Но суккуб проявила осторожность. Прежде, чем уйти, она остановилась у двери и позвала:

— Ларррик! Тапар! Кто-нибудь? Эту бешеную нельзя одну оставлять!

Дверь распахнулась. За ней стоял Эйр.

Лаир не успела опомниться — через мгновение она уже лежала на полу, и у головы растекалось красное пятно.

— Наири!

Рораг подбежал, готовя приветствие. Анна отмахнулась, её интересовало другое — пульс, зрачок... Глубокая рана в височной области черепа.

— Скажи, признаки смерти суккуба и человека сильно различаются?

— Она мертва, Наири. Поторопитесь, у нас мало времени.

Анна проследила за взглядом рорага. В смежной комнате, неестественно выверну голову, лежал Ларррик.

— О нет!

Она успела привязаться к сариту. Вечера, проведенные в его компании, ненадолго позволяли забыть о плене. Демон всегда заботился об удобствах пленницы, словно был не тюремщиком, а другом.

— Наири, скорее!

— Иди к черту!

Перемазавшись в крови, Анна осмотрела сарита. Руки безвольно упали на колени, но как только Эйр попытался поторопить, она взвилась:

— Вы, сволочи. Кто дал вас право убивать всех неудобных? И Лаир... разве заслуживала... вот этого? Что ты сделал с ней, изверг?

Все намерения, которые она так страстно расписывала Лаир, испарились. Анна понимала, что истерит, что уже поддалась Стокгольскому синдрому... Но остановиться не могла.

— Наири, позже я приму ваш гнев с предельным вниманием и почтением. Но сейчас нужно уходить.

И рораг попытался поднять Анну. Она отбивалась изо всех сил. Ей надоело быть заложницей в играх демонов. Даже смерть казалась желаннее, чем этот переход из рук в руки, от одного враждующего народа к другому.

Но рораг оказался сильнее. Недолго думая, он скрутил ей руки и ноги широким ремнем, а рот заткнул кляпом:

— Вы накажете меня за это позже, когда будете в безопасности. Пока же...

Висеть на его плече вниз головой оказалось неудобным. Тряпка во рту намочила и мешала дышать. Конечности затекли и грозили отвалиться. А еще эполет давил на ребра при каждом шаге.

Впервые Эйр не заботился об её удобствах. Анна ожидала, что отношение изменится, но реальность все же привела в шок. Отросшие волосы лезли в глаза, закрывая обзор. Она видела только пыльный пол длинного коридора. Рораг бежал, петляя, словно уходящий от погони заяц. Остальные прикрывали их отступление.

Стены сужались. Анна старалась уберечь голову от случайных ударов.

Изменилась структура пола. Теперь рорак бежал по камню. Анна с трудом повернула затекшую шею. Они находились в пещере. Тычки стали болезненнее, острые камешки больно впивались в тело сквозь тонкую одежду. Пару раз чиркнули по лицу. Она зашипела от боли, но рорак не обратил внимания. Он видел цель, все остальное было неважно.

Анна обмякла. Кровь прилила к голове, стучала в висках. Пространство вертелось в безумном хороводе. И когда по глазам хлестнул яркий свет, потеряла сознание.

Пришла в себя от бешеной тряски. Нос болел, ударяясь о что-то твердое. Анна скосила глаза — железная пуговица.

Они мчались, сидя верхом, по узкой тропинке. Справа и слева мелькали деревья. Лианы переплетали ровные стволы, тонкие кусты заслонили просветы, превратив лес в непроходимую чащу.

Анна сидела боком. Руки по-прежнему были связаны, но теперь уже — за спиной рорага, не позволяя упасть. Он и сам прижимал её к себе. Так сильно, что болели ребра.

Анна посмотрела через плечо Эйра. Следом, понукая взмыленных лошадей, летели остальные рораги. Анна узнала старых знакомых: Пайлин, телохранители из его отряда... Тропинка за их спинами казалась чистой.

Ехать таким манером оказалось неудобно. Анна постоянно пыталась упасть, и это заставляло Эйра крепче сжимать объятия. Вскоре она дышала совсем, как вороной, на котором они ехали, разве что пену не роняла. Но телохранитель был озабочен одним: удержать Наири в седле

Внезапно он зашипел, словно обжегшись. Тут же двое из свиты придержали коней, развернулись и... поскакали обратно.

Глухой стук копыт сменился звонким стаккато. Анна один раз бросила взгляд на землю и зажмурилась: толстые древесные корни проломили камень, сплетаясь под ногами лошадей в замысловатые узлы.

Теперь она ничего не видела. Только ощущала запах влажной, нагретой на солнце зелени, да слышала, как смешивается дыхание почти загнанных лошадей с равномерным цокотом копыт. Но яснее всего звучал быстрый, ровный стук у самого уха. Это билось под черным мундиром сердце Эйра. Близко-близко. Казалось, прижмись покрепче, и ощутишь щекой частые толчки.

Новый звук, вливший в ставший привычным оркестр, заставил распахнуть глаза. Оглянуться и посмотреть, откуда доносится шум воды, Анна не успела: конь взвился в широком прыжке, и она едва удержала крик, наблюдая, как следовавшие за ними всадники преодолевают пропасть.

Скачка прекратилась. Подбежавшие рораги осторожно развязали путы и сняли Анну с коня. Спешившийся Эйр подхватил её на руки.

Теперь скорость передвижения позволяла осмотреться. Красота окружающего на краткий миг заставила забыть о бедах.

Вокруг вздымались водяные столбы. Анна подняла голову, чтобы увидеть, откуда падают звонкие струи. И замерла в восхищении.

Огромные квадратные желоба, украшенные сверкающей на солнце чеканкой, подхватывали ручьи, сбегаящие по склону величественной горы и провожали их до реки. Широко раскрытые драконьи пасти изрыгали прозрачную воду вниз где, радуясь встрече с потоком, струи рассыпались мириадами капель, и радуга резвилась над поверхностью

невесомой змейкой.

Пропасть, через которую они перескочили, оказалась обломками каменного моста, что соединял берега неширокой реки. Препятствие оказалось не широким, лошади легко его преодолели, и теперь рвались к воде. Но хозяева удерживали их вдали от водопоя, привязав к стволу упавшего дерева, на пяточке без зелени. Чуть дальше гостеприимно распахнул двери маленький храм, защищенный скалой. Из каменного монолита выступали статуи. Раскинув руки, они словно оберегали покой этого места.

Эйр занес Анну внутрь, усадил на ступеньку. И тут же его голова дернулась от хлесткого удара.

Оттолкнув рорага, Анна попыталась вытащить кляп. Челюсти свело, пропитанная слюной тряпка застряла во рту. Помог Эйр. Резко дернул, Анна вскрикнула от боли и снова замахнулась. Рораг легко мог увернуться, но даже не попытался избежать удара.

Говорить Анна не могла, зато у Эйра челюсти работали как надо.

— Еще раз прошу меня простить. Это было необходимо. Позже, когда мы будем дома, я без раздумий отдам свою жизнь, если она сможет искупить мой грех.

— Я это уже слышала. Я слышу это постоянно. Почти каждый день. Но ты ни разу не сдержал слова!

Губы и язык двигались тяжело. Эйр вряд ли понял, потому что спокойно опустился на колени и развязал веревку, стянувшую ноги.

— Сильно болит?

Он снял с Анны обувь и принялся осторожно растирать лодыжки.

Казалось, мелкие иголки впиваются в самые кости. Боль смешалась с обидой, но Анна сдержала слезы и заставила себя сидеть ровно, словно ничего не случилось. Отныне она будет скрывать свои чувства! Слишком больно потом бьют в открытое сердце те, кого считала друзьями.

Крепкие руки разминали мышцы. Каждый пальчик, ступню, щиколотку... Ноги еще казались чужими, но постепенно боль уходила. Иголки сменились теплом. Оно поднималось от лодыжек, вызывая непонятные ощущения. Анна посмотрела вниз, на склоненную голову Эйра.

Его ладони скользили по коже, ныряя под длинную ткань льняной юбки. Но раз за разом словно натыкались на границу, не поднимаясь выше колен.

— Опять? — Анна с трудом удержалась от желания дать инкубу хорошего пинка, чтобы отлетел подальше.

Теперь это было опасно. Отношение к ней изменилось, её не просто проигнорировали — связали и обошлись, как с мешком картошки. Будущее рисовалось в темном свете.

— Вы неправильно поняли. Но если желаете...

Она все же оттолкнула его. Инкуб послушно отступил, встал и замер, как прежде. А Анна решила заняться самолечением.

Подняться оказалось нелегко. Ноги не слушались, голова кружилась. Но Анна отказалась от протянутой руки инкуба. Шаг, другой... Массаж все-таки помог, и до дверей она дошла почти не хромая.

На свежем воздухе стало легче. Но он тут же опьянил ароматами зелени и цветов. Заросли дикого шиповника благоухали, приманивая пчел. Их гудение успокаивало, и Анна поняла, как ей хорошо и спокойно. Впервые за долгое время.

— Чей это храм?

— Никто не знает. Ему много тысяч лет. Все давно забыли, какому Богу он посвящен.

— Хорошо здесь.

— Да, — Эйр тоже наслаждался покоем.

Складки у переносицы почти разгладились, черты лица смягчились. Инкуб стоял, вдыхая ветер, и любовался искристыми брызгами.

— Иногда хочется остаться здесь навечно, но... Находиться в Затерянном Храме дольше отведенного времени запрещено.

— Почему?

Эйр вдруг окаменел. Серьезная маска снова укрыла показавшуюся на миг слабость. Он подал сигнал, и два рорага, вскочив верхом, перемахнули расщелину и скрылись в лесу.

— Что-то случилось?

Перемена в поведении Эйра тревожила.

— Нет, Наири. Просто погоню выслали.

— Думаешь, найдут?

— Уже нашли. Наш след еще не остыл.

— Тогда чего мы ждем?

— Затерянный Храм хорошо охраняет свои тайны. Но одну выдал — раз в сутки здесь можно открыть портал в любую точку этого мира.

— И мы вернемся в Храм Белых Облаков?

— И вы вернетесь в Храм Белых Облаков...

Анну передернуло. Слишком много неприятностей было связано с тем местом. И король... недалеко. Снова стать его игрушкой не хотелось. Возвращаться к саритам — тоже. Лаир и Тапар ловко перевели разговор о человеческих душах в другое русло... Но к этому времени она уже умела читать. Между людьми и саритами стояли только инкубы. Меньшее из зол. Допустить их уничтожение нельзя. Похоже, выбора ей не оставили...

Отвернувшись, Анна всмотрелась в кипящую под ударами водопада реку. Вспомнился Тапар с его уговорами и... "Выход найдется..."

Шаг, другой... Через мгновение она уже бежала к берегу, боясь передумать. Плавала Анна хорошо, но водовороты, рожденные водопадом, давали надежду. Закрутят, завертят, утащат на дно...

Не успела. Эйр оказался быстрее. Перехватил за талию, крепко прижал к себе, словно дикого зверька удерживал.

— Тише, тише! Очнитесь! Наири, зачем?

И, подхватив на руки, унес обратно в Храм. Оставшаяся четверка ророгов тут же заняла место у входа, чтобы не дать Анне покинуть жилище забытого бога.

— Обязательно сидеть в этой грязи?

— Наири, так для вас безопаснее.

— Думаешь?

Она с сомнением осмотрела старые деревянные колонны. С балок свешивались опметки сгнившей ткани. Занавес походил на многовековую паутину, но остатки красителя развеяли последние сомнения.

— Как странно... Здесь пахнет пылью. И тленом. И в то же время — поразительно уютно.

— Это место полно загадок.

Анна медленно обошла зал. Свет водопадами вривался сквозь круглые окна под

потолком. Разбуженные от многолетнего сна пылинки плясали в солнечных лучах. Казалось, они подчиняются какому-то ритму, музыке, не слышной человеку.

Протянутая рука внесла хаос в четкий рисунок танца. Анна отступила, и круговерть восстановилась.

Солнечные круги на полу медленно сдвигались к стенам. В углу, сквозь серое одеяло пыли пробилось слабое свечение. Убедившись, что Эйр его не заметил, Анна осторожно приблизилась.

Паутина, обвившая добычу толстым слоем, шевельнулся от движения воздуха. Блеск стал ярче — укрытый пылью, на полу лежал медальон. Овал из желтого металла, украшенный венком голубых и зеленых камешков.

— Не стоит сильно тревожить это место, Наири. Этому Храму чужда суета.

— Да-да, я поняла.

Анна села прямо на пол. И незаметно подняла находку.

— Тут грязно! — Эйр подошел, чтобы увести её из запыленного угла.

— Зато уютно. И тебя почти не видно.

Рораг помрачнел.

— Если Наири желает, я, по возможности, буду держаться вне поля её зрения.

Пожалуйста, вернитесь к выходу. Сидеть на плаще гораздо удобнее.

— Пойдем. Эй, прекрати! Когда ты за спиной, мне неуютно!

— Зато хотели, чтобы я перестал мозолить вам глаза.

— Знаешь, если я не вижу, какую гадость ты готовишь...

Анна поймала себя на мысли, что снова хамит. А Эйр, как и прежде, оставался предельно вежливым. Почему-то стало стыдно.

— Прости.

— Наири не должна извиняться. Мой долг — следовать её желаниям.

— И готовить корову к случке...

— Что?

— Если корова останется яловой, о молоке хозяева могут забыть. Ты знал об этом?

— К чему такое сравнение?

Чувство вины пропало.

— О! А ты изменился, господин телохранитель. Раньше, когда врал, в лице не менялся.

Теряешь квалификацию?

— Я не...

— Довольно. Долго еще тут сидеть? Я устала.

— Простите. Придется подождать.

— Хватит. Бесит.

Анна отвернулась. Это вечное "Простите". Вроде и извиняется, но так... дежурно. Говорит заученное, соответствующее ситуации. А за словами прячется совсем другое. Что именно, она знать не хотела.

От долгого сидения без дела глаза начали слипаться. Плечи укутал плащ, прогоняя сонливый озноб. Пригревшись, Анна задремала.

Туман, сизый, как табачный дым, вползал в помещение Храма через открытую дверь. Тягучими водопадами стекал по стене сквозь круглые окна. Рораги, стоящие на страже, дремали стоя, привалившись к распахнутым створкам. И даже несгибаемый Эйр заснул, свернувшись клубочком у Аниных ног. Ребро ступеньки врезалось в щеку, но он не замечал. Глазные яблоки под веками двигались быстро-быстро, а из чуть приоткрытых губ вырвались стоны.

Анна испугалась. Она наивно думала, что ничего страшнее уже произошедшего не случится. Но этот непонятный, густой, словно кисель, туман, нагонял страх.

— Эйр! — она потрясла за плечо рорага. — Эйр, проснись. Что происходит?

Ответом стал очередной стон.

Анна бросилась к дверям. Телохранители уже не стояли — лежали. Упали там, где настигло колдовство. Головы мотались, когда она трясла инкубов за плечи, в тщетной попытке разбудить. Дергались от сильных пощечин. Не помогло и растирание ушей.

Сердца бились ровно, как у здоровых, спящих людей. При этом ситуация казалась знакомой до абсурда.

Анна огляделась. К туману, выползающему из реки, добавилась паника. И если первый окутывал тело, то вторая — мозг.

Она бросила инкубов и кинулась к водопаду. Платье оказалось крепким, подол не желал отрываться. Пришлось размахнуть его острым камнем. Треск ткани показался музыкой. И, кажется, напугал туман. Серые клубы качнулись, словно раздумывая — а стоит ли подползать к тому месту? И... поплыли дальше, к храму.

Намочив тряпки, Анна кинулась обратно. Она прикрыла влажной тканью рот себе, и лица спящих у порога телохранителей. Оставался Эйр. Но Храм уже наполнился туманом. Он ворочался, скрывая очертания внутренней обстановке, и уже полностью поглотил беспомощного рорага.

Анна колебалась. Идти в эту жуткую марь казалось нереальным. Но там, в сердце копошащихся клубов остался тот, кого она ненавидела. Тот, кто превратил её судьбу в груды покореженных часов, минут, секунд... Тот, кому Анна обязана жизнью. Тот, кто нуждался в помощи.

Решившись, она сделала шаг. Солнце тут же померкло. Но, словно перенимая от него эстафету, сквозь узкий манжет рукава пробилось свечение. Оно мерцал, как южное море ночью, когда светящийся планктон резвится на гребнях волн, прочерчивая бездонную глубину голубовато-зелеными всполохами.

Зажав тряпку зубами, Анна достала медальон. Камни светились, и едва их коснулись невесомые пальцы тумана, вспыхнули ярким, почти ослепительным светом.

Клубы отступили. Быстро, словно испугавшись. А камешки переливались, заключив Анну в мерцающий кокон, гнали туман прочь, не позволяя подползти ближе, чем на полметра.

Осмелев, Анна вошла в темный, полный теней зал.

Синий свет искажал очертания предметов, но помогал ориентироваться. Туман отступал, нехотя отдавая проглоченное. Вот показалась нога в форменном сапоге, а вскоре и весь инкуб. Анна наклонилась, чтобы прикрыть его лицо мокрой тряпкой — клиника слишком походила на отравление угарным газом. Смущало только отсутствие тахикардии, но подумать об этом можно было позже. Сейчас следовало вытащить Эйра из Храма на свежий воздух — там туман вел себя поскромнее.

Но как только Анна наклонилась поближе, рораг дернулся и открыл глаза. Зрачки пылали красным, и этот огонь казался куда ярче ровного свечения медальона.

Отскочить не получилось — Эйр, как всегда, оказался быстрее. Он схватил Анну за плечи и сильно встряхнул, так, что клацнули зубы...

— Наири, проснитесь, Наири!

Встревоженный голос доносился издалека. Красноглазый Эйр растворился в темноте, но руки с плеч почему-то не убрал. Анна закричала и забилась в жутких путах.

Постепенно мрак рассеялся. Из тьмы выступило освещенное факелами лицо

встревоженного Эйра. Он крепко держал её за плечи и сильно тряс, так, что голова моталась.

Анна взвыла и вслепую двинула ногой. Не промахнулась — инкуб зашипел и разжал руки. Она тут же воспользовалась свободой и постаралась отползти подальше.

— Наири, что случилось?

— Н...не подходи!

Рораг замер.

— Вам приснился кошмар?

Сон? Анна огляделась. Эйр мало походил на чудовище из сна. Да и остальные телохранители стояли неподалеку, словно ничего не произошло. Туман растворился. И платье... Анна ясно помнила, как отрывала подол. Но сейчас оно было целым. Только мятым и грязным.

— Пить...

Эйр подал фляжку. Прохладная вода смочила пересохшее горло. Мысли перестали метаться, как застигнутые врасплох тараканы и граница между кошмаром и явью установилась окончательно.

— Что вам приснилось, Наири? В этом месте ко снам следует относиться со вниманием.

— Уже забыла.

Анна вернула фляжку. Пока телохранитель её убирал, ощупала медальон. Он еще не успел остыть. Вещие сны? Она запомнит.

— Наири, нам пора.

Рораги заводили в зал лошадей. Животные волновались, и инкубам пришлось укутать им головы плащами.

— Приготовьтесь!

По залу, осторожно огибая пламя факелов, летал светлячок. Инкубы, затаив дыхание, наблюдали за его перемещением. Их волнение передалось и Анне. Она не спускала глаз с мерцающей точки. Круг, другой, и крохотный огонек замер в центре пустого пространства. И что-то изменилось. Исчезли все звуки. Даже лошади перестали взволнованно фыркать и переступать по каменным плитам. А главное — смолкло журчание водопадов...

Точка набухла, удлинялась, изгибалась... Огненные линии пронзили пространство легкими штрихами... И через несколько мгновений в воздухе, касаясь пола нижним краем, висела сплетенная из света мандала.

— Внимание! — Эйр начал читать то ли молитву, то ли заклинание.

В такт слогам невидимый каллиграф выводил внутри круга ровные символы. Письмена еще заполняли пустое пространство, когда в дверях послышался шум.

Эйр, взглядываясь в мандалу, махнул рукой. И рораги кинулись навстречу саритам, выигрывая для командира время.

Они не успели трансформироваться и вступили в бой в человеческом облике. Зазвенели, приветствуя друг друга, клинки, и ручейки крови проложили русло между каменных плит.

Эйр закончил бормотать. Теперь по ободу мандалы змеились письмена. Но рораг не пришел на помощь подчиненным. Гортанно вскрикнул и вскочил верхом, срывая с головы вороного плащ. Анна, подхваченная сильными руками, едва успела испугаться, когда конь рванулся сквозь мерцающий круг.

Пайлин и еще двое рорагов последовали за ними. Трое остались прикрывать бегство. Но они не успели заткнуть рот Тапару: маг прорычал несколько слов и письмена, полыхнув

алым, изменили очертания. По другую сторону Ворота беглецов встретили не огни Храма Белых Облаков, а луна, равнодушно взирающая на бесконечно перекатывающиеся барханы. Вершина одного из них служила постаментом сияющей мандале. Затаив дыхание, всадники смотрели, как она постепенно тускнеет. Но прежде, чем линии истончились и окончательно растворились в прохладном воздухе, из круга вырвались четверо. И инкубы кинулись прочь, пытаясь увезти Наири как можно дальше от появившихся саритов.

Крылатые демоны оказались быстрее. И Пайлин отстал, доставая меч. Двое рораго остались с ним, и шум боя разлетелся над пустыней, заставляя ночных животных бежать прочь.

Конь хрипел, и его шкура блестела в свете луны. Эйр, забыв о жалости, вонзал шпоры в бока, и все же сарит оказался быстрее. Не обращая внимания на вцепившегося в спину Пайлина, он взлетел над барханом и атаковал сверху. Но все, что смог — метнуть в Анну дротик. Да еще и Пайлин сумел помешать — падая, полоснул мечом по руке.

Здесь Эйр оказался проворнее. Развернул коня, и острое жало вместо человеческой плоти пронзило тело инкуба. Теряя сознание, он вцепился в луку седла, удерживая свою Наири на спине взбесившейся лошади.

— Скачите прочь, госпожа...

Не свалиться самой, и не позволить упасть Эйру оказалось непосильной задачей. Ноге было не на что опереться, да и для управления нужны два шенкеля. Поэтому, едва проскакав несколько метров, Анна покатила по песку, увлекая за собой инкуба. Сарит, взыв от восторга, кинулся добить.

И напоролся на Пайлина.

Десятник, единственный из оставшихся в живых охранников Наири, тратя последние капли драгоценно оберегаемой праны, перевоплотился в отчаянном прыжке, и два демона покатались с бархана в темноту. Снизу долетали только скрежет костяных пластин, лязг стали, крики и... рев.

А потом пришла тишина. Анна отчаянно прислушивалась, стараясь уловить хоть звук. Он явился тонким шелестом песка. Когтистая лапа вынырнула из темноты провала и потянулась к её ноге.

— Наири...

Последним вздохом Пайлин умолял Анну жить. Спасаться. Бежать. Но она стояла, оглушенная, потрясенная, потерянная...

Огонь, рожденный демонами в пылу схватки, пожирал доспехи и мертвую плоть. Гарь стелилась по земле, разъедая глаза. Анна стояла в центре погасшего боя, не в силах осознать случившееся.

На неё и раньше нападали. Пытались убить. Она помнила ту, первую схватку над пылающей скорой. Сейчас все стало иначе.

Тогда Эйр защищал её. Убивал, ранил. Анна умирала от страха, но... могла объяснить. Теперь же рораги не просто охраняли. Они спокойно шли навстречу смерти. Ради неё. Их целью было выиграть время.

Понимание, что за тебя умирают, и делают это спокойно, как нечто само собой разумеющееся, оказалось страшным.

Ноги подкосились, и Анна упала на влажный от крови песок. Она не слышала звуков ночной пустыни — ни шороха насекомых, ни тихого шипения змей, ни лая маленьких ушастых лисиц... Окрашенные алым пальцы, зарытые в липкий песок — вот что отныне

стало реальностью.

И с этим надо было жить... Анна затравленно огляделась. Тела, тела... Как в страшном кино. Или — после железнодорожной катастрофы. И там, в этой куче железа и плоти, могли остаться живые. И им сейчас было очень плохо.

Запихав скулящее сознание куда подальше, Анна заставила себя встать. Не время ныть и пенять на горькую судьбину. Надо делать то, что умеешь лучше всего.

Стараясь успокоиться, она начала бормотать про себя правила сортировки, решая, как кого маркировать. И, обследуя тела голыми руками, очень надеялась, что у демонов нет опасных для человека болячек, которые передаются через кровь. Теперь она была перемазана ей с ног до головы. К сожалению, труд оказался напрасным — никто не выжил в этой свалке. Кроме неё. И Эйра.

Но и рорагу, судя по всему, оставалось недолго. В боку торчало древко короткого дротика. Анна нашла нож и вспорола мундир.

Штырь в два пальца толщиной сидел достаточно плотно. Неровный свет пожара позволил осмотреть рану. Судя по всему, дротик пробил легкое. Над инкубом нависли две смертельные опасности: пневмоторакс и легочное кровотечение.

Вынимать инородный предмет Анна не стала. Пошарила вокруг, нашла относительно чистые тряпки и, скрутив валики, еще крепче зафиксировала древко. С пневмотораксом бороться оказалось сложнее — нужно было наложить воздухонепроницаемую повязку.

Анна огляделась. Резиновых вещей, подходящих для клапана, не наблюдалось. Полиэтилена тоже. Даже захудалого пакетика. Зато...

Пришлось снова лазить среди тел. Некоторые демоны носили кожаную одежду. Анна потратила немало времени, чтобы найти лоскут нужного качества: мягкий, не пропускающий воздух, и относительно чистый.

На всякий случай промыла его водой из фляжки. Осторожно обернула поверх валика... Но закрепить оказалось нечем. Простая повязка могла сбиться, а клея не было. Анна вздохнула и надрезала кожу вокруг раны. Неглубоко, только чтобы кровь выступила. Через несколько минут засохнет, намертво приваривая повязку. Замечательный, хотя и жестокий, способ фиксации.

Закончив оказывать экстренную помощь, Анна задумалась. Ничего больше она сделать не в состоянии. Ни провести операцию по удалению инородного тела, ни рану ушить... Дома сейчас бы мчались со включенной сиреной, рассекая пробки, слушая мат водителя. И молились, чтобы довезти Эйра, обколотого противошоковыми, подключенного к капельнице, живым.

Здесь "Скорых" не было. Как и любого другого транспорта. Лошади разбежались, но даже с ними... Куда везти? Сколько времени это займет? А главное — перенесет ли дорогу раненый?

Хотя... Вспомнились его бои с саритами на земле. Там раны тоже были тяжелыми. И Лаир вспомнилась... Человеку не выжить после того, что перенесла суккуб.

— Надеюсь, ты говорил правду про живучесть инкубов. Потому что нам надо убраться отсюда до завтрашнего вечера.

Как потащит раненого, Анна не представляла. Расстелить плащ и тащить волоком? Насколько её хватит? Без воды, еды, оружия... Хотя последнее поправимо — оно валялось повсюду.

Покрутив в руках нож, Анна усмехнулась:

— Ну, и как мы с тобой воевать будем? Предположим, в лоб рукоятью я попаду... Только сариту это как комариный укус. А на тренировки времени нет. Да и перед смертью не надышишься...

Она с тоской огляделась. Кажется, Эйр говорил, что Портал из Храма Забвения открывается раз в сутки. Значит, до завтрашнего вечера саритов можно не ждать. Разве что с другой стороны подойдут. И есть ли смысл в бегстве? Сколько она продержится без навыков выживания? Да еще с раненым на руках...

— Хоть бы рацию какую... сигнал послать. Три точки, три тире, три то...

Мечущиеся в голове мысли остановились. И только одна продолжала настойчиво вертеть хвостом. Лаир упоминала о том, что выброс праны инкубы заметят на любом расстоянии!

Сариты, конечно, тоже, но лучше умереть быстро, чем погибаться в пустыне, в окружении гниющих трупов.

Оставалось подать сигнал. Анна медлила. Ей было противно. Настолько, что едва не отказалась от этой идеи. Решимость вернул булькающий стон Эйра. Он из-за неё умирает. Она обязана спасти его любой ценой.

Оттягивая время, искала фляжки с водой — не хотелось прикасаться к себе грязными руками. Долго отмачивала въевшуюся в складки кожи кровь, потом так же неторопливо терла руки тонким песком, высушивая, и оттирая остатки грязи. Постояла на границе света и темноты и, решившись, шагнула вниз по склону бархана, волоча за собой большой плащ.

Песок под спиной казался мягче перины. Огромные звезды равнодушно смотрели на одинокого человека. А луна даже не думала спрятать ехидную ухмылку за вуалью тонких облаков. Может, и рада была, да ни облачка поблизости...

Анна стянула рубашку. Освобожденный медальон упал на землю. Оттягивая неизбежное, она подняла его, сдула песчинки. Холодное золото и тусклые камни. Время от времени в их глубине рождались призрачные искры.

Рожденное магией пламя не опадало. Желто-красные сполохи метались по склонам барханов, рождая бездонные тени. Глядя на их дикую пляску, на звезды, на злую луну, Анна почувствовала, как вдоль позвоночника пробежали мурашки. Теплый ветер коснулся кожи, осторожно овеял соски, заставляя их напрячься.

Давно забытое волнение кинуло в дрожь. Возбуждение нахлынуло непонятной, да и неприятной волной. Но Анна не думала. Боясь упустить настрой, подняла край юбки, распустила завязки трусиков... Руке стало влажно.

Она знала, чего хочет её тело. Но что все произойдет так быстро — не ожидала. Палец едва начал движение, а волна накрыла с головой, закружила, увлекла в бессознательное...

Анна обрадовалась — процесс занял немного времени. Торопливо оделась и поспешила обратно, к инкубу. Теперь она могла только ждать...

Сидеть у огня всегда приятнее, чем в крошечной темноте. Но возле такого костра ночевать желания не возникло. Анна вздохнула: завтра тут дышать нечем будет от вони. Да и насекомые налетят. Надеяться, что все эти тела быстро и без запаха мумифицируются совместными усилиями жаркого солнца и сухого песка, не приходилось.

На границе света и темноты шевельнулось что-то большое. Анна насторожилась, подтянув к себе нож. Тень заворочалась и... фыркнула. Раздувая ноздри, к костру подошел вороной.

— Вернулся? — она погладила мягкий нос. — Верный товарищ... Поможешь?

Конь словно развеял страхи. Анна отбросила сомнения и начала действовать. Для начала еще раз обошла могильник, добрым словом вспоминая преподавателя анатомии, который заставлял часами просиживать в морге. Благодаря этим занятиям она теперь не боялась трупов.

Собирала копыя, ножи и топоры, оставив тяжелые мечи мертвым владельцам. Потом обследовала переметные сумки, притороченные к седлу. Бурдюк с водой, засохшие лепешки, яблоко и немного перетертого в порошок мяса.

— Живем! — она отдала половину фрукта коню, вторую с удовольствием съела сама.

И принялась готовиться к переезду.

Два копыя и плащ превратились в волокушу. Вороной стоял смирно, пока она прикручивала к седлу перекрещенные дровяки. А вот затащить на это сооружение Эйра оказалось непросто.

— Да что же ты такой тяжелый!

Но, повозившись, Анна справилась и с этой задачей. Кинув в ноги раненого оружие, она прихватила самодельный факел и повела коня прочь.

Далеко отходить не стала, понимая, что так их скорее обнаружат друзья. О врагах думать не хотелось. Перевалила за бархан и разбила лагерь.

Дровяки и все тот же многострадальный плащ превратились в подобие палатки. Седло Анна приспособила Эйру вместо спинки кресла, полуусадив инкуба под навесом. Позаботилась о костре — остатки дерева запылали в небольшом костерке. Обустроив бивак, Анна принялась перебирать топоры и ножи, подбирая себе подходящий.

— В молодости я неплохо их метала, — обернулась она к коню. — Надеюсь, руки вспомнят. Хоть обухом в лоб заеду, и то хлеб.

Вороной не перебивал. Чуть пофыркивая, обнюхивал песок, в надежде найти клочок травы.

Вместе с гаснущим костром отступало и напряжение дня. Ночной холод, обрадовавшись добыче, заставил Анну пожалеть, что она ушла от пожарища. Багровые отблески еще плясали на вершинах барханов. Но ветер, выбивая из тела тепло, приносил и ужасный запах горелой плоти. Так что, укутав Эйра посильнее, Анна предпочла мерзнуть. Прижавшись к рорагу в желании хоть немного согреться, она слушала тяжелое дыхание, молясь, чтобы организм инкуба выдержал суровое испытание.

Проснулась от боли в руке. Медальон немилосердно жег кожу. Анна вспомнила сон и похолодела, ожидая чего-то ужасного.

Ржание вороного над ухом заставил взвизгнуть, а ответные крики — замереть от страха.

На вершине соседнего бархана показались всадники. Спohватившись, Анна кинулась к сложенному у палатки оружию.

Тяжелый топор придал уверенности. Дыхание Эйра за спиной — смелости. Она понимала, что все это ерунда, она не выдержит и минуты боя, но сдаваться саритам живой не собиралась.

Темная "палатка" хорошо просматривалась на фоне светлого песка. Всадники моментально окружили бивак, с любопытством разглядывая Анну. Она покрепче сжала свое оружие и ответила прямым взглядом.

Униформа. Графит с серебряным галуном. У двоих — черные мундиры. В солнечном свете переливаются кольца с застывшими глазами жверинды... Рораги...

Топор выпал из ослабших пальцев. Враз обессилев, Анна опустила на песок.

— Наири!

Передний всадник слетел с коня, подхватил:

— Вы не ранены? Благодарение Праматери Лилит, мы вас нашли. Все хорошо, теперь вы в безопасности.

Анна мотнула головой в сторону навеса:

— Я в порядке. Там Эйр... Помогите ему.

Юноши в сером уже осматривали так и не пришедшего в сознание капитана королевских телохранителей.

— Что с ним?

— Большая кровопотеря, господин. И легкое пробито. Но еще можно успеть.

— Хорошо! Поторопитесь!

Инкубы подвесили между двух лошадей широкий плащ. На него бережно, раной вверх, уложили Эйра.

— Везите осторожно. Трое — остаются с капитаном. Остальные — за мной!

Дорога промелькнула, как в бреду. Рораг, командовавший отрядом, пытался говорить, но замолк, поняв, что Анна не слышит. Путь преодолели в полном молчании. Анна была благодарна — силы иссякли. И даже восхититься небольшим оазисом, возникшим прямо перед кавалькадой, не смогла. Приникла к груди рорага и дремала. Инкуб на руках занес её в помещение, вполголоса раздавая указания.

Поднявшаяся суматоха прошла мимо Анны — ей было все равно. Как только её уложили в кровать, уткнулась в подушки и отключилась.

Проснувшись с чувством, что не отдышалась, а мешки с цементом таскала. Голова гудела, лицо словно на воздушный шарик натянули. И тело жаловалось при малейшем движении.

— Ладно, прорвемся...

— Наири?

Анна осторожно повернулась. Рядом с кроватью стоял молодой парнишка в графитово-серебряном мундире.

— Ты кто?

— Курсант Королевской Академии ророгов. Пятый курс. Слайр Аскер.

— Так. А что из этого имя, а что — фамилия?

Юноша смутился:

— Аскер — имя...

— Понятно. Значит, меня опять занесло к черту на кулички. Позови командира, и кто там у вас главный... Постой! Со мной рораг был... Как он?

— Вы о капитане королевских телохранителей?

— Да, о нем. Знаешь что-нибудь?

— С ним все хорошо, Наири.

В комнату вошел мужчина. Анна узнала того, кто нашел её в пустыне.

— Курсант, свободен!

Парнишка отсалютовал командиру и испарился.

— Паршивец! — процедил ему в след мужчина и тут же повернулся к кровати:

— Умоляю, не сердитесь на него. Дисциплина хромает, субординация тоже никакая, но он научится, обещаю...

— Субординация... — машинально повторила Анна столь чуждое здесь слово. — Значит, я в той самой знаменитой Академии, которую мне Эйр с Пайлином расписывали?

— Простите, Наири! — спохватившись, рораг четко опустил на колено и склонил голову. — Похоже, не только моим ученикам нужно помнить о дисциплине. От имени Его Величества я, ректор, приветствую вас в Королевской Академии. И поверьте, я счастлив, что оказался вам полезен.

— Не представляете, насколько. А теперь скажите, как Эйр? Курсант...

— Парень слишком много болтает, госпожа, — рораг поднялся и подошел вплотную к кровати. — Жизнь капитана в безопасности. И обязан этим он именно вам.

— Правда? А мне рассказывали, что инкубы очень живучи, и такие раны для них — ерунда.

— Ну... — ректор смутился. — Все верно. Рорага тяжело убить. Но один, в пустыне, без помощи... Поисков ведь не было. Нас поднял с места поток праны, прилетевший из пустыни. Весть об исчезновении Наири добралась и до этой глуши. Так что... я не обманываю: Эйр обязан своей жизнью именно вам.

— Да? А у меня большое желание отправить его на тот свет. Поэтому очень прошу — постарайтесь, чтобы я и Эйр не встречались, иначе...

— Как прикажете, госпожа. Только... зачем противится своим желаниям?

— Думаете, не стоит?

Анна задумалась.

— Возможно, вы и правы. Но сейчас больше, чем прибить Эйра, я хочу пить и привести себя в порядок. Здесь найдется ведро теплой воды и мыло? И чистая одежда? Можно и мужскую, лишь бы прилично выглядела.

В этот раз обошлось без больших церемоний. Анну просто провели по коридору и выставили у дверей охрану.

Анна глазам своим не поверила! Вдоль стен изгибались трубы с лейками на концах. Душевые!

Падающая сверху вода напоминала теплый дождь. Смыть с себя пыль и кровь оказалось настоящим наслаждением. А чистая одежда — верхом блаженства.

Простое белье — подштанники и рубашка, и — серый мундир курсанта без знаков отличия. Анна оделась — главное, скромно и чисто. И удобно! Правда, ректор прятал глаза и все время извинялся за неподобающий статусу Наири наряд:

— Увы, ничего другого у нас нет. Только форменное. Но все новое!

— Мне нравится. Удобно.

Анна говорила правду. Покрой оставлял свободу движениям. Можно было бегать, прыгать, лазить... Что, как оказалось, курсанты постоянно и делали. Если не сидели в аудиториях на лекциях.

Академию показывали с гордостью. Отдохнув, Анна сумела оценить задумку.

Небольшой оазис поили родники. Их силы хватало, чтобы вырастить деревья и обеспечить водой нужды учащихся.

Двухэтажное здание изогнулось подковой, обнимая хорошо утрамбованный плац. Одно крыло отдали курсантам, во втором разместили аудитории. Крохотные домики преподавателей выстроились чуть в стороне, в тени пальмовой рощи. Друг от друга их отделяли цветущие рабатки. Одинаковые, выращенные словно по шаблону.

С обратной стороны главного здания расположились конюшни и манеж. Лошадей и верблюдов содержали отдельно, но в такой чистоте, что Анна невольно вспомнила свою квартиру — у неё не всегда был приличный вид.

Самих учеников выстроили у входа. Шесть шеренг. Шесть курсов.

— По шесть лет учатся?

— Да, Наири. Вот эти, — ректор указал на замерших юношей, — уже в конце этого года буду готовы надеть жвериндовые кольца. Поверьте, отсюда выходят лучшие воины Эстрайи!

— Верю! — Анна невольно вспомнила Пайлина, противостоящего сариту. — Я... видела. Думаю, эти ребята окажутся достойными.

Лицо юноши, мимо которого они как раз проходили, исказила ухмылка. Анна сделала вид, что не заметила. Ректор тоже промолчал, но стоило Наири скрыться в здании, вернулся к строю.

— Кадет Ничари, выйти из строя.

Ухмыльнувшийся подросток выполнил приказ и замер перед шеренгой.

— Кадет, будьте добры, скажите, что необходимо нашей стране и народу для выживания?

— Прана, господин капитан!

— Откуда она берется, не просветите?

— Источником является Наири... или любой другой человек...

— Ну, поскольку с "другими людьми" в Эстрайе сейчас плохо... Что дальше?

— Чтобы праны вырабатывалось как можно больше, Наири должна находиться в хорошем расположении духа и быть счастливой...

— А как это получится, если ты, щенок, скалишься на неё? Вы все! Вы можете относиться к Наири как угодно, но мнение свое засуньте подальше. При необходимости умрете по её малейшему желанию. Спины не разогнете. Любую прихоть исполните. А понадобится — в зад будете целовать! Я не шучу сейчас! Жизнь рорага заключается в его служении королю и Эстрайе. А значит — и Наири. Все поняли?

— Так точно!

Эхо унесло ответ к небесам, заставив птиц в роще замолчать.

— Хорошо. А вы, кадет Ничари, сейчас пойдете в дом, приготовленный для Наири, встанете у порога на колени и простояте ровно сутки. Вы поняли?

— Так точно!

Анна наблюдала эту сцену из окна. Кроме дружного ответа учащихся она ничего не слышала, но общий смысл происходящего поняла.

— Наири, разрешите? — на пороге стоял незнакомый инкуб в черно-золотой форме.

— Да. Вы кто?

— Декан факультета боевой магии.

Анна насторожилась. Но, если полукровка и заметил, виду не подал. Доброжелательно улыбаясь, сообщил:

— Для вас приготовили отдельный дом. Мы все просим прощения, что вам пришлось ютиться в общежитии.

— Мне было удобно.

У дверей отведенного ей коттеджа застыли курсанты. Судя по нашивкам — выпускники. У крыльца замер на коленях юноша. Анна узнала в нем ухмыльнувшегося младшекурсника.

— Наказали?

Он продолжал сверлить стенку взглядом.

— Кадет, отвечайте!

От окрика декана Анна вздрогнула. А курсанты даже не моргнули. Но юноша ожил:

— Так точно. Должен провести у крыльца сутки, моля о прощении.

— Это обязательно? — обернулась Анна к сопровождающему.

Тот пожал плечами:

— Ректор приказал. Правда, если Наири против...

Но она уже решила плыть по течению:

— Мне без разницы.

— Тогда — прошу.

Улыбнувшись галантному кавалеру, Анна вошла в предупредительно распахнутую дверь.

Помещение разительно отличалось от уже привычного жилья. Здесь не было роскоши дворцов, но и нищеты саритской комнаты — тоже. Дом скорее напоминал коттеджи её родного мира — в меру просторные и светлые.

Минимум мебели, да и та скромная. Даже подсвечники, расставленные по всем комнатам, отличались простотой. Украшений — картин, статуэток — почти не было, их заменяли огромные букеты ярких цветов.

— Наири, дом недостоин вашего присутствия, но это лучшее, что мы можем предложить. Прошу, утишите свой гнев.

— Здесь уютно. Не беспокойтесь, мне все нравится, — Анну забавлял весь этот официоз и заковыристые обороты речи.

— Места мало. Курсанты будут ждать снаружи.

— Хорошо, спасибо.

Декан поклонился и встал у входной двери.

— Вы останетесь?

— Простите. Но вам нельзя оставаться в одиночестве. Мы не можем снова потерять вас.

— Понятно. Надеюсь, в спальне я могу побыть одна?

Маг слегка поклонился и замер.

Анна прошлась по новому жилищу. Холл, две спальни, кабинет и туалетная комната с душем.

Здесь было уютнее, чем в помпезных Храмах.

— Скажите, а королю уже сообщили?

— Так точно. Он уже в пути.

Анна разочарованно вздохнула — возвращаться не хотелось.

— И... когда придет?

— Его Величество отправился налегке. Дорога займет примерно пять дней.

Пять дней покоя! Анна вздохнула. Они ей просто необходимы, чтобы морально подготовиться к дальнейшей жизни в Эстрайе. Но как же хотелось отдохнуть!

— Я могу увидеть Эйра?

— Разумеется. Но вы просили держать его от вас подальше?

— Я... передумала! — злость уже утихла, уступив место профессиональному любопытству.

Декан приоткрыл дверь:

— Наири вызывает капитана королевских телохранителей.

— Ой! Вы хотите его сюда притащить? Раненого?

— Но он вам нужен!

— Я и сама могу сходить, я не гордая...

Полукровка казался озадаченным.

— Но...

— Проводите? — перехватила инициативу Анна.

Больница ничем не отличалась от той, что Анна видела в охотничьей резиденции. Светлые стены, просторные комнаты и — почти стерильная чистота.

Эйр лежал в одноместной палате. Кровать, маленький столик и узкий шкаф. Для Наири тут же принесли стул с высокой спинкой.

Рораг попытался встать, Анна прижала его за плечи к кровати.

— Кажется, история повторяется...

— Я снова обязан вам жизнью.

— Правильно. Обязан. Как себя чувствуешь? Вид у тебя бледный.

— Рана была тяжелой, — в разговор вклинился полукровка в бело-золотом мундире. —

Господин капитан потерял много крови, и...

— Вы?... — Анна вопросительно обернулась к говорившему.

— Преподаватель лечебного дела. По совместительству — целитель Академии.

— Тогда вы ответите на мои вопросы куда лучше капитана. Поправляйся, Эйр. Надеюсь, следующая наша встреча не станет для вас смертельной...

Капитан проводил Наири тоскливым взглядом. Она опять вела себя не как положено... К счастью для самого рорага.

Целитель готов был рассказать все.

— Что интересует Наири? Буду счастлив дать подробные ответы.

— Рана очень тяжелая?

— Порвано легкое. В плевральную полость поступал воздух. Позвольте высказать свое восхищение — первая помощь была оказана по всем канонам. Вы дважды спасли капитану жизнь — когда перевязали, и когда... — целитель замаялся, подбирая подходящее слово, — излили прану.

— Так Эйр её все же использовал? Он же был без сознания.

— Инкуб впитывает энергию инстинктивно. Но даже этого оказалось мало. Взгляните.

Анна осторожно взяла в руки дротик. Треугольное лезвие с глубокими зазубринами. На древке, у втулки, прилепился свинцовый шарик.

— Если бы вы попытались вытащить...

— Я знаю. Но я думала, что дротики длиннее.

— Это особый вид. Позвольте, вам продемонстрируют, как его используют.

Учеников, которые тренировались на плацу, отогнали в сторону. Основную свиту Анны

составили преподаватели Академии, пара курсантов держалась поодаль, исполняя роль "принеси-подай-сбегай".

С оружейной стойки сняли несколько копий и с поклонами протянули Анне, чтобы она осмотрела наконечники. Тут же последовала краткая лекция про их виды и назначение. Все это — с одновременной демонстрацией боя. Курсанты, орудовавшие тяжелыми копьями, выглядели взволнованными, словно экзамен сдавали. Судя по то и дело мрачнющему лицу одного из преподавателей, справлялись не очень. Анна отрешенно улыбалась окружающим, приводя их в щенячий восторг.

Потом принесли дротики. Покидали в мишени. И, наконец, дело дошло до поразившего Эйра оружия.

— Взгляните, Наири. Лепестки наконечника сильно отогнуты назад. Они мешают вынуть плюмбату из раны.

— А этот шарик для чего?

— Утяжелитель. Он усиливает поражающие свойства.

По знаку ректора курсант взял дротик возле оперения и что есть силы кинул вверх. Описав крутую дугу, плюмбата глубоко воткнулась в твердую землю.

— На излете скорость возрастает. И наконечник может пробить доспехи.

Постепенно ректор вошел во вкус. Он показал остальное оружие: мечи, луки, арбалеты... Двое преподавателей даже перекинулись в боевую форму и сошлись в схватке... Анну замутило, перед глазами встал первый бой, который она увидела, казалось, вечность тому назад. Рев пламени, пожирающий машину, загудел в ушах.

— Вам плохо? — целитель с тревогой заглянул ей в лицо.

— Ничего. Просто устала немного, — и Анна мужественно досмотрела представление.

Её уверения преподавателя медицины не убедили. После того, как Анну вернули в коттедж, он остался и попросил позволение осмотреть Наири:

— Вы много пережили. Я могу приготовить успокаивающие отвары.

— Можно вас спросить? — Анна решила действовать.

— О чем угодно.

— В каком объеме преподается курс?

— Он достаточно полный. Но упор делается на военную медицину и фармакологию. Кажется, так в вашем мире называются эти дисциплины.

— Фармакологию? — удивилась Анна.

— Яд убивает незаметно, и не всегда можно найти исполнителя. Рораг обязан обеспечить безопасность членам королевского Дома. И, при необходимости, изготовить противоядие.

— А целители на что?

— Увы! Иногда телохранитель и его подопечный оказываются вдали от цивилизации. Вы, вероятно, это уже заметили. Поэтому очень прошу — позвольте вас осмотреть!

— Я в порядке. Но помощь мне понадобится. Наверняка в библиотеке Академии есть книги по медицине. Я могу на них взглянуть?

Целитель смутился:

— У нас очень обширное хранилище знаний. Правда, боюсь, ничего интересного Наири там нет.

— Я непритязательна. Простые книги по анатомии и физиологии меня устроят. Лучше те, что предназначены для новичков.

— Но... зачем?

Анна вздохнула. Похоже, инкубу на самом деле и в голову не могло прийти, что люди интересуются чем-то кроме еды, секса и сна.

— Просто так. Или для доступа в библиотеку я должна предоставить четкие обоснования?

— Нет-нет! Извините, я забылся. Я сейчас же подберу вам необходимые книги, но... простите, деликатный вопрос... — инкуб замялся.

— Спрашивайте.

— Вы... умеете читать?

— На вашем языке? Ни слова не прочту. Надеюсь, среди ваших учеников найдется достаточно толковый, чтобы помочь мне с переводом?

— Разумеется, Наири. Сегодня же книги и кадет будут в вашем полном распоряжении.

Анна проводила инкуба до двери. Скользнула взглядом по вытянувшемуся в струнку дежурному преподавателю — охранять её внутри дома курсантам не доверили.

— А меня сегодня кормить будут?

Она ждала суеты, какая обычно возникала в Храме. Но рораг открыл дверь и отдал короткий приказ. Не прошло и пятнадцати минут, как перед Анной раскинулась скатерть-самобранка.

— Я снова вынужден просить прощения, — покаянно склонил голову явившийся к трапезе ректор. — Наш повар привык готовить для солдат, и боюсь, Наири может не понравиться...

Как может не понравиться кусок хорошо прожаренного мяса в кисло-сладком соусе, прозрачная лапша, тающая на языке, и лепешки из рисовой муки, Анна не понимала.

— Передайте повару, что если оставшиеся дни он будет готовить так же — я украду его в Храм.

— Наири очень добра.

Ректор снова поклонился, и, как ему казалось, незаметно перевел дух.

— Кажется, это я должна просить прощения. Ворвалась в Академию, сбила учебный график, вас отвлекаю... У вас же дел, наверное, по горло? А вы со мной возитесь...

Кажется, ей удалось напугать опытного солдата. Ректор упал на оба колена, прижав руку к груди:

— Чем я прогневал Наири, что она лишает меня возможности служить ей? Прошу, дайте позволение кровью искупить преступление.

Такого отчаяния в голосе Анна еще не слышала.

— С чего вы взяли, что я недовольна? — растерявшись, она попыталась поднять ректора с колен.

Он встал сам.

— Мне действительно здесь нравится. Но я представляю, какую работу вы проделываете, чтобы поддерживать такой порядок. Совсем не хочется доставлять неприятности.

— Наири...

— Послушайте, давайте договоримся. До визита короля еще дня два, верно? Так позвольте мне прожить их спокойно, без всех этих, — она изобразила рукой замысловатую фигуру, — высоких церемоний... Вам не обязательно каждый раз срывать лично выполнять мои просьбы. Думаю, тут любой справится, запросы у меня невелики.

Конечно, с одним курсантом Анну не оставили. Дежурный преподаватель все так же торчал у двери, а за ними замер почетный караул. Но в ответ на просьбы и пожелания дергаться всем штатом перестали.

Целитель тоже сдержал слово — к вечеру в дом явился шестикурсник. Стараясь держаться ровно, как настоящий военный, он положил на стол принесенные книги:

— С какой из них госпожа желает ознакомиться, и когда?

— Ты торопишься?

— Я полностью в распоряжении Наири.

— Как тебя зовут?

— Учащийся шестого курса Саван Хон!

Анна очень быстро поняла, что целитель постарался — её помощник оказался весьма толковым молодым человеком. Взгляд темно-синих, переходящих в черноту, глаз не отпуская ни на минуту. Юноша тоже изучал Наири, но сумел остаться в рамках приличия.

Выслушав пожелания, он быстро нашел в стопке книг необходимую, пролистал, разыскивая картинку...

— Дай, я сама посмотрю.

Курсант тут же отошел, замерев за левым плечом Анны.

— Пожалуйста, не стой там. Мне неудобно.

Он сделал еще шаг назад.

— Нет. Иди сюда. Сядь.

Курсант с сомнением посмотрел на указанный стул.

— Простите. Это против правил.

— И их никто не может нарушить?

— Что?

— Я спрашиваю: я, как Наири, могу нарушать этикет?

— Наверное... да.

— Тогда не ерепенься и садись!

— Ере...пе...

Он бормотал тихо, но Анна услышала.

— Ерепенься. Ерепениться, значит — зло упорствовать. И не говори мне, что сразу не понял — ты в голове у меня ковыряешься.

— Нет, Наири, — Хон все же послушался совета и устроился напротив. — Мы понимаем только знакомые образы.

— Значит, сленг поставит вас в тупик. Запомню. Ну, ты чего такой испуганный?

Хон, хотя и сидел, а не тянулся по стойке "смирно", изо всех сил старался выглядеть подобающе. Устроился на самом краешке сиденья, аккуратно сложил руки. Примерный ученик...

— Ты танцуешь? — почему-то решила задать странный для себя вопрос Анна.

— Нас учат танцевать.

— Ну прямо Институт благородных Девиц. Ладно, не смущайся. Поглядим, что там у вас с анатомией.

Рисунки, рисунки... Мышцы рук, ног, черепа... Внутренние органы... Она быстро пролистая книгу и с силой захлопнула. Хон встревожился, но спросить ни о чем не посмел.

Анна прикрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула. Успокоившись, снова открыла первую страницу.

— Так, Хон, мне нужны общие сведения. Буквально для начинающих. Общее строение инкубов и суккубов.

Курсант встал, обогнул стол и быстро перелистнул страницу.

— Эта картинка подойдет?

Силуэт человека. С некоторых частей снята кожа, открывая переплетение мышц и сухожилий. Где-то — убраны и они, чтобы показать кости. Брюшная и грудная полость вскрыты, так, что видно положение внутренних органов.

— Да, спасибо. И... чего ты вскочил? Нам обоим будет неудобно. И... здесь есть ручка и бумага?

Хон отошел к секретеру, принес стопку листов, веером разложил перед Анной. Сероватая, желтоватая, чистая и линованная бумага, с едва проступающим орнаментом по краю и даже тисненая.

— А чем писать? Тут вообще, чем пишут?

Хон все так же молча указал на чернильницу, откинул крышку. Подал большое птичье перо, и перо металлическое, вставленное в деревянную ручку.

— Выбирайте.

— Уууу, у нас такие только для чертежей и рисования используют.

— Наири, вот еще...

Анна улыбнулась. Автоматическое перо. Вспомнилось школьное поветрие, когда дети повально скупали такие ручки в киосках, а потом рыскали в поисках чернил. Двойки, что выставляли учителя, требовавшие писать простой, шариковой... Но те ручки были пластиковые, со стальным жалом. Хон же протягивал нечто, напоминающее янтарный стержень с граненой стеклянной колбой посередине. Внутри плескалась черная жидкость.

— Ну, давай это. Хоть клякс не будет. Если вспомню, как этим писать.

Хон сам вложил перо в руку Анны. Пальцы на миг соприкоснулись. Юноша вспыхнул и принялся старательно наводить порядок: закрыл чернильницу, убрал в сторону лишнюю бумагу...

— Не суетись. Да и вообще... можешь идти. Я сама разберусь. Появятся вопросы — задам потом.

— Я... сделал что-то неправильно? — в синих глазах плеснула тревога.

— Нет. Все хорошо. Просто я хочу спокойно почитать. А ты... У тебя же есть дела, ты вроде как учиться должен?

— Я полностью в распоряжении Наири. Других заданий у меня нет.

— И ты не устал?

— Не устал, — в голосе появились упрямые нотки.

— Хорошо. Я поняла. Но все равно — ступай. Вернешься, скажем... часа через три.

Хон отсалютовал и вышел из кабинета. Анна услышала, как тихо открылась и закрылась входная дверь.

Анатомия инкубов походила на человеческую. По крайней мере — при беглом просмотре. Про боевую форму Анна даже открывать не стала, решив, что хватит пока и обычной. Смотрела, сравнивала, и отчаянно понимала: без знания языка попытки самообразования бесполезны.

Устав, подошла к окну. Солнце прорывалось сквозь кроны деревьев, с помощью тени красиво расписав лужайку перед домом. Хон сидел в беседке, что-то читал.

— Вот поросенок! Хон!

Услышав зов, курсант закурил головой, потом увидел Наири, призывно машущую из окна. Скорость, с какой юноша кинулся к дому, впечатлила.

— Ты зачет по спринту сдавал?

Анна удивилась — он даже не запыхался! Хотя чему удивляться, здесь этих мальчиков превращают в настоящие машины для убийств.

На вопросы Хон ответил обстоятельно, со знанием дела. И подтвердил выводы Анны.

— Похоже, тебе еще работа подвалила. Противная и нудная, но совершенно необходимая.

— Приказывайте.

— Научи меня вашему языку.

Вместо ответа курсант придвинул к себе лист бумаги и аккуратно начал покрывать его знаками.

— Это наш алфавит, Наири.

— А ты не тянешь кота за... хвост. Перепиши буквы в столбик.

Потом Анна сама напротив каждой писала транскрипцию. Долго мучила юного наставника произношением. И лист за листом черкала кривые закорючки, приучая руку к чужим буквам.

Хон старался. Поправлял, объяснял... Забывшись, стал вести себя раскованнее, выпустив на свободу привычки. Анна с улыбкой смотрела, как он то и дело запускает пятерню в волосы. Вскоре аккуратная прическа растрепалась, придавая молодому человеку хулиганский вид.

Стук в дверь прервал занятие. Вошел дежурный:

— Наири, простите, что прерываю, но ужин остывает. Курсант Саван, вы должны были проследить за временем. И приведите себя в порядок!

Хон тут же подобрался, пригладил волосы и застегнул верхнюю пуговицу. Выходя из кабинета, Анна слышала, как его распекают буквально за все.

Ужин она проглотила, торопясь вернуться к работе. Хон, застегнутый на все пуговицы, ждал, вытянувшись у кресла.

— Уже поел?

— Наири не нужно заботиться о...

— Подожди, так ты все это время тут был? Какая глупость. Иди, поужинай и... кстати, который час? Уже поздно... Значит, до завтра.

Отпустив Хна, Анна погрузилась в работу. Наслаждаясь забытыми ощущениями. И, к собственному стыду поняла — она не так умна, как себе казалась. Язык саритов давался гораздо легче. Анна загрустил, вспомнив Ларрика. Он почти стал другом...

Дверь кабинета приоткрылась. Дежурный рорак настойчиво порекомендовал идти спать:

— Наири нужно беречь здоровье.

— Для чего?

Бормоча, что она думает о соблюдении режима, побрела в спальню. Горячий душ, удобная кровать и — непонятные сны. Снова ласкающие прикосновения, не вызывающие ничего, кроме раздражения. Невидимка отстал только к рассвету.

Утром за окном немилосердно громко зазвенели птичьи трели. Анна улыбнулась сквозь сон и с головой завернулась в легкое покрывало: предутренние грезы самые сладкие. Но почти сразу села в кровати, сгоняя остатки дремы. Соблазн поспать подольше никуда не

делся, а дел Анна на сегодня наметила немало дел.

Дежурный вскочил со стула, протирая красные глаза.

— Вы тут всю ночь сидели? Это очень вредно — не соблюдать режим.

— Да, Наири, но...

А Анна уже шурудила на крохотной кухне. Увы, из знакомых продуктов там оказался только чай и рис.

— Подождете немного, сейчас доставят завтрак.

— А если не подожду? А вы уже ели? А мальчики? — она кивнула на окно. Из кухни хорошо просматривалось крыльцо с замершими курсантами.

— Мы поедим после дежурства.

— А... — Анна прислушалась.

Снаружи долетали голоса: задорные юношеские вопли, суровые окрики наставников.

— В Академии уже проснулись?

— День учеников начинается на рассвете, Наири. Утреннее построение, зарядка. Потом завтрак. И — занятия.

— Значит, все, кроме вас, успели поесть?

— Нет. Группы возвращаются с пробежки. У них полчаса на то, чтобы привести себя в порядок, и лишь после этого курсанты пойдут в столовую.

— Тогда может, поесть вместе со всеми?

От подобной перспективы рораг дар речи потерял. Но Анна уже загорелась:

— Ну, что скажете?

— Наири, я немедленно пошлю за вашим завтраком. Вам не придется ждать.

— Значит, ждать, пока приготовят, будут ученики... верно?

— В Академии достаточно работников, чтобы...

— Я тут как в одиночной камере. Поэтому...

Курсанты взяли на караул.

— Вот что, ребята. Сейчас все вместе идем в столовую. Будем завтракать. Вы тоже, не надо так таращиться. Мне плевать на ваше "положено-не положено", смотреть, как молодые, здоровые парни зарабатывают гастрит, я не желаю!

Её появление в главном корпусе Академии произвел фурор. Поняв, кто перед ними, и взрослые, и подростки падали ниц, не смея поднять взгляда. Сообразив, что все ученики рискуют остаться голодными, Анна шепнула сопровождающему:

— Скажи, чтобы не смели. Пусть все идет своим чередом.

Но приветствия от ректора выслушать пришлось, да и в столовой молодые люди повскакивали с мест, вытягиваясь в струнку.

— Вольно! К приему пищи приступить! — вспомнила Анна студенческую жизнь и сборы, которые раз в год устраивал военрук.

Первыми решились выполнить приказ курсанты. Кадеты, глядя на старших товарищей, тоже стали усаживаться. Застучали ложки — к удивлению Анны, с утра подали суп.

Перед ней поставили красивую тонкостенную тарелку. Повар сам принес, держа поднос на вытянутых руках, словно невиданную драгоценность. Рис, и несколько видов маринованных овощей расставили заранее. Преподаватели не посмели усесться в присутствии Наири, так и стояли вокруг.

— Господа офицеры, присаживайтесь. И очень прошу — отпустите ребят. Пусть хоть поедят спокойно.

По знаку ректора "почетный караул" испарился. Преподаватели, несколько смущаясь, заняли свои места. Только повар замер за спиной Анны, готовый прислуживать.

— Нет, так не пойдет. Я сама могу взять нужный прибор или положить себе добавки. Поэтому... Слушайте, по-хорошему прошу — дайте нормально поесть, а? Без всяких китайских церемоний.

— Госпожа, дисциплина и субординация...

— О нет! — взвыла Анна.

Интонации в её голосе напугали ректора, потому что по его кивку повара словно ветром сдуло.

— Приятного аппетита, господа!

Ели в молчании. Анна первая разговор не заводила, осматривалась.

Большой зал, уставленный длинными столами. Судя по всему, ученики рассаживались поотрядно. И по возрасту — место у входа занимали самые младшие. Преподавательский стол расположился у высоких окон, так что можно было любоваться пейзажем: зеленой лужайкой с ровно подстриженными кустами.

— Здесь есть садовник?

— Нет. Порядок в Академии поддерживают сами ученики.

Анна кивнула и повернулась к целителю:

— Хочу поблагодарить. Хон — просто сокровище! Но я беспокоюсь, что он уроки пропускает.

— Для Хона это своего рода испытание. Мало кому из курсантов посчастливится побывать на практике еще до окончания обучения.

— И все-таки... Не наказывайте его строго за пропуски.

— Наири, — ректор отложил ложку. — Хон — будущий рораг. А королевский телохранитель должен уметь многое. Поэтому поблажек не будет. И я умоляю вас отнестись к курсанту со всей строгостью. Используйте его, как пожелаете, и ни о чем не беспокойтесь.

Анна замолчала. Слово "используйте" из уст инкуба прозвучало двусмысленно. Стало неловко.

— А сколько ему лет?

— У нас другая продолжительность жизни, Наири. Хон старше вас, если вы об этом.

— Я спрашиваю, какой у него возраст в переводе на человеческий. Все же период взросления у разных видов живых организмов различается.

— Можете считать, что Хону двадцать два-двадцать четыре года. Как и его однокурсникам.

Анна перевела дух. Пусть он мальчишка по сравнению с ней, но к педофилии инкубы не склоняют.

Потом пришлось ждать, пока доест последний из кадетов: едва она отложила ложку, её примеру последовали все присутствующие. Сообразив, в чем дело, Анна попросила добавки и ковыряла в своей миске, давая остальным спокойно позавтракать.

Едва вернулась к себе и разложила вчерашние записи — явился Хон. Отсалютовал и замер у стола, готовый отвечать на вопросы.

— Погода сегодня хорошая... Прогуляемся? Совместим приятное с полезным...

Дежурный рораг и охрана из курсантов выдвинулись следом.

— Послушайте, что тут со мной может случиться? Обещаю — за пределы Академии не выйду!

— Наири, вас похитили из Храма...

— Неправда! Я сама ушла. И сейчас очень прошу — хотя бы здесь, ненадолго...

Рораг заколебался, но все же отступил, зыркнув в сторону Хона. Курсант вытянулся еще больше, стерев с лица даже намек на эмоции.

— Ну чего ты, в самом деле. Улыбнись. И пошли гулять!

В пальмовую рощу не долетал жаркий ветер пустыни. Крохотный родник фонтанчиком вырывался из-под земли и разбивался о плоские камни, выстилающие русло. Анна опустила на колени, погрузила руки в воду, и, сложив ладони ковшиком, поднесла к губам. Зубы заломило.

— Надо же. Даже тут, в пустыне, вода ледяная... Эй, ты чего?

На парня было жалко смотреть. словно здесь и сейчас погибал мир.

— Хон?

— Наири... зачем вы так?

— Я... нарушила какое-то табу? Эту воду нельзя пить?

— Нет, но... из ладоней? Вам стоило сказать... я бы кружку принес.

— Уф, напугал. Я думала, что-то запрещенное сделала. Кстати, как будет "родник"? "Камень"? "Пить"? Да не столбей памятником самому себе, садись! — и Анна показала пример, усевшись прямо на траву.

Толстый пальмовый ствол удобно поддерживал спину, так что можно было без последствий просидеть и час, и два. Но Хон запаниковал.

— Наири, простите. Встаньте, пожалуйста. Я быстро, сейчас сюда принесут стулья и стол... Подождите немного...

— Зачем? Мне и так удобно. Садись, — и она приглашающе хлопнула рядом с собой ладонью.

Хон смотрел так жалобно, что Анна психанула:

— Ну?

— Наири, может, хоть не на голой земле сидеть изволите?

— Изволю. На голой. Или это тоже религией запрещено?

Вместо ответа Хон обреченно стал расстегивать мундир. Стриптиз с таким выражением лица не показывают, но Анна заволновалась:

— Эй, ты чего? Мы, кажется, сюда язык учить пришли?

Расправленный китель лег на траву. Рядом с ним, опустив глаза в землю, припал на колени Хон:

— Наири, умоляю... Тогда хотя бы...

Поняв, что он не отвяжется, Анна пересела:

— Ну? Доволен? Может, теперь позанимаемся?

Молодой инкуб робко уселся рядом и урок начался.

Анна сразу поняла, что зря понадеялась на слуховую память. Но спрашивать бумагу у Хона не решилась, боясь нового приступа "угоди Наири". С него станется все бросить, и помчаться добывать требуемое. Поэтому она подобрала веточку и выцарапывала буквы в траве.

Хон наблюдал некоторое время, потом робко поинтересовался:

— Наири, я прошу прощения, но может, вам с этим будет удобнее?

Блокнот. Маленький, в половину ладони. И крохотный карандаш. Она покрутила его в руках: толстый стержень, обмотанный полоской замши.

— Это ведь не графит?

— Графит, смешанный с особым сортом глины. Позвольте...

Перочинным ножом Хон ловко заострил кончик грифеля, так, что линия на бумаге получалась тонкая-тонкая.

— Простите, вам не подобает... Это моя вина — я должен был позаботиться о письменных принадлежностях.

— Если снова собрался на коленях ползать, то я лучше домой пойду...

Хон тут же перестал извиняться, но откровенно смущался, видя в руках Анны свой блокнот.

Как и в прошлый раз, его робость быстро испарилась — парень втянулся в работу. Расстегнул верхние пуговицы рубашки. Ворот тут же сбился, открывая крепкие мышцы шеи. Стрижка тоже потеряла аккуратность, пряди топорщились в все стороны.

— Курсант Саван Хон! Что здесь происходит?

Он подскочил, вытягиваясь. Подошедший ректор гневно поджимал губы, сдерживая ругань.

— Немедленно отправляйтесь к своему декану, скажите, чтобы отправил вас под арест.

Хон мельком скользнул взглядом по мундиру. Анна тут же подняла одежду, стряхнула с неё прилипшие травинки и сама накинула на плечи зардевшегося Хона. Тот отсалютовал ректору, быстро коснулся земли коленом перед Анной и умчался в сторону главного здания Академии.

— Я могу спросить, что он натворил?

— Позвольте принести вам свои извинения за неподобающее поведение курсанта, Наири.

Анне до коллик надоела привычка инкубов валиться на колени при малейшем недовольстве с её стороны. Теперь же она начала подозревать, что у военных это приравнивается к официальному приветствию. И если простые обычаи можно изменить, то ритуал военной машины — нереально. И она махнула рукой: пусть их.

— Я еще раз спрашиваю, что натворил Хон?

— Вел себя неподобающе.

— Вы о том, что он сидел рядом со мной? Так я сама попросила.

— Это не преступление, Наири. Место рорага — у ног его хозяина. Но Хон обязан был позаботиться о вашем комфорте. Вы сидели на земле, писали непонятно чем...

— И это — причина ареста? Послушайте, может, обойдемся уже тем, что его отругали?

— Прошу прощения, Наири. Трибунал состоится, и курсант Саван Хон ответит по закону за свое преступление. А вам следует отдохнуть — вы тяжело трудились, это может сказаться на вашем здоровье.

Анна мрачно оглядела инкуба. То, что Хону влетит, да еще ни за что, никак не укладывалось в голове.

— Скажите, кому вы подчиняетесь?

— Непосредственно Его Величеству.

— Вы ведь рораг... Звание капитана королевских телохранителей старше вашего?

— Капитан Эйр выше меня по должности, Наири. И пока он здесь, ответственность за вашу безопасность возложена на него.

— Прекрасно!

И Анна быстро пошла к лазарету.

Эйр не переехал, но мебели в палате прибавилось. У окна пристроился стол, заваленный бумагами, рядом притулилась этажерка. Сам капитан королевских телохранителей едва успел вскочить. Стул покачнулся и с грохотом упал.

— Что за суета?

У Анны появилось желание привязать Эйра к кровати — подобный режим для раненого мог привести к печальным последствиям. Но сейчас на первый план выходила другая проблема.

— Оставьте нас!

К удивлению Анны курсанты и рораг, следовавшие за ней, тут же покинули палату.

Ни просить, ни уговаривать не пришлось.

— Эйр, — остановила она натягивающего мундир инкуба. — Нам нужно поговорить.

Вместо ответа рораг поднял стул и чуть отодвинул от стола, приглашая присесть. Сам встал напротив, вытянувшись, словно на параде.

— Может, тоже присядешь? Нет? Ну, как хочешь... В общем, если коротко... Мне помощника выделили, курсанта. Хороший мальчишка. Но, кажется, я его подставила. Говорят, он нарушил субординацию и его отдают под трибунал.

— По отношению к вам нарушил? Тогда все правильно.

Анна задержала дыхание и досчитала до пяти.

— А баба Яга — против. Хон не сделал ничего плохого. Ну, забылся немного, ты вон, тоже без кителя меня встретил... Тебя за компанию под трибунал?

— Если Наири посчитает это оскорблением.

— Если... А если нет? Хон только делал то, что я говорила.

— Я разберусь, раз Наири этого желает...

— Желает. Очень. И... спасибо.

Она была уже у двери, когда Эйр окликнул её:

— Госпожа...

В нем ничего не осталось от рьяного служаки. Перед Анной стоял уставший мужчина.

— Вы снова меня спасли. Умоляю, примите мою благодарность!

И Эйр мягко, с какой-то кошачьей грацией опустился на колени, а потом распластался по полу, протягивая к Анне сложенные лодочкой ладони.

Она не стала дожидаться окончания церемонного поклона — ушла. Хотелось одновременно плакать и крушить все подряд. Но, сдержав эмоции, Анна обратилась к сопровождающим:

— Я хочу поговорить с Хоном. Где он?

— В карцере. И без разрешения ректора к нему нельзя.

— Если Хон оказался под арестом за отсутствие в роце стула, то какое наказание грозит тому, кто попытается остановить меня? Попробуем узнать?

Дежурный курсант не посмел даже спросить пропуск. Вскочил, вытаращив глаза, и замер. Анне показалось, что он и дышать стал через раз.

— Мда. "Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый". Чего пугаешься? Открывай.

Хон, услышав шум, поднялся навстречу.

— Наири?

Она обняла его за плечи, остановив коленопреклонение.

— Хватит. Достали вы меня этим. Ты почему промолчал, что тебе мои причуды боком выйдут?

— Наири не стоит беспокоиться о тех, кто ей служит. Это наша судьба — жить и умереть за воплощение Богини.

— Ну, началооось!

Анна с трудом сдерживала желание залепить парню хорошую плюху.

— Скажи лучше, чем тебе все это грозит?

— Не знаю. Если повезет, сразу казнят.

— А... если нет?

— Сначала лишат звания курсанта.

Анна опешила. Этот молодой вояка больше смерти боялся разжалования!

— Вы тут все умалишенные. Отставить панику, я сейчас к ректору пойду. Конечно, у вас здесь свои правила, но смотреть, как тебя ни за что наказывают, приятного мало.

— Наири...

Анна уже не слушала — торопилась в главный корпус.

Ректор оказался непреклонным:

— Мне очень жаль вас огорчать. Но, по закону, курсанты находятся под моим началом, и я не могу позволить им уронить честь Академии. В этих стенах воспитываются рораги, оплот и стража Короля и Наири. И проступок Хона — не шалость, а преступление против государства. Он будет примерно наказан, в назидание остальным.

— Что может повлиять на ваше решение, господин рораг?

— Только прямой приказ Его Величества...

— А прямой приказ Наири?

Занятые перепалкой, оба пропустили приход Эйра.

— Наири ясно высказалась — она прощает преступника и...

— Хон не прес...

Капитан даже не посмотрел на неё, только рука чуть дернулась. И Анна замолчала, наблюдая за схваткой рорагов.

Отступить пришлось Эйру — ректор оказался непреклонным и капитан ничего не смог противопоставить приводимым доводам.

— Он в своем праве, Наири. Устав Академии суров, и только Его Величество...

— Значит, к нему я и обращаюсь!

— Трибунал уже сегодня. Вы не успеете.

— А... затянуть никак нельзя?

— Увы. Правила есть правила. Но, я думаю, члены суда учтут ваши пожелания.

— Я могу присутствовать?

— Нет. Только на вынесении приговора, и добавил совсем тихо: — Простите.

Анна бессильно опустилась на ближайшую скамейку и закрыла лицо руками:

— Ты убеждал, что я воплощение богини... Ложь. Обещал не оставлять — и я одна. Клялся защищать — и позволил беде случиться... И думаешь, я теперь я поверю в сказке о всемогуществе? Да, вы тут стараетесь угодить, создаете видимость моей власти... Но как только доходит до дела — я оказываюсь бесправнее рабыни! Даже парня, которого подвела, спасти не могу.

— Наири...

Анна подняла голову. Эйр присел перед скамейкой, так что его лицо оказалось совсем рядом с её. Легкое дыхание ощущалось на губах вкусом вишни и ветра...

— Наири. Почему вы беспокоитесь об этом курсанте? Он сам избрал свою судьбу, поступив в Академию. Хон стал бы плохим рорагом, раз не справился с простейшей задачей...

— Но ты не справился ни с одной...

Эйр опустил взгляд, на мгновение, равное удару сердца.

— Я действую только во благо своей страны и своего короля. Если Наири недовольна — я готов понести наказание.

— Хватит. Я слышу это раз за разом, но вместо тебя всегда отдувается кто-то другой. Хон — преступник? Смешно! Он даже не рораг еще. А вы требуете у мальчика...

— В вашем мире такие "мальчишки" — уже мужчины. А у нас взрослеют гораздо раньше. Но я понял вас, Наири. Я сделаю все, что могу...

Анна поднялась, оттолкнула рорага и пошла к дому. Слезы застилали глаза, делая дорогу размытой, как на осенней акварели. Эйр приотстал, чтобы не нарушать её уединения, а встречные курсанты торопливо отходили в сторону и утыкались носами в землю. Вокруг Анны возникла зона, проникнуть в которую осмеливался лишь ветер.

Чтение приговора обставили с помпой. У плаца соорудили помост, накрыли ковром и водрузили высокое кресло. На него, со всяческими церемониями, усадили Анну. Эйр занял место справа, ректор — слева. Остальные преподаватели полукругом встали вокруг возвышения.

Вдоль плаца выстроились отряды учеников. Бесстрастные лица, безупречная выправка. Руки сложены за спиной. И — тишина. Только стяги хлопали на ветру — серо-серебряный и золотисто-черный. Третий флажок удивлял пустотой.

Ректор перехватил её взгляд.

— Прошу прощения. В Академии нет вашего стяга, ибо никогда прежде никто из Дома Наири не оказывал такой милости...

— Вы не передумали? — прервала Анна излияния инкуба.

— Нет.

Под конвоем четырех курсантов и своего декана появился Хон. В парадной форме, с погонами, на которых серебрился вензель Академии. Чеканя шаг, группа пересекла открытое пространство и замерла перед возвышением. Ректор подошел к краю помоста.

Анна не слушала. Она смотрела на курсанта. Хон же замер, глядя прямо, и понять по лицу, о чем он думает, было невозможно.

— А он хорошо держится, — шёпот Эйра вернул Анну в реальность. — Даже жалко...

— Не слишком ли длинный список преступлений? Когда он успел... столько?

— Курсант Саван Хон лишается звания учащегося Королевской Военной Академии...

Сорванные погоны полетели на землю. Подсудимый не шелохнулся.

— И приговаривается к смертной казни через повешение.

Анна ахнула. Но Эйр не позволил вскочить и кинуться к Хону- просто прижал за плечо к креслу.

— Тсссс. Это не все. Дослушайте.

— Милостью воплощения Богини-Матери, несравненной Лилит, преступнику даруется полное прощение. Он восстанавливается в Академии с понижением в звании, но сохраняет прочие права. Да будет вечной милость Наири.

Потрясенная Анна не знала, куда смотреть: на Хона, или на ректора. Курсант стоял, словно в ступоре. Посмотрел на Анну, но тут же уткнулся взглядом обратно в землю. Губы зашевелились, повторяя формулу:

— Да не оскудеет милость Наири!

И, следуя ритуалу, Хон опустился на колени.

Анна все же нарушила ход церемонии: спрыгнула с помоста и крепко обняла юношу.

— Прости. Из-за меня...

И замолчала, наткнувшись на его ошалевший взгляд. Подоспевший Эйр жестом велел курсанту отойти и, подхватив Анну под руку, увлек в сторону:

— Наири, я знаю, вам это не нравится... Но хотя бы здесь, в Академии — следуйте

правилам! В своем Храме можете творить...

— Кто-то мне говорил, что вся Эстрайя — мой храм.

— Да, верно. Но здесь рядом с вами совсем молодые ребята. Им еще нужно многое узнать, а ваши действия могут запутать их окончательно...

— Эйр, — Анна отогнала эйфорию и повернулась к инкубу. — Спасибо. Я тогда наговорила бог весть чего...

— Не важно. Вы в своем праве. И в будущем тоже — я выслушаю все, что вам угодно будет сказать, даже если слова буду очень горькие. Но, надеюсь, в следующий раз увижу и улыбку.

— Как будто мне нравится плакать... Эйр, а можешь еще помочь? Я же теперь из дома побоюсь выйти. Поговори с ректором, пусть не обращает внимания на промашки ребят.

— Невозможно. Солдат не должен нарушать дисциплину. А телохранитель — особенно.

— Я не прошу нарушать законы и правила. Только немного смягчить. Например, не наказывать никого, если виной проступка было мое поведение. А?

— Я попробую, Наири. А сейчас вам следует отдохнуть. Все же трибунал — тяжелое зрелище.

— Я видела много неприятных вещей. И дома, и тут. Так что ничего страшного. А вот тебе точно отдых требуется. Зачем ты столько работаешь? Неужели нельзя нормально лечиться, а не сидеть за бумагами день и ночь?

— Я почти здоров. Просто целители решили подержать меня в лазарете. На всякий случай.

Анна недоверчиво окинула Эйра взглядом.

— Свежо предание... Тебя раскаленной иглой протыкай — скажешь, что все в порядке.

— Рана почти затянулась. Могу показать!

— Ну не здесь же!

Анна испугалась. С Эйра станет скинуть одежду прямо тут, посреди дороги. Но врач в ней взял свое, и, проводя инкуба в лазарет, она долго ощупывала кожу вокруг багрового рубца, простукивала легкие.

— Невероятно! — Анна прислушалась к перкуторному звуку. — Пневмоторакс, легочное кровотечение — и почти без последствий! Точно ничего не беспокоит?

— Точно, Наири. Шрам тоже со временем рассосется.

Проходя мимо кабинета целителя, Анна с тоской скользнула взглядом по шкафу, полному книг. От желания прочитать их и разобраться, наконец, в организме демонов, зачесались кончики пальцев.

— Эйр, — вернулась она в палату. — Надеюсь, мои уроки не отменятся?

— А это как вам будет угодно!

Остаток дня Анна повторяла язык. В одиночку получалось плохо, но тревожить Хона после тяжелых событий не хотелось.

Утром в её кабинет явился незнакомый курсант.

— А где Хон? С ним все в порядке?

— Так точно, Наири. По приказу ректора курсант Саван Хон отстранен от службы вам. Вместо него...

— Верните его. Пожалуйста.

Парень растерялся. Но дежурный рораг быстро выпроводил новичка из дома с наказом выполнить желание Наири. Через полчаса Хон рапортовал о прибытии.

— Хон, я хочу еще раз извиниться. Я...

— Зачем, госпожа? Вы вольны распоряжаться мной, как пожелаете. И прошу, примите мой поклон...

— Нет!

Хон замер в растерянности.

— Меня уже тошнит от этих коленапреклонений. Я понимаю, традиции... Хон, если ты сейчас не будешь на полу валяться, тебя опять под суд отдадут?

— Нет. Но позвольте спросить, чем я не угодил госпоже?

— Госпожа всего лишь хочет пожить спокойно хоть несколько дней. И все. Скажи, насколько ты можешь упростить церемонии?

— Как прикажет Наири.

Анна вздохнула. Винить Хона, что он замер в предписываемой этикетом стойке, она не могла.

— Хорошо. Давай заниматься.

Курсант объяснял старательно, но прежней расслабленности в нем так и не появилось. Анна с трудом выдержала намеченное время.

— Спасибо, Хон. До завтра.

Вечером явился Эйр.

— Я поговорил с ректором. Он... позволит некоторые вольности. Но только ради вас, Наири. Ему хочется произвести хорошее впечатление. Все-таки, ваши будущие телохранители будут набираться из выпускников этого года. Я намекнул, что вы хотите лично понять их характер в неофициальной обстановке.

— Спасибо. Теперь бы до Хона это донести. Он на работа смахивает.

— Курсант всего лишь старается не нарушить правила.

— Уже поняла. Прогуляешься со мной? Надоел конвой, хочу спокойно побродить, подумать. А с тобой они отпустят.

— Как пожелаете.

Солнце еще не село, и пустыня плевалась в оазис раскаленным воздухом. Но ветерок уже охладился в ручье, и резвился возле домов, делясь прохладой. Эйр накинул Анне на плечи куртку:

— Простите, но тут больше ничего нет. Я успел заметить, она вам нравится.

— Спасибо. Скажи... ты ведь тоже нарушал субординацию. Чего отворачиваешься? Я все помню. Но под трибунал тебя не отдали. Почему?

— Наверное, потому что я уже рораг, в отличие от вашего любимца. И у моей головы только один повелитель — Его Величество.

— Выкрутился. А...

Резкий окрик заставил замолчать. Впереди, в темнеющем сумраке, двигались фигуры.

Воспитанники академии увидели Наири и сменили направление вечерней пробежки, чтобы не мешать её прогулке.

— Я могла и отойти.

— Нет. Отступить должны они. В траву, снег, грязь, болото... Рораг может преградить вам путь только в одном случае — если впереди опасность.

Разрешение ректора вести себя свободней на Хона не подействовало. Он старался, как мог: Анна еще только готовилась к занятию, а на столе уже лежала понравившаяся в первый день бумага, и заправленная чернилами ручка ждала в держателе. Но больше всего поразил

аккуратно переписанный из блокнота словарь. Хон старательно скопировал все, до малейшей черточки:

— Наири так будет удобнее.

Теперь, куда бы они ни пошли, он везде таскал черную папку, в которой лежали записи и чистая бумага. И очень следил, чтобы Наири помнила про обед или ужин.

Анна терпела. Подводить Хона не хотелось, беспокоили только его пропуски занятий. И, как ни привязалась она к молодому инкубу, все же решилась:

— За оставшиеся пару дней я язык не выучу, так что давай прекратим. Ты должен как следует учиться и сдать экзамен.

— Наири не желает, чтобы я и дальше ей служил?

— Наири желает, чтобы ты сам выбрал свой путь в жизни. Станешь рорагом, тогда и поговорим.

Но, отказавшись от уроков с Хоном, Анна тут же нашла ему замену. Выслушав, Эйр с невозмутимым видом явился в назначенный час, держа в руках знакомую черную папку.

— Вы почти все время проводите в доме. Может, прогуляемся?

— Тогда следи, чтобы я опять кого под монастырь не подвела, по незнанию.

Инкуб улыбнулся и придержал дверь.

Почетный караул остался возле дома — с капитаном Наири отпускали безоговорочно.

Заниматься настроение пропало, хотелось бездумно гулять. Эйр шел чуть сзади, сводя к минимуму риск снова оплошать. И Анна решила посмотреть, как учатся будущие рораги.

— Можно?

— Конечно. В такую погоду занятия проводят на улице. Правда, расписания я не знаю. Выяснить?

— Пойдем вместе. Может, повезет.

В этот раз удача ей улыбнулась. На лужайке сидели, поджав ноги, ученики. Анна выхватил взглядом знакомую фигуру. Хон. Значит, шестой курс. Целитель учил оказывать первую помощь. И заставлял отрабатывать непрямой массаж сердца друг на друге.

— Это же опасно!

— Не для инкубов, Наири.

— Смирно!

Один из курсантов заметил наблюдающих и подал сигнал. Вольготно расположившийся на траве класс моментально превратился в маленький военный отряд.

— Вольно!

Анне пришлось выйти из засады.

— Пожалуйста, продолжайте.

Молодые люди снова уселись на траву, но вид у них был другой: они старательно держали спину и выглядели... внушительно.

Преподаватель с улыбкой обратился к Анне:

— Наири, я знаю, что вы не чужды медицине. Я осмелюсь просить рассказать о целителях своего мира.

— Ну, вообще-то я послушать пришла, а не лекции читать.

— Прощу прощения, — тут же отступил целитель. — В таком случае, мы продолжим. Итак, кто из вас продемонстрирует первую помощь при эпилептическом припадке?

— У инкубов бывает эпилепсия? — шепотом поинтересовалась Анна у Эйра.

— Нет. Но среди потомков Первой Наири были страдальцы.

Тем временем курсант демонстрировал навыки на друге-добровольце:

— Прежде всего, надо позаботиться, чтобы человек не прикусил язык. Для этого хорошо вставить в рот деревянную палочку, обмотанную кожей.

— ... и растереть бедняге зубы в порошок... — тихо прокомментировала Анна.

— Во время приступа эпилепсии больного трясет, и нужно как следует удерживать конечности... — курсант старательно корпусом прижал приятеля к земле.

— ... и переломать все кости...

— Так же необходимо вытащить язык и зафиксировать его. Можно даже булавкой пристегнуть к воротнику.

— Для чего?

— Он может запасть и перекрыть дыхательные пути.

— ... отлично решение. Поглядеть бы на процесс...

— Хорошо. Дальше?

Тут Анна не выдержала:

— Вы думаете, после всего этого у больного будет "дальше"? И вообще — вам это помогало?

— Наири, — целитель опешил. — Мы изучаем эту болезнь по учебникам из вашего мира.

— Могу я взглянуть?

По знаку преподавателя курсант сорвался с места. Через несколько минут Анна крутила в руках книгу.

— 1975 год. Ну, понятно. Эти сведения устарели. Видите ли, медицина у нас хоть не на магии основана, но развивается быстро. Сейчас первая помощь оказывается немного по-другому. Иди сюда!

Курсант, над которым до этого издевался сокурсник, опасливо оглянулся на преподавателя, и послушно подошел.

— Ложись. Итак. Сколько стадий у эпилептического припадка, кто скажет?

— Две.

— Верно. Поэтому и действуем мы в соответствии с ними. Чем характеризуется первая?

— Гипертонусом.

— Правильно. Больного колотит, судороги. Что делаем?

— Фиксируем?

— Мышцы в тонусе. Представьте, сколько сил понадобится? Нет, я, конечно, понимаю, вы справитесь, но... В нашем мире говорят: "сила есть — ума не надо". Вот к этому случаю очень подходит. Если зафиксировать как следует, больной просто переломает себе кости. Скажите, хорошо ему потом будет? Значит, мы спокойно следим, чтобы он не покалечился. Вот так, — Анна села и положила голову курсанта себе на колени. — Можно чуть придержать за плечи — сотрясение мозга нам не нужно, верно?

— А палку в зубы вставить?

— Зачем?

— Чтобы язык себе не откусил.

— Ага. Анатомию учили? Какие мышцы у человека самые сильные?

Курсанты отвечали наперебой, приняв манеру Анны вести урок диалогом. Она дождалась правильного варианта:

— Вот. Жевательные. Легко будет челюсть разжать? Или опять: "сила есть — ума не

надо"?

— А как же... язык?

— Напоминаю — у больного судороги! Итак, если вы забыли, то язык — тоже мышца. Он в гипертонусе. Чтобы откусить — постараться надо. Максимум — прикусить. И, хотя со стороны зрелище будет не для слабонервных, на самом деле — ничего страшного. Итак, придерживаем голову и ждем второй стадии. Что её характеризует?

— Полное расслабление мышц.

— Да. И чем это нам грозит? Ну? Непроизвольное мочеиспускание может быть? Может. А еще... ваш любимый язык. Вот тут-то он и упадет. Что делать?

— Вытащить и зафиксировать.

— Ага, — рассмеялась Анна. — Булавкой, например. Но можно и попроще.

И она просто повернула голову "манекена".

— Вот так. Да и в случае рвоты асфиксии не будет. И — не беспокоим пациента! Особенно спящего. Остаемся рядом и обеспечиваем безопасность. Это все, что от вас требуется в случае классического припадка. Но если приступ затягивается, или переходит в эпистатус... Маги-целители вам в помощь. Методов лечения вашего мира я не знаю.

Курсанты смотрели на Анну, словно она им чудо показывала. Преподаватель быстро что-то черкал в блокноте.

— Господа, вам так же рекомендую зафиксировать мудрость, которой поделилась Наири, на бумаге.

Ученики спохватились и усердно заскрипели перьями.

— Я благодарю за этот урок. Вероятно, ваша наука развивается слишком быстро, мы не успеваем следить...

— Ну, про булавку меня тоже в свое время в институте учили. А потом срочно переучивали, как до дела дошло. Надеюсь, я смогу быть еще полезной.

— Несомненно, Наири. Если позволите, я обращусь к вам с некоторыми вопросами.

— Буду рада помочь.

Эйр протянул руку, помогая подняться с земли. Красиво, элегантно и — по уставу. Курсанты просто поедали его взглядами, боясь пропустить малейший жест.

— Ты тоже решил урок преподать? — шёпот Анны был легче взмаха крыльев мотылька.

— Скорее — маленькая демонстрация. Им полезно будет посмотреть, — Эйр постарался, чтобы курсанты не слышали.

До приезда короля Анна наслаждалась жизнью. К её завтракам, обедам и ужинам в общей столовой привыкли. При встрече на дорожках Академии курсанты не шарахались прочь, а спокойно уступали дорогу и шли дальше. Преподаватели перестали приходить в ужас, если Анна решала посетить занятие, а с целителем у них вообще сложились почти дружеские отношения. Он с удовольствием рассказывал о строении инкубов, суккубов, физиологии и прочих очень интересующих Анну вещах. Она же, в свою очередь, делилась своими знаниями. Информации о функционировании человеческого организма у целителей Эстрайи оказалось маловато:

— Никто не осмелится препарировать человека из Дома Наири. Но с анатомией мы более-менее разобрались. Немного знаем об эндокринной системе, пищеварительной. Все остальное — только по аналогии.

Учиться с помощью целителя, знающего тему, стало легче. Если строение инкубов и людей было идентичным, то эндокринная оказалась совершенно неизведанным миром.

Так, Анна узнала, что в организме демонов под действием праны начинает вырабатываться особый фермент. При необходимости он, проникая в ткани, производит перестройку. Мышцы приобретают другую форму, изменяется структура кожи. Так же, как и функционирование внутренних органов. Инкуб в человеческом обличье, и в облике демона анатомически и физиологически оказались совершенно разными существами.

Но объем информации оказался огромным. Целитель сочувственно поглядывал на попытки Анны запомнить как можно больше, а потом предложил:

— Может, если посмотреть "вживую", будет легче?

— Вы предлагаете вскрытие? При академии есть морг?

— Нет. Но он и не нужен. Выберите кого-нибудь из учеников.

Анна ошарашено уставилась на учителя:

— Вы хотите положить под нож курсанта?

— Как угодно Наири. Еще кадета можно. Или преподавателя.

Анна растерялась. Эйр, который не оставлял её ни на минуту, выглядел совершенно спокойным, словно и не слышал страшного предложения.

— В голове не укладывается...

— Почему? Так Наири удобнее будет получать знания.

— Он прав, — пришел на помощь целителю Эйр. — Лучше один раз увидеть самому, чем бесконечно читать в книгах. Тем более, что знаний у Наири не хватает. Этот вариант позволит вам обучаться быстрее.

— Вы... вы вообще понимаете, о чем говорите?

— Ну, думаю, препарированный проживет достаточно долго, чтобы госпожа успела...

— Замолчи!

Ужас и гнев в глазах Анны заставил телохранителя отшатнуться. Целитель же, опасаясь кары, упал на колени, спрятав лицо в ладонях.

— Ты что предлагаешь, Эйр? Убить человека ради любопытства?

— Не человека — инкуба. Если у Наири есть вопросы, она должна получить быстрые и подробные ответы. Сколько при этом погибнет рорагов или слуг — неважно.

Анна попятилась. Поверить, что они не шутят, было невозможно. А, поняв, развернулась и кинулась прочь, в глубину рощи. Эйр заторопился следом.

Влетев в густую тень пальм, Анна остановилась. Перед ней, удобно облокотившись на ствол, сидел Хон. Увидев Наири, он вскочил.

— Госпожа... Что-то случилось?

Анна рухнула на то самое место, где он сидел минуту назад.

— Хон, в Академии сухой закон? Или можно достать спиртное? Клянусь, я буду молчать...

Она осеклась, увидев приближающегося капитана. Курсант стоял, не зная, как реагировать.

— Эйр, — Анна жалобно оглянулась на рорага. — Эйр, прошу — дай мне одной побыть... ну, без твоей опеки. Прогуляйся за пределами рощи. Обещаю — никуда я отсюда не уйду!

Растерянный Хон переводил взгляд с уходящего капитана на бессильно поникшую Анну.

— Наири, вам достаточно приказать господину Эйру, или сообщить ректору — спиртное тут же доставят.

— И будут во все глаза смотреть, как я пью. Спасибо за совет. Слушай, Хон, ну хватит столбеть, а? Или тебя снова под трибунал потащат?

— Нет, — юноша устроился на траве, соблюдая дистанцию.

Анна молчала, и через некоторое время он решился спросить:

— Наири, что-то случилось?

— Случилось... Может, хоть ты объяснишь? Господин Ахерит предложил мне препарировать одного из учеников.

Тишина заставила Анну открыть глаза. Хон смотрел вопросительно:

— А что вас смутило?

— Ты... это... — она совершенно растерялась. — Это — нормально?

— Желание Наири стоит выше остального.

— А если я тебя выберу?

— Я подчинюсь любому приказу или капризу Наири. Как и остальные.

— Вы, рораги, просто сумасшедшие! — Анна вскочила.

Ей хотелось бежать куда-то спрятаться от непонятных мыслей, забиться в темный угол, но тихий голос Хона заставил остолбенеть:

— Почему — рораги? Любой из нашего народа. Даже, если он член королевской семьи. Исключая, конечно, Короля и Наследника.

— Но... почему?

— Наири, вы для нас — жизнь. Как можно игнорировать ваши желания? Прикажете, и любой сам вскрыет себе живот, или что прикажете. Взрослый, ребенок, мужчина, женщина — без разницы.

Голова закружилась. Ноги стали ватными. Анна теряла связь с реальностью.

— Мне надо выпить.

Хон испарился. Вскоре в рошу явился Эйр с корзиной в руках. Расстелил салфетку, расставил тарелочки с мелко нарезанными закусками и бутылку вина. Анна смотрела, как алая жидкость сбегает по стенкам кубка:

— А покрепче ничего нет?

— Есть. Но не стоит...

— Иди к черту. Я хочу выпить. И не этот компотик!

Эйр молча заменил зеленую бутылку на белый глиняный кувшинчик, а вместо бокала достал крохотную белую чашечку. Анна понюхала мутноватую жидкость, и, зажмурившись, отхлебнула.

Пламя охватило язык, обожгло небо и, сжигая остатки кислорода, хлынуло по пищеводу в желудок. Анна хватала ртом воздух, и, не открывая глаз, зашарила рукой, ища, чем закусить. Эйр быстро подставил тарелочку.

Кусочек жареного мяса слегка погасил пожар. Анна перевела дух и открыла глаза:

— Что это было?

— Местная водка. Еще? — Эйр чуть наклонил кувшинчик.

— Ой, нет. Хватит.

Отдышавшись, она честно опустошила тарелки и попыталась встать. Пальмы почему-то именно в этот момент затеяли хоровод, и земля выгнулась дикой кошкой, шерстью вздыбив траву.

Эйр успел подхватить. В его объятиях мир прекратил дикую пляску, а голова так удобно устроилась на крепком плече. Только погон немного царапал щеку.

Листья пальм зелеными штрихами украшали небесное полотно. Легкими мазками акварели то тут, то там появлялись тонкие облака, и тут же растворялись в синей краске. Солнце слепило, и Анна прикрыла глаза. Мерный шаг убаюкивал, и вскоре стало непонятно — наяву все происходит, или во сне...

Проснулась Анна не одна. Рядом, на кровати сидел Хон. С другой стороны в легком кресле удобно устроился Эйр.

— Что вы... Как...

Вместо приветствия капитан протянул пиалу. Не в силах спорить, Анна сделала несколько глотков горячего, густого отвара и приготовилась бежать в уборную.

К её удивлению, тошнота отступила. И голова перестала болеть.

— Что произошло?

— Вы вчера слишком много выпили.

— Неправда! Всего-то несколько глотков. Доза маленькая для такой реакции.

— Это местная водка, Наири. Вам хотелось чего покрепче. Я взял на себя смелость и...

— Подожди. Что я вчера творила? — испугалась Анна.

— Ничего. Вы сразу же заснули. Я принес вас в спальню и уложил.

Анна начала вспоминать.

— Так ты тащил меня пьяную через всю Академию?

— Спящую, — уточнил Эйр, — вы спали, госпожа.

— О боже! Как же я теперь на людях покажусь... Хон, а ты что тут делаешь?

— Во сне вы просили, чтобы его позвали. И вцепились в него, как в соломинку.

Анна перевела взгляд на руку и заставила пальцы разжаться, отпуская ладонь курсанта:

— Прости, Хон. И... наверное, иди.

Едва дверь закрылась, Анна набросилась на Эйра:

— Ладно, пьяную тащил... Но ребенка-то зачем позвал?

— Хон не ребенок! И Наири желала...

— Ты это специально, да? Вот где не нужно — там "как Наири пожелает". А где надо, так кучу отмазок найдешь. И что теперь делать?

— Ничего. Все хорошо.

— Ну да. Кстати, что за зелье ты мне сейчас принес? На нем в моем мире озолотиться можно — такой антипохмелин шикарный!

— Я не знаю, это Ахерит готовил. Но действует прекрасно, да.

— Что, тоже пользовался?

— Приходилось. Сухой закон иногда кажется невыносимым.

Теперь Анна из дома даже в сад не выходила — было стыдно. Просидела весь день, забравшись с ногами на диван. Отвлекалась от мыслей, только когда Эйр доставлял еду. Заметив это, рораг стал то и дело приносить фрукты: почищенные и порезанные дольками яблоки с розовой мякотью, истекающие соком груши, нежные персики, сладкую хурму.

— Странно. Они же сезонные. Но выглядят, словно только что сорваны.

— Мы умеем сохранять фрукты в первозданном виде. Хотите посмотреть хранилища?

— Ммм... нет. В другой раз.

Его не предоставилось. На рассвете оазис наполнился ревом медных труб, и во двор Академии въехали всадники. Король явился за Наири.

Больше книг на сайте - Knigolub.net